

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

ISSN 2949-1819 (Online)

№ 3(8) – 2024

7

Нормативное
и фактическое
в исследовании
правовых культур

140

Обзор Третьей
международной
научно-практической
конференции
«Юридические
конфликты
современного
мира-2024»

160

PERSONA:
юбилей
профессора
А. В. Полякова

Corrige praetertum Praesens rege Cerne futurum
Praesens rege Praesens rege Corrigere praetertum
12+ Cerne futurum Praesens rege Praesens rege
Praesens rege Cerne futurum Corrigere praetertum Cerne futurum

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание
Основан в 2022 году
Выходит 4 раза в год

№ 3(8) – 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

**Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»**

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки.
Приоритетными направлениями исследований для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований.
Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.

Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.

Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Дата выхода в свет номера: 12.12.2024

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Воронежский государственный университет, 2024

**Networking scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology"**

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.

The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.

The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.

The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.

The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Issue publication date: 12.12.2024

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© Voronezh State University, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Старилов Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Zavyalova I. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive secretary – **Shelestov D. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, The North-West Institute of Management of the RANEPa (Russia, Saint-Petersburg)*; **Arkhipov V. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg)*; **Baev M. O.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Baulin O. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Birukov P. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Vasiliev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul)*; **Vlasenko N. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow)*; **Gambaryan A. S.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan)*; **Demichev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Dorskaya A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg)*; **Zrazhevskaya T. D.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Lomakina I. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Malko A. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov)*; **Mikhailov A. M.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Russia, Moscow)*; **Nosyreva E. I.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Pavlov V. I.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)*; **Panko K. K.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Sazonnikova E. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Razzokov B. H.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe)*; **Romanovskaya V. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Sorokina Yu. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Starilov Yu. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Chestnov I. L.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Shemeneva O. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*.

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Антонов М. В.</i> Нормативное и фактическое в исследовании правовых культур.....	7
<i>Калинина Е. В.</i> «Путешествие во времени» религиозно-традиционных правовых систем: аксиология социально-правовых трансформаций (на примере иудейского права)	26
<i>Есаева Е. А.</i> Право Вьетнама в условиях дихотомии Запада и Востока.....	35

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Сорокина Ю. В.</i> Противоречия и дихотомии как основания интраперсональных конфликтов	42
<i>Зауторова Э. В.</i> Межнациональные конфликты и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности страны.....	62
<i>Кукеев А. К.</i> Искусственный интеллект как «электронный судья»: риски и преимущества	69

ОСОБЫЙ РАКУРС: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Поцелуев Е. Л.</i> Виды федераций в Бразилии, Индии и России во второй половине XX – первой четверти XXI века: сравнительно-правовой анализ.....	78
<i>Борисов А. М.</i> К вопросу о структуре правоотношения.....	90
<i>Горбунов М. Д.</i> Формирование современного либерального подхода к государственно-правовой системе: некоторые вопросы теории права.....	102

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л.</i> Судебная власть и судебная система Китайской Народной Республики во второй половине XX – первой четверти XXI века	110
---	-----

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Ефремов Д. А.</i> Развитие института административного судопроизводства через призму рецепции права.....	129
---	-----

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Сиринько В. А., Шелестов Д. С.</i> Обзор Третьей международной научно-практической конференции «Юридические конфликты современного мира - 2024» (Воронежский государственный университет, 15 марта 2024 г.).....	140
---	-----

PERSONA

<i>Махина С. Н., Малиновская Н. В.</i> От коммуникативного к натуралистическому «повороту» в теории права: к юбилею профессора А. В. Полякова	160
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	169
-------------------------------------	-----

CONTENTS

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

- Antonov M. V.* Normativity and facticity in the study of legal cultures7
Kalinina E. V. Time travelling of religious and traditional legal systems:
axiology of social and legal transformations (Jewish law experience)26
Esaeva E. A. The law of Vietnam in the context of the dichotomy of the West and the East..... 35

CONFLICTOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

- Sorokina Yu. V.* Contradictions and dichotomies as the basis of intrapersonal conflicts.....42
Zautorova E. V. Interethnic conflicts and religious extremism
as a threat to the national security of the country 62
Kukeyev A. K. Artificial intelligence as an “electronic judge”: risks and benefits69

SPECIAL PERSPECTIVE: PROBLEMS OF THEORY OF STATE AND LAW

- Potseluev E. L.* Types of federations in Brazil, India and Russia in the second half
of the XX – the first quarter of the XXI century: comparative legal analysis78
Borisov A. M. To the question of the structure of legal relationship.....90
Gorbunov M. D. Formation of the modern liberal approach to the state-legal system:
some issues of the theory of law 102

FOREIGN EXPERIENCE

- Kuzmina O. V., Potseluev E. L.* Judicial power and judicial system of the Peoples’
Republic of China in the second half of the XX – the first quarter of the XXI century 110

YOUNG SCIENTISTS’ PAGE

- Yefremov D. A.* Development of the institute of administrative proceedings
through the prism of the prescription of law 129

REVIEWS, CRITIQUES

- Sirinko V. A., Shelestov D. S.* The review of the Third International Scientific and Practical
Conference “Legal Conflicts of the Modern World – 2024” (Voronezh State University,
March 15, 2024)..... 140

PERSONA

- Makhina S. N., Malinovskaya N. V.* From the communicative to the naturalistic “turn”
in legal theory: to the anniversary of professor A. V. Polyakov 160

- INFORMATION FOR AUTHORS** 169

УДК 340.1

НОРМАТИВНОЕ И ФАКТИЧЕСКОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

М. В. Антонов

*Юридический факультет Санкт-Петербургского филиала
НИУ «Высшая школа экономики»*

Поступила в редакцию 17 мая 2024 г.

Аннотация: в работе изучается различие между нормативным и фактическим аспектами правовой культуры и те следствия, что связаны с выбором того или иного аспекта для исследования. Исследование правовой культуры на микроуровне акцентирует внимание на особенностях истолкования, применения, восприятия норм в отдельных социальных группах, среди конкретных индивидов. Суть нормативного подхода к пониманию правовой культуры заключается в имплицитном выдвигании некоторых требований к праву в плане его соответствия тем или иным оценочным критериям. Здесь появляется риск того, что исследования правовой культуры окажутся в зависимости от оценочных суждений, в результате которых тот или иной правопорядок или его отдельные части (институты, нормы и проч.) будут рассматриваться как противные правовой культуре, что рискует подорвать их эффективность. Первый подход чаще встречается в социолого-правовых исследованиях и характерен для позитивистской юриспруденции, а второй скорее свойственен исследованиям в области юридической антропологии современных обществ и нередко сочетается с разного рода непозитивистскими подходами к праву.

Ключевые слова: правовая культура, юридическая антропология, правовой позитивизм, оценочные суждения, субъективизм, нормативность, широкий и узкий подходы к праву.

NORMATIVITY AND FACTICITY IN THE STUDY OF LEGAL CULTURES

M. V. Antonov

*Faculty of Law, St. Petersburg Branch of the National Research University
“Higher School of Economics”*

Abstract: the paper examines the distinction between normative and factual aspects of legal culture and those consequences that are connected with the choice of one or another aspect for one’s research. Studying legal culture at the micro-level focuses on the peculiarities of interpretation, application, perception of norms in separate social groups, among specific individuals. The normative approach to legal culture prioritizes certain requirements to the law in terms of its compliance with one or another evaluative criterion. Here appears a risk that studies of legal culture will become dependent on evaluative judgements, as a result of which this or that legal order or its individual parts (institutions, norms, etc.) will be regarded as contrary to legal culture, which risks undermining their effectiveness. The first approach is more common in sociological-legal studies and is characteristic of positivist jurisprudence, while the second approach is more characteristic of studies in the field of legal anthropology of modern societies and is often combined with various non-positivist approaches to law.

Key words: legal culture, legal anthropology, legal positivism, value judgements, subjectivism, normativity, broad and narrow approaches to law.

Введение

Тематика правовой культуры является одним из важнейших аспектов сравнительно-правового анализа. Значение правовой культуры нельзя отрицать и в исследованиях, проводимых в рамках теории права и отраслевых правовых дисциплин, поскольку контекст истолкования и применения правовых норм, несомненно, влияет на сами эти процессы. Культура в целом и правовая культура в частности изучается также во множестве социальных и гуманитарных наук, включая социологию и антропологию, социальную философию.

Как корректно определить предмет исследований, чтобы различные дисциплины не пересекались без надобности между собой, а также чтобы изучение правовой культуры в рамках юридических наук «подсвечивало» именно то, что в первую очередь интересует правоведов, оставляя философам и культурологам то, что лучше может быть исследовано в рамках их научных дисциплин?

Настоящая работа попытается дать ответ на эти вопросы в перспективе выделения нормативного и фактического измерения правовой культуры. Первое измерение предполагает установление целей и ценностей, мето-

дов их достижения и способов оценки таких достижений. Иными словами, оно описывает требования к правовой деятельности и ее развитию. Второе измерение предполагает описание самих практик и представлений, фактически существующих в отдельных правовых сообществах, и сравнение их между собой. Первое измерение предполагает философско-правовую рефлексию, второе – сравнительно-правовой анализ. Разумеется, оба измерения тесно связаны между собой. Но это не исключает проведение различия для лучшего понимания их взаимосвязи.

Первая, нормативная перспектива связана с целеполаганием и оценочными суждениями – в ее рамках применительно к «правовой культуре» различными акторами формулируются утверждения о том, каким стандартам должно соответствовать правовое сообщество и на каких ценностях это сообщество должно основываться¹. В зависимости от того, как по отношению к этим стандартам и ценностям оценивается то или иное явление, оно получает характеристику как явление правовой культуры либо, наоборот, как проявление правового нигилизма, правового бескультурья и проч. При всей важности такой перспективы представляется, что надлежащее место для ее обсуждения – не в сфере юридических наук, а в сфере социальной философии и философии права. Дело в том, что такого рода оценки неизбежно ставят вопрос о конечных целях и ценностях правового (или иного) развития, что в рамках теории права или сравнительного права обычно не обсуждается. Для такого обсуждения нужны предварительные аксиоматические, недоказуемые допущения, которые традиционно обсуждаются в рамках философии.

В этом отношении можно вспомнить о полезном делении, предложенном еще в рамках советской юриспруденции применительно к нормативному (оценочному) и фактическому (практическому) аспектам правовой культуры. Критикуя односторонние оценочные подходы к определению этого понятия, в 1974 г. В. И. Каминская и А. Р. Ратинов предложили изучать «овеществленные» элементы правовой культуры и их отражение в сознании. Среди этих элементов такие, как: система норм, правоотношения, правовые институты, правосознание, правовое поведение (деятельность)². Представляется, что подобный социологический взгляд на правовую действительность позволяет осуществить нейтральное в смысле свободы от оценочных суждений изучение правовых культур через сопоставление тех социальных фактов (отношений, институтов, практик и проч.), через которые и раскрывается отношение к праву в различных юрисдикциях.

¹ См., напр.: Семитко А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 108–113.

² Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. С. 43.

1. Определение правовой культуры

В том значении, что придается понятию «культура» в определении ЮНЕСКО, оно охватывает практически все стороны социального и духовного бытия человека: «...совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что помимо искусства и литературы она охватывает образ жизни, умение жить вместе, системы ценностей, традиции и верования»³. Трудно будет найти в социальной жизни нечто такое, что не могло быть теоретически связано с культурой в таком смысле. Если для юридических исследований брать понятие «культура» в этом широком смысле и связывать его с правом, – которое в различных трактовках может охватывать множество сторон социального бытия, – то предмет исследований в области «правовой культуры» оказывается практически безграничным.

В качестве примера нормативного аспекта правовой культуры можно привести данное еще в советское время определение В. М. Чхиквадзе, согласно которому «правовая культура – это система определенных правовых идей, нравственных норм и других духовных ценностей, формирующих правосознание и направляющих поведение социальных групп, коллективов и отдельных личностей в соответствии с требованиями социалистического права и законности»⁴. Эта нормативность транслирует морально-этические и идеологические требования, обращенные к участникам правового общения. Некоторые авторы рассматривают правовую культуру как средство для достижения прогресса⁵, что предполагает рассмотрение этой культуры как ценности самой в себе, как части прогрессивного, направленного на достижение ценностей развития общества⁶.

³ Преамбула Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии от 02.11.2001. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml

⁴ Чхиквадзе В. М. Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства // Коммунист. 1970. № 14. С. 51.

⁵ См.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996.

⁶ Так, в определении профессора В. Н. Карташова правовая культура предстает как «исторически сложившаяся относительно самостоятельная разновидность духовно-материальной культуры, которая представляет собой совокупность юридических ценностей, отражает качественное состояние правовой системы (степень совершенства и эффективности права, правосознания и юридической практики), уровень правового развития личности (ее представлений, идей, убеждений, знаний, установок, умений, навыков, действий и т.п.), обеспечивает юридическую коммуникативность, упорядоченность и управляемость общественных отношений, законность и правопорядок, прогрессивно влияет на формирование всех сфер жизнедеятельности общества, отдельных индивидов, их коллективов, организаций, всего населения» (Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структуры, функции. Ярославль, 2008. С. 32). Ср. с определением профессора С. С. Алексева, более ориентированным на юридическую технику, но также не свободным от оценочных критериев: Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 270–271.

Суть этого нормативного подхода к пониманию правовой культуры заключается в имплицитном выдвигании некоторых требований к праву в плане его соответствия тем или иным оценочным критериям (эффективность, прогрессивность и проч.). Здесь появляется риск того, что исследования правовой культуры окажутся в зависимости от оценочных суждений: применительно к исповедуемой исследователем системе ценностей и выбранной им мировоззренческой позиции будут различаться смыслы «качественного состояния», «уровня развития», «прогрессивного влияния» и прочих критериев.

Наряду с субъективизмом оценочных суждений, трудность для применения ценностных стандартов в области права представляет определение того, что признавать в качестве таких стандартов. Если исследователь будет утверждать однолинейность правового развития, единство ценностей, к реализации которых якобы стремится это развитие, утверждать одно, общее для всех цивилизаций и культур понимание права и правового регулирования, то он, вероятно, сможет выстроить некую более или менее последовательную шкалу оценивания. Другое дело, насколько эта шкала может претендовать на объективность. Такие линейные схемы нередко встречаются в правовых сообществах, где признается единая система либеральных ценностей, основанная на западной правовой традиции и тех приоритетах (прав человека, демократии и проч.), что аксиоматически ставятся в качестве безусловных приоритетов социально-правового развития в перспективе либеральной идеологии.

Как представляется, определения проф. С. С. Алексеева, В. Н. Карташова, А. П. Семитко и ряда других отечественных исследователей по проблематике правовой культуры опираются именно на это видение. Не входя в обсуждение сравнительных преимуществ и недостатков либеральной (или какой-либо другой) правовой идеологии, достаточно будет отметить, что по упомянутым выше причинам это обсуждение скорее принадлежит сфере философии. Смещение выбранной исследователем нормативной перспективы (его мировоззренческих, идеологических и иных предпочтений) со сравнительным исследованием фактов правовой жизни различных сообществ, вполне возможно, приведет к субъективации такого исследования, к искажению его результатов в плане оценки сравниваемых правовых явлений и культур.

Как правильно отмечает Н. В. Варламова в энциклопедической статье о правовой культуре, согласно такому подходу «право выступает доминирующей соционормативной системой только в рамках так называемой западной культуры (цивилизации). В данном контексте принято различать культуры правовые и неправовые, а также развитые и неразвитые правовые культуры. Более или менее явно эта классификация прослеживается во всех комплексных сравнительно-правовых

исследованиях»⁷. В результате такого евроцентристского видения «идеалом должно быть западное правовое общество, в сравнении с которым иные правовые культуры якобы проигрывают в цивилизованности. При таком подходе в разряд отсталых попадают практически все правовые ценности, не относящиеся к западной юридической традиции (например, правовые культуры, основанные на обычном и религиозном праве)»⁸.

Впрочем, то же самое касается и иных дискурсов в правовой науке, что выстраивают классификацию правовых культур по отношению к какому-то одному или нескольким цивилизационным центрам. В отличие от многих социальных наук, в частности, социологии, правоведение ориентировано на рассмотрение культуры на высоком уровне абстракции. В большей части публикаций отечественных правоведов, где речь идет о правовой культуре, она берется на уровне государства, народа и других подобных общностей.

Как представляется, это связано со сложившейся еще в XIX в. гегелевско-историцистской традицией рассмотрения права как результата развития народа, его духа, либо государства как проявления этого духа. Рассуждения на таком уровне абстракции дают намного меньше полезной информации применительно к тому, что было обозначено выше как фактический аспект, чем исследование правовой культуры на более низком уровне отдельных социальных групп. Вместе с тем, рассуждения о правовой культуре народа, государства, цивилизации и прочих общностей предоставляют благодатную почву для нормативных утверждений о том, каких законов требует культура от законодателей, какого поведения – от адресатов, каких решений – от судей, и т.п. В таких рассуждениях потенциально, хотя не обязательно и не всегда, присутствует опасность подмены самих норм права такого рода нормативным дискурсом.

2. Правовая культура и правопонимание

Выше был обозначен аспект, оказывающий определяющее воздействие на формирование понятия «правовая культура» с точки зрения нормативного измерения. Это ценностные представления и ориентиры, позволяющие представить развитие права как реализацию этих ценностей. Другой важный аспект – это само понятие права, применительно к которому определяется объем того, что является «правовой» культурой. Но по поводу этого понятия в юридической науке нет консенсуса. С одной стороны, в теоретическом правоведении сложился позитивистский подход,

⁷ Варламова Н. В. Правовая культура // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/pravovaia-kul-tura-36e633>

⁸ См.: Синюкова Т. В. Правовая культура: понятие, структура, соотношение национального и общечеловеческого // Правовая культура. 2009. № 2. С. 9.

который делает акцент на установленных, позитивированных в общественной практике правилах поведения, т.е. на нормах права; ему противостоит множество непозитивистских подходов, включая естественно-правовой, где нормы не считаются основным элементом регулирования.

Следуя советской традиции, в отечественном правоведении принято выделять две перспективы для изучения права – узкую, которая ограничивает его пределы исходящими от государства нормами, и широкую, которая, наряду с нормами, включает в сферу права также иные явления и процессы (идеи, отношения, сознание и проч.)⁹. В ракурсе этого деления предполагается, что широкий подход так или иначе включает в себя культуру, тогда как для узкого подхода (юридического формализма) связь права с культурой и другими сферами социальной действительности принципиального значения не имеет.

Независимо от того, насколько такое описание узкого подхода реально отражает строй мысли А. Я. Вышинского и других представителей советского правового нормативизма¹⁰, в основу вышеописанного дуализма кладутся неверные исходные посылки и объяснительные схемы. Если следовать логике этого методологического дуализма, позитивисты должны отрицать значение культуры для создания и применения права, для определения понятия права и понимания источников и механизмов действия (обязывающей силы) права. Тогда как представители иных, непозитивистских направлений правопознания всегда будут признавать значение культуры для формирования, развития и применения права. В такой упрощенной перспективе исследование правовой культуры должно быть безынтересным для позитивистов, но будет всегда представлять исследовательский интерес для непозитивистов.

Нет нужды критиковать такую упрощенную картину юридической методологии. Ложность тезиса о том, что позитивисты (нормативисты) отрицают значение культурологических исследований для правоведения, очевидна хотя бы ввиду того места, которое ведущие представители нормативизма (Г. Кельзен, Г. Л. А. Харт и др.) уделяли идейному, политическому и социально-культурному контексту создания и применения права в своих трудах¹¹. В то же самое время исследование культуры может иметь мало значения для сторонника юснатурализма, который в общественной жизни находит лишь несовершенную эманацию вечных идей и принципов, на которые и обращено всё его внимание, тогда как

⁹ См.: Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М., 2010. С. 227–228.

¹⁰ Кодан С. В. А. Я. Вышинский и подготовка учебников по теории государства и права: идеологический контекст развития советского правоведения // Российский юридический журнал. 2016. № 1(106). С. 204–221.

¹¹ См., напр.: Кельзен Г. Что такое справедливость? Справедливость, право и политика в зеркале науки. СПб., 2023; Его же. Очерки по философии права и морали. СПб., 2024; Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М., 2017; Его же. Право, свобода и мораль. М., 2020.

само позитивное право, равно как культура и иные социальные явления не имеют особой ценности *sub specie aeternitatis*.

То, что было в основе советского разделения узкого и широкого подходов, – объем понятия права, в который включались или не включались сознание, отношения, идеология и проч., – само по себе не является решающим для определения значимости культуры или иного аспекта социальной действительности для правопознания. Точно так же можно определять экономику, политику, идеологию или любую другую сферу жизнедеятельности без отсылки к праву (не включая право в объем соответствующего понятия), что разумно не должно толковаться как отрицание важности исследования взаимосвязи между правом, экономикой и прочими сферами в ракурсе соответствующей научной дисциплины.

Другое дело, что тезис о связи между правом, культурой и иными сферами социальной действительности может пониматься по-разному – в зависимости от того, насколько та или иная формулировка данного тезиса допускает автономию права по отношению к этим сферам. Можно представить себе две крайности в вопросе об автономии права. К обсуждению этих крайностей нередко и сводится содержательное обсуждение этого вопроса, хотя, как представляется, истина находится между этими крайностями и основной вопрос тут в степени автономии и ее характере. С одной стороны, можно встретить утверждения о том, что право существует в некоем изолированном мире долженствования, не имеющем ничего общего с социальной действительностью. С другой, некоторыми теоретиками утверждается, что право лишь отражает объективную духовную, социальную, экономическую или иную действительность и закономерности ее развития, не имея по отношению к ней никакой автономии.

Утверждения первого типа часто выдвигались против чистого учения о праве, так что требование Г. Кельзена о методологической последовательности правопознания некритически смешивалось с идеей, никогда Г. Кельзеном и другими значимыми позитивистами не выдвигаемой, о том, что действие права может быть представлено как независимое от той духовной и социальной среды, в которой оно создается и существует. На самом деле, австрийский мыслитель никогда не «редуцировал методологический плюрализм до одного единственного метода»¹² и не «отвергал философию права как метафизические и идеологизированные учения, не соответствующие позитивистским критериям строго научного понимания права»¹³. Достаточно прочесть процитированные выше работы основателя чистого учения о праве, чтобы в этом убедиться.

¹² Горбань В. С., Груздев В. С. О разнообразии «чистых» учений о праве // Право и политика. 2022. № 11. С. 33.

¹³ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2020. С. 764.

Утверждения второго типа характерны для различных версий юснатурализма, в которых право рассматривается лишь как проявление высших ценностей и принципов, а позитивно-правовые нормы суть лишь несовершенные отражения истинного порядка вещей. Близки этой логике и позиции различных социологических теорий, которые считают право лишь несамостоятельным отражением социальных, экономических, культурных или иных закономерностей.

Позиция о том, что право суть лишь отражение закономерностей, хорошо знакома в отечественной правовой теории, которая в течение длительного времени развивалась под влиянием марксистско-ленинского философского учения о базисе и надстройке. То, что принято было называть «широким подходом к праву» в советской теоретической юриспруденции, как раз и представляло собой применение принципов марксизма-ленинизма к области правоведения. Этот широкий подход проявлялся в рассуждениях о несамостоятельности сферы правового регулирования по отношению к той экономической и идеологической среде, в которой право существует. При этом и «узкий подход» не исключал исследование связи права и той социально-культурной среды, в которой право формируется. Различие состояло лишь в том, признавалось ли за культурой, экономикой, идеологией и другими социальными факторами нормативное значение либо нет.

Из изложенного становится очевидным, что исследование связи права и культуры может вестись как с позиций так называемого «узкого», так и с позиций так называемого «широкого» понимания права. В первом случае предметом рассмотрения будет правовая культура как совокупность практик и представлений, через которые в социальной жизни осуществляется право как нормативный регулятор человеческого поведения. Во втором случае культура окажется включенной в само понятие права, наряду с правосознанием, правоотношениями, идеологией и другими элементами социальной действительности, в которых выражаются правовые ценности. Нельзя отрицать важности обеих этих перспектив, но, ввиду ранее высказанных методологических соображений, представляется, что правоведению следует сосредоточиться на первом аспекте, тогда как вторая, широкая перспектива должна обсуждаться скорее в сфере социальной и правовой философии.

3. Антропология права и культурология

Нередко предпринимаются попытки перенести обсуждение широкой перспективы связи права и культуры в область антропологического подхода к праву или юридической антропологии. По определению Н. Рулана, этот подход «имеет своей целью понять правила поведения в различных обществах, заявляя при этом о невозможности изолировать право как от-

дельный предмет для исследований, поскольку оно является лишь одним из элементов общей культурной и социальной системы, свойственной любому обществу и различным образом воспринимаемой и реализуемой каждой из подгрупп общества»¹⁴. Если рассматривать право лишь как силу взаимных обязательств, которая связывает между собой индивидов и группы и позволяет им жить в сообществе, то это право «выражается скорее в процессах, чем в фиксированных нормах» и «нормативный анализ может учитывать лишь часть правовых явлений и только в отдельных обществах», так что первостепенное значение приобретает исследование того права, «в которое вживается индивид и которым он руководствуется»¹⁵.

В этом широком плане изучение юридической антропологии совпадает с исследованием правовой проблематики в целом, места права в обществе, как это демонстрирует определение В. С. Нерсесянца из введения к русскому переводу книги Н. Рулана: «...наука о человеке как социальном существе в его правовых проявлениях, измерениях, характеристиках. Она изучает правовые формы общественной жизни людей от древности до наших дней... всё правовое многообразие и богатство человечества (и составляющих его этнических групп, народов, наций) в его становлении и развитии, в его реальном социально-историческом бытии»¹⁶. В развитых обществах понимаемая в этом смысле антропология права имеет, по определению И. Л. Честнова, своим предметом «человеческое измерение права как явления культуры»¹⁷.

Вместе с тем, такое «измерение» делает границы этой дисциплины практически безбрежными¹⁸ и позволяет, применительно к правовой культуре, рассуждать практически обо всем. Результатом становится смешение правоведения с антропологией и другими социальными науками. Как отмечает С. И. Архипов, «обратной стороной предельно широкого подхода к пониманию и изучению права является предметная неопределенность, рыхлость юридической антропологии»¹⁹.

Исследование «живого права», непосредственно определяющего поведение людей по отношению друг к другу, несомненно важно, особенно применительно к обществам, где государственно-организованное право не существует или не обладает широким действием²⁰. Именно с исследо-

¹⁴ Рулан Н. Юридическая антропология : учебник. М., 1999. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 43, 46–47.

¹⁶ Нерсесянц В. С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина // Рулан Н. Юридическая антропология. С. 1.

¹⁷ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 632.

¹⁸ Ср.: Веденеев Ю. А. Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями // Lexrussica. 2016. № 9. С. 9–23.

¹⁹ Архипов С. И. Антропологическая теория права // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 12.

²⁰ См.: Разуваев Н. В. Правовые предпосылки возникновения и эволюции государства: очерк юридической антропологии // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 4. С. 64–84.

ваний этих обществ и начиналась история антропологии права. Таким антрополого-правовым исследованиям нельзя отказать в актуальности – они позволяют более полно понять фактические механизмы формирования правовых моделей поведения и их действия в общественной жизни; особенно там, где правовые практики не институционализированы.

Но при этом нельзя упускать из виду существенные различия, что имеют место между «живым правом» и государственно-организованным, официальным правом, и соответствующее различие методологических приемов исследования правовой культуры в обществах с неразвитой и с развитой институциональной структурой. Даже если не оспаривать применения к социальным порядкам первобытных обществ общего термина «право», правовое регулирование в развитых и неразвитых обществах образуется и действует по разным алгоритмам, характерным для централизованного и децентрализованного регулирования, которые характеризуются наличием или отсутствием вторичных правил, специальных институтов для создания и применения права, способов установления норм, формы обеспечения норм принудительной силой, и проч.

С точки зрения фактического механизма установления людьми своих взаимных прав и обязанностей в общественной жизни, очевидно, что этот механизм во множестве аспектов определяется культурой (понимаемой как совокупность социальных ценностей, практик, знаний и прочих аспектов социально-духовного бытия людей). В этом отношении интуитивно понятным и объяснимым может показаться исследование правовой культуры через призму общей культуры. Сначала определяются общие черты и характеристики культуры соответствующего общества, закономерности его развития, а затем из них выводятся суждения об особенностях правовой культуры такого общества²¹.

Однако такой подход чаще дублирует культурологические исследования и переносит их выводы на сферу правового взаимодействия – как если бы эта сфера была лишь отражением культуры и не обладала никакой автономией. В этом значении рассуждения о правовой культуре нередко встречаются в антрополого-правовых и сравнительно-правовых исследованиях, транслируя нарративы о национальном характере того или иного народа, свойственном ему менталитете, особенностях его исторического пути и т.п. для предположений о том, какой должна быть правовая культура этого народа с учетом этих психологических, исторических и иных особенностей.

²¹ В этом смысле юридическая антропология, по определению А. И. Ковлера, «исследует процессы юридизации человеческого бытия, свойственные каждому историческому типу цивилизации, и стремится выявить закономерности, которые лежат в основе социального и правового быта человеческих общностей» (*Ковлер А. И. Антропология права. М., 2002. С. 23*).

Хотя такая перспектива не лишена научного интереса, ее значимость нельзя переоценивать. Очень часто рассуждения о национальных культурах сводятся к стереотипам и поверхностным клише, которые представляют отдельных индивидов и конкретные профессиональные и иные сообщества в качестве выразителей народного духа, национального самосознания и прочих абстракций высшего порядка. В реальности невозможно найти такую «чистую» культуру, что не имела бы в себе элементов, считающихся характерными для противоположной культуры. А многие из принадлежащих к обществу людей не разделяют шаблонов и стереотипов, что считаются стандартными для культуры этого общества. В реальности, широта русской души (или же пресловутый русский «правовой нигилизм»), галантность француза или педантичность немца мало что дадут для понимания, соответственно, русской, французской или немецкой правовой культур, между которыми гораздо больше сходств, чем между идеал-типами русской, французской или немецкой культур вообще.

Тем более такое ранжирование индивидов по культурам с приписыванием им каких-то особенностей мышления, поведения и проч., вытекающих из принадлежности этих индивидов к какому-то обществу, оказывается сомнительным в современных реалиях цифровизации и глобализации. В современную эпоху культурные паттерны и практики, представления передаются и усваиваются не столько через общение, заданное в национальных или иных границах, сколько через социальные сети и другие средства коммуникации, в рамках которых для формирования сообществ уже не столь важны границы и расстояния, принадлежность к территориальным, политическим и иным коллективам.

4. Правовая культура и идеология национального государства

Подобное акцентирование внимания на национальных особенностях и идея о том, что они являются общими для всех принадлежащих к обществу (нации) лиц, имеет историческое объяснение. Сравнительное правоведение, в котором изначально была актуализирована проблематика правовой культуры, возникло в XIX в., одновременно со становлением идеологии национального государства, с одной стороны, и во времена расцвета колониализма, с другой. Эти два обстоятельства не могли не отложить отпечаток на методологических принципах этой новой научной дисциплины.

С одной стороны, возникновение компаративистики в XIX в. было тесно связано с колониальным мышлением, с европоцентричной идеей о том, что право суть продукт развития западных культуры и цивилизации и что, соответственно, у полноценных (западных) культур и цивилизаций есть полноценное право, служащее исходной точкой и стандартом для оценки остальных обществ. Задачей правовой компаративистики в

первые десятилетия ее существования было найти общие параметры, по которым европеец мог бы понять право завоеванных народов, преобразовать его по европейским образцам или, как минимум, сделать его совместимым с колониальной системой, добившись тем самым управляемости колонизированных стран. Эта логика, согласно которой в центре правового развития стоит европейское право, по-прежнему лежит в основе современных компаративистских исследований правовых культур, хотя ряд правоведов заслуженно ставят этот европоцентризм под вопрос²².

Юридические дисциплины в XIX в. получили новый виток развития, отталкиваясь от разделяемого тогда многими предположения о том, что, во-первых, государство стоит в центре правового развития, во-вторых, государство и его право являются выражением национального (народного) духа, в-третьих, это выражение является не случайным, а отражает закономерности исторического развития, и, в-четвертых, эти закономерности предполагают рост ведущих (культурно, экономически и проч.) политических и правовых систем с подчинением им других систем.

Тогда, в XIX в., рассуждения об общем для народа характере, о национальном менталитете, характере были популярны в контексте становления национальных государств и их права. Но сегодня эти рассуждения уже кажутся устаревшими²³. Они опираются на абстрактные психологические архетипы, идеализируемые в культуре и идеологии, что имеет мало общего с реальными характерами большинства представителей того или иного народа (нации)²⁴, каждый из которых является, прежде всего, личностью.

Отдельные социальные группы и иные сообщества низшего уровня (микроуровня) в период мета-нарративов построения национальных государств рассматривались как неполноценные, находящие свою полноту в народном духе, государстве. Типичным выражением этого понимания была гегелевская философия. Поэтому и в плане исследования правовых культур акцент переносился на идеализированные свойства национальных характеров разных народов, на раскрытие диалектики развития этих народов. Те классификации, составлением которых первоначально занялись компаративисты, отражали эту же логику – она сводилась к выявлению нескольких ведущих культур (германской, романской, англо-американской и проч.) и лежащих в их основе духовных (религиозных)

²² См., напр.: Ван Хук М. Методология сравнительно-правовых исследований // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 3. С. 121–147.

²³ См.: Прожилов А. В. Национальный характер или этнический стереотип. К вопросу о терминах и мифологемах // Вестник Хакасского государственного университета. 2014. № 7. С. 82–85.

²⁴ См.: Аллик Ю. и др. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 5, № 1. С. 2–18.

принципов с рассуждениями о связи этих правовых культур с культурным развитием вообще, о преимуществах и недостатках таких культур по отношению друг к другу, о противопоставлении западных (цивилизованных, светских) и незападных (отсталых, религиозных) систем права.

Идея национального государства и самодостаточного национального права, черпающего свою силу из глубин народной культуры, определяет существенную связь между государством и правом – этот тезис до сих пор составляет один из столпов юридического формализма, обосновывает это понимание через призму цивилизационных нарративов. Эта идея заложена вовсе не в методологии позитивизма, а в антипозитивистской метафизике гегельянства и романтизма XIX в., опирающейся не на позитивные факты, а на идеальные конструкции, свойственные историцизму, юснатурализму и их современным аналогам. Они видели в национальных культуре и традиции основу и движущую силу любого права, поэтому отдавая приоритет праву государственному, наиболее полно их выражающему. В логике этих конструкций право суть явление культуры, а развитие культуры отражает особенности национального характера и менталитета, так что право и правовая культура могут быть объяснены через обращение к народному духу и иным метафизическим абстракциям. Тут упускается из вида всё то живое право, которое существует на более конкретных уровнях – социальные группы, корпорации, локальные, религиозные и иные сообщества, которое определяет поведение юристов в их сообществах, формы документов, особенности аргументации, научное право и прочие проявления «права в действии», правового плюрализма.

На интуитивном уровне юрист, общаясь с зарубежными юристами, нередко может почувствовать, что их правовая культура – выражающаяся в способах поведения, аргументации, составления документов – такому юристу ближе и понятнее, чем правовая культура его соотечественников-неюристов. Речь идет о том интуитивном уровне, на котором происходит понимание и передача информации, нахождение общих топосов для аргументации, о стереотипах поведения и мышления (например, понимание нормативности или типичные способы решения тех или иных правовых проблем). В этом отношении стиль поведения и мышления юриста характеризуются скорее за счет его принадлежности к узкому (профессиональному и иному) сообществу, чем к таким общностям высшего порядка, как государство, нация, народ и проч.

Методологически правовые культуры можно более продуктивно изучать и сравнивать именно на микро-, а не на макроуровне. Это означает изучение в аспекте тех факторов, что влияют на развитие законодательной техники, приемы правоприменения и толкования, на правовую науку того или иного сообщества – в тех аспектах, что Р. Сакко назвал

«формантами»²⁵. В этом отношении нельзя не заметить многочисленные заимствования между правовыми порядками в том, что касается использования такого рода «формантов» (в плане законодательного, договорного, судебного и иного опыта). Это существенно сближает между собой правовые культуры, несмотря на то что схождение национальных культур между собой идет гораздо медленнее, а порой движение принимает обратный характер – отталкивания, остракизма, «отмены» культур. Нет методологической необходимости выводить правовую культуру из культуры вообще и объяснять первую через вторую; хотя, конечно, между их развитием иногда можно отметить любопытные параллели и взаимозависимости.

Вместе с тем, в рассуждениях о правовой культуре некоторым исследователям нередко удается уйти в рассуждения о том, какова культура в общем или какова, скажем, российская политическая культура, каковы причины формирования этой культуры, и уже из этого выводить свои заключения о том, каково российское право, каковы причины того, что оно такое, какое есть²⁶. Методологически такой подход напоминает географический детерминизм Ш.-Л. Монтескье. Со времен Монтескье принято объяснять право, дух законов с отсылкой на климат, религию, правление, экономику и иные условия общественной жизни, искать в них общие закономерности, что движут развитием всех социальных явлений, и переносить эти закономерности на право и его развитие.

Однако такой подход пренебрегает основным свойством права – его автономией по отношению к другим сферам социального действия, способностью генерировать и поддерживать свой автопоэтический дискурс. Признание такой автономии предполагает – в отличие от синкретизма, смешивающего сферу права со смежными областями социального действия, – что у права есть своя, относительно независимая от политики, религии, идеологии и иных сфер, область действия и дискурса с особыми правилами, институтами, терминологией, практиками.

Заключение

В любом развитом обществе нетрудно увидеть различия между общим населением (обывателями) и членами юридического сообщества в том, как по-разному они (большинство из них) рассуждают о правах и обязанностях, как они видят источники обязывающей силы норм, как

²⁵ Воронин М. В., Булгакова Е. В., Данилин Р. Д. Компаративистика Родольфо Сакко // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 9. С. 84–92.

²⁶ См., напр.: Керимов А. А. Проблемы правовой культуры в современной России // *Koinon*. 2022. № 3-4. С. 98–106; Пронина М. И., Керимов А. А. Проблемы правовой культуры в современной России // *Koinon*. 2022. № 3-4. С. 98–106; Пронина М. И. Правовая культура в России, Китае и Великобритании: понятие, содержание, взаимодействие // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 1. С. 222–226.

они относятся к своим и чужим поступкам, обосновывают их, и т.п. Этим вторым аспектом интересуются преимущественно представители социологии (социологии права), тогда как в рамках сравнительного правоведения доминирует первый аспект, фокусирующийся на абстрактных (и зачастую беспочвенных) рассуждениях о культурных особенностях некоего народа или общества и о том, как эти особенности определяют право этого народа или общества.

Представляется, что сравнительное исследование правовых культур будет более эффективным и объективным, если его проводить на уровне культур отдельно взятых локальных, профессиональных и иных сообществ, где культура означает совместные практики, убеждения, представления и иные элементы, что связывают фактическую деятельность людей в осмысленное целое. Такой анализ будет иметь смысл только на микроуровне, тогда как сравнительное изучение правовых культур на уровне таких социальных общностей, как государство, народ, нация и проч., в своих результатах будет ограничено абстрактными конструкциями.

Поэтому представляется малопродуктивным уходить в рассуждения об особенностях некоей национальной культуры вообще (можно ли такие особенности однозначно сформулировать и в чем они заключаются – это отдельный вопрос), а затем выводить из этих особенностей специфику соответствующей правовой культуры. В зависимости от того, что исследователь выведет в качестве общих особенностей, скажем, российской культуры (нигилизм, соборность и т.п.), он далее будет пытаться найти в российской правовой культуре те же самые черты. Подобное исследование лишь покажет субъективное отношение – позитивное или негативное – отдельного исследователя к праву отдельной страны.

Библиографический список

Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

Аллик Ю. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому / Аллик Ю. [и др.] // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 1(5). – С. 2–18.

Архипов С. И. Антропологическая теория права / С. И. Архипов // Российский юридический журнал. – 2016. – № 5. – С. 5–13.

Ван Хук М. Методология сравнительно-правовых исследований / М. Ван Хук // Известия вузов. Правоведение. – 2013. – № 3. – С. 121–147.

Варламова Н. В. Правовая культура // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/pravoivaia-kul-tura-36e633> (дата обращения: 04.05.2024).

Веденеев Ю. А. Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями / Ю. А. Веденеев // Lexrussica. – 2016. – № 9. – С. 9–23.

Воронин М. В. Компаративистика Родольфо Сакко / М. В. Воронин, Е. В. Булгакова, Р. Д. Данилин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 9. – С. 84–92.

Горбань В. С. О разнообразии «чистых» учений о праве / В. С. Горбань, В. С. Груздев // Право и политика. – 2022. – № 11. – С. 91–100.

Каминская В. И. Правовая культура и вопросы правового воспитания / В. И. Каминская, А. Р. Ратинов ; Бойков А. Д. (отв. ред.). – М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1974. – 202 с.

Карташов В. Н. Правовая культура: понятие, структуры, функции / В. Н. Карташов, М. Г. Баумова. – Ярославль : ЯрГУ, 2008. – 200 с.

Кельзен Г. Очерки по философии права и морали / Г. Кельзен. – СПб. : Алеф-Пресс, 2024. – 291 с.

Кельзен Г. Что такое справедливость? Справедливость, право и политика в зеркале науки / Г. Кельзен. – СПб. : Алеф-Пресс, 2023. – 438 с.

Керимов А. А. Проблемы правовой культуры в современной России / А. А. Керимов // Koionon. – 2022. – № 3-4. – С. 98–106.

Ковлер А. И. Антропология права / А. И. Ковлер. – М. : Норма, 2002. – 467 с.

Кодан С. В. А. Я. Вышинский и подготовка учебников по теории государства и права: идеологический контекст развития советского правоведения / С. В. Кодан // Российский юридический журнал. – 2016. – № 1(106). – С. 204–221.

Лазарев В. В. Теория государства и права / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М. : Юрайт, 2010. – 634 с.

Нерсесянц В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма; Инфра-М, 2020. – 848 с.

Нерсесянц В. С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина / В. С. Нерсесянц // Рулан Н. Юридическая антропология. – М. : Норма, 1999. – С. 1–6.

Прожилов А. В. Национальный характер или этнический стереотип. К вопросу о терминах и мифологемах / А. В. Прожилов // Вестник Хакасского государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 82–85.

Пронина М. И. Правовая культура в России, Китае и Великобритании: понятие, содержание, взаимодействие / М. И. Пронина // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 222–226.

Разуваев Н. В. Правовые предпосылки возникновения и эволюции государства: очерк юридической антропологии / Н. В. Разуваев // Известия вузов. Правоведение. – 2013. – № 4. – С. 64–84.

Рулан Н. Юридическая антропология: учебник / Н. Рулан. – М. : Норма, 1999. – 310 с.

Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс / А. П. Семитко. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996. – 313 с.

Семитко А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки / А. П. Семитко // Государство и право. – 1992. – № 10. – С. 108–113.

Синюкова Т. В. Правовая культура: понятие, структура, соотношение национального и общечеловеческого / Т. В. Синюкова // Правовая культура. – 2009. – № 2. – С. 6–17.

Харт Г. Л. А. Право, свобода и мораль / Г. Л. А. Харт. – М. : Издательство Института Гайдара, 2020. – 136 с.

Харт Г. Л. А. Философия и язык права / Г. Л. А. Харт. – М. : Канон+, 2017. – 284 с.

Честнов И. Л. Постклассическая теория права / И. Л. Честнов. – СПб. : Алеф-Пресс, 2012. – 650 с.

Чхиквадзе В. М. Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства / В. М. Чхиквадзе // Коммунист. – 1970. – № 14.

References

Alekseev S. S. Law: ABC – Theory – Philosophy. Experience of a Comprehensive Study / S. S. Alekseev. – Moscow : Statut, 1999. – 712 p.

Allik Yu. Construction of National Character: Personality Traits Attributed to a Typical Russian / Allik Yu. [et al.] // Cultural and Historical Psychology. – 2009. – No. 1(5). – P. 2–18.

Arkhipov S. I. Anthropological Theory of Law / S. I. Arkhipov // Russian Law Journal. – 2016. – No. 5. – P. 5–13.

Chestnov I. L. Postclassical theory of law / I. L. Chestnov. – St. Petersburg : Alef-Press, 2012. – 650 p.

Chkhikvadze V. M. Legality and legal culture at the present stage of communist construction / V. M. Chkhikvadze // Kommunist. – 1970. – No. 14.

Gorban V. S. On the Diversity of “Pure” Theories of Law / V. S. Gorban, V. S. Gruzdev // Law and Politics. – 2022. – No. 11. – Pp. 91–100.

Hart G. L. A. Law, freedom and morality / G. L. A. Hart. – Moscow : Gaidar Institute Publishing House, 2020. – 136 p.

Hart G. L. A. Philosophy and the language of law / G. L. A. Hart. – Moscow : Kanon+, 2017. – 284 p.

Van Hook M. Methodology of Comparative Legal Research / M. Van Hook // News of Universities. Jurisprudence. – 2013. – No. 3. – P. 121–147.

Kaminskaya V. I. Legal Culture and Issues of Legal Education / V. I. Kaminskaya, A. R. Ratinov ; Boykov A. D. (editor-in-chief). – Moscow : Publishing House of the All-Union Institute for the Study of Causes and Development of Crime Prevention Measures, 1974. – 202 p.

Kartashov V. N. Legal Culture: Concept, Structures, Functions / V. N. Kartashov, M. G. Baumova. – Yaroslavl : Yaroslavl State University, 2008. – 200 p.

Kelsen G. Essays on the Philosophy of Law and Morality / G. Kelsen. – St. Petersburg : Alef-Press, 2024. – 291 p.

Kerimov A. A. Problems of Legal Culture in Modern Russia / A. A. Kerimov // Koinon. – 2022. – No. 3-4. – Pp. 98–106.

Kelsen G. What is Justice? Justice, Law and Politics in the Mirror of Science / G. Kelsen. – St. Petersburg : Alef-Press, 2023. – 438 p.

Kodan S. V. A. Ya. Vyshinsky and the Preparation of Textbooks on the Theory of State and Law: the Ideological Context of the Development of Soviet Jurisprudence / S. V. Kodan // Russian Law Journal. – 2016. – No. 1(106). – Pp. 204–221.

Kovler A. I. Anthropology of Law / A. I. Kovler. – Moscow : Norma, 2002. – 467 p.

Lazarev V. V. Theory of State and Law / V. V. Lazarev, S. V. Lipen. – Moscow : Yurait, 2010. – 634 p.

Nersesyants V. S. Legal Anthropology as a Science and Academic Discipline / V. S. Nersesyants // Rulan N. Legal Anthropology. – Moscow : Norma, 1999. – Pp. 1–6.

Nersesyants V. S. Philosophy of Law / V. S. Nersesyants. – Moscow : Norma ; Infra-M, 2020. – 848 p.

Pronina M. I. Legal culture in Russia, China and Great Britain: concept, content, interaction / M. I. Pronina // Bulletin of the Volgograd State University. – 2012. – No. 1. – Pp. 222–226.

Prozhirov A. V. National character or ethnic stereotype. On the issue of terms and mythologemes / A. V. Prozhirov // Bulletin of the Khakass State University. – 2014. – No. 7. – Pp. 82–85.

Razuvaev N. V. Legal prerequisites for the emergence and evolution of the state: an essay on legal anthropology / N. V. Razuvaev // News of universities. Jurisprudence. – 2013. – No. 4. – Pp. 64–84.

Rulan N. Legal anthropology : a textbook / N. Rulan. – Moscow : Norma, 1999. – 310 p.

Semitko A. P. Development of legal culture as legal progress / A. P. Semitko. – Ekaterinburg : Publishing house of the Ural State Law Academy, 1996. – 313 p.

Semitko A. P. Russian legal culture: mythological and socio-economic sources and prerequisites / A. P. Semitko // State and law. – 1992. – No. 10. – Pp. 108–113.

Sinyukova T. V. Legal culture: concept, structure, relationship between national and universal / T. V. Sinyukova // Legal culture. – 2009. – No. 2. – Pp. 6–17.

Varlamova N. V. Legal Culture / N. V. Varlamova // The Great Russian Encyclopedia. – URL: <https://bigenc.ru/c/pravovaia-kul-tura-36e633> (Date of access: 05/04/2024).

Vedenev Yu. A. Anthropology of Law: Between Sociocultural Traditions and Innovations / Yu. A. Vedenev // Lex russica. – 2016. – No. 9. – Pp. 9–23.

Voronin M. V. Comparative Studies of Rodolfo Sacco / M. V. Voronin, E. V. Bulgakova, R. D. Danilin // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). – 2022. – No. 9. – Pp. 84–92.

Для цитирования:

Антонов М. В. Нормативное и фактическое в исследовании правовых культур // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3(8). С. 7–25.

Recommended citation:

Antonov M. V. Normativity and facticity in the study of legal cultures // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 3(8). Pp. 7–25.

Сведения об авторе

Антонов Михаил Валерьевич – доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: mantonov@hse.ru

Information about author

Antonov Mikhail Valerievich – Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State, Faculty of Law, St. Petersburg Branch of the National Research University “Higher School of Economics”, PhD in Law, Associate Professor

E-mail: mantonov@hse.ru

«ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ» РЕЛИГИОЗНО-ТРАДИЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: АКСИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ИУДЕЙСКОГО ПРАВА)

Е. В. Калинина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Приволжский исследовательский медицинский университет

Поступила в редакцию 30 июня 2024 г.

Аннотация: современные трансформационные процессы на национальном и внешнегосударственном уровнях возродили интерес к традиционным ценностям как нравственной опоре и залогом устойчивости социальных образований. Опыт религиозных правовых систем демонстрирует возможность актуализации исконных ценностных ориентиров и их синхронизации с современными реалиями.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, религиозные и общинные правовые системы, социально-правовые трансформации, сравнительное правоведение.

TIME TRAVELLING OF RELIGIOUS AND TRADITIONAL LEGAL SYSTEMS: AXIOLOGY OF SOCIAL AND LEGAL TRANSFORMATIONS (JEWISH LAW EXPERIENCE)

E. V. Kalinina

*National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky;
Privolzhsky Research Medical University*

Abstract: modern transformation processes on national and international levels revived interest in traditional values as a moral pillar and guarantee of the sustainability of social entities. The experience of religious legal systems demonstrates the possibility of updating primordial value guidelines and their synchronizing with modern realities.

Key words: traditional spiritual and moral values, religious and community legal systems, social and legal transformations, comparative law.

© Калинина Е. В., 2024

Текущие кардинальные изменения, происходящие на национальном и международном уровнях, заставляют пересмотреть выбранный ранее курс на западно-либеральную модель мироустройства, подрывающую доверие к концепту государственности и национальной идентичности, и вернуться к константам, веками обеспечивавшим жизнеспособность социальных организмов. В этом контексте популяризация традиционных духовно-нравственных ценностей, а также возобновление интереса к религиозным этико-правовым учениям представляются весьма перспективными, а религиозные и традиционно-общинные правовые системы становятся «материалом» для изучения так называемых успешных ценностно-ориентированных практик. Их долголетие и востребованность социумом, а также значительно меньшая подверженность ценностям мутациям, по сравнению с трансформациями, переживаемыми светским правом, заставляют задуматься о связи таких правовых систем с исконной спецификой народа, их породившего, и воспринимать их в качестве систем социальных, мировоззренческих и этико-правовых архетипов, формирующих, сохраняющих и воспроизводящих соответствующие нравственные идеалы.

Более того, традиционные, общинные, религиозно-правовые системы встали на пути «победного шествия» европеизации – им на протяжении веков удавалось если не пресечь, то, по крайней мере, замедлить насаждение ценностей колонизаторов (как правило, европейских), чуждых населению подчиненной территории. Такое пассивное сопротивление позволило придерживать и «маховик» глобализационных процессов, хотя существенный урон системам национальных культурных, нравственно-правовых установлений был всё же нанесен.

За последнее десятилетие было издано множество трудов, анализирующих генезис аксиологии социально-правовых трансформаций, содержание категории ценностей и правовую природу данного феномена¹; выявивших отсутствие единообразных представлений о структуре и объеме самого понятия и обосновывающих необходимость возврата к традиционным нравственным ориентирам и встраивания этических нарративов в просветительско-образовательную деятельность²; содержащих критический разбор конфликта религиозной и секулярной ценностных парадигм³ и даже представляющих религиозные конструкции как носителей систем традиционных духовно-нравственных ценностей в качестве «альтернативы государственной идеологии»⁴.

¹ См., напр.: *Кривых С. Е.* Аксиология мировых религий: сравнительная типология ценностных культур : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2009. С. 4.

² См., напр.: *Силантьева М. В.* Вечные ценности как тема философии культуры // *О вечном и преходящем : сборник научных статей.* Уфа, 2011. Вып. 2. С. 4–10.

³ См., напр.: *Комлев А. Е.* Ценности религии vs ценности светской морали: причины конфликтогенности // *Журнал философских исследований.* 2020. Т. 6, № 3. С. 52–56.

⁴ *Овчинников А. И.* Традиционные религии и традиционные духовно-нравственные ценности в российском обществе: политико-правовые аспекты. URL: <https://rostoveparhia>.

Подобный интерес отражает резкие, хотя и предсказуемые, изменения в риторике политических элит в сторону поиска устойчивых социальных моделей и регулятивных инструментов, необходимых для того, чтобы выбраться из ловушки, в которой они оказались благодаря ориентации на так называемые «европейские ценности». А ведь еще не так давно в компаративистике было не принято признавать традиционные, религиозно-правовые системы в качестве составляющих отдельную правовую группу⁵. Более того, такие системы вообще рассматривались как неэффективные подражания правовым государствам, при этом таковыми не являясь, поскольку подчинили право идеологии или религии⁶. Некоторые авторы были настроены весьма категорично относительно возможности объединения религиозно-традиционных правовых систем и правовых систем общинного типа в какие-либо правовые семьи, отказывая таким системам в наличии схожих черт и признаков, позволяющих отнести их к какой-то одной общности. Приверженцы такого подхода, пусть условно и нехотя, но выделяли следующие *общие специфические черты* данных дискуссионных правовых систем: 1) право, в европейском понимании, как система социальных регулятивных инструментов, неотделима от религиозных и иных традиционных средств, а значит и сама идея права, как такового, ставится под сомнение; 2) приоритет религиозных норм над правовыми; 3) идеи коллективного блага, обязанности и ответственности превалируют над концептами прав и свобод⁷; и, наконец, 4) «в чистом виде», религиозно-правовые системы до нашего времени не сохранились⁸.

В целом, признавая, что представленные суждения не лишены смысла, следует подчеркнуть, что, во-первых, в чистом виде не сохранилась ни одна правовая система, в силу процессов колонизации, глобализации и глокализации⁹. Ни романо-германская ни англо-американская семья не преуспели в сохранении и воспроизводстве своих первоначальных этико-правовых ориентиров. Более того, характерные признаки указанных «основных правовых систем современности» не являлись столь отлич-

ru/stati/traditsionnye-religii-i-traditsionnye-dukhovno-nravstvennyye-tsennosti-v-rossiyskom-obshchestve-polit/ (дата обращения: 18.04.2024).

⁵ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1999. С. 307.

⁶ См.: Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М., 2011. С. 108–110, 235–270.

⁷ См., напр.: Андреева И. А., Матанцев Д. А. Сравнительное правоведение : учебное пособие. М., 2021. С. 53.

⁸ См.: Там же.

⁹ Общие тенденции развития права на глобальном уровне дополняются и сочетаются, в определенной мере, с тенденциями, имеющими место на локальном уровне. Об этом подробнее см.: Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2008. С. 280–293.

тельными чертами, как это принято сейчас считать. Так, в истории германской правовой системы имеется продолжительный период развития прецедентного права.

Во-вторых, религиозным правовым системам присущ специфический *стиль мышления*, отраженный как в нормообразовании, так и в интерпретациях. В религиозно-правовых системах вырабатываются весьма сложные и порой изощренные толковательные приемы, позволяющие распространить действие древних традиционных запретов и рекомендаций на современные отношения. Иногда это приводит к обходу нормы, сохранению ее формы в ущерб содержанию, однако не мешает, с теоретической точки зрения, исследовать инструменты актуализации национальных и этнических нравственно-правовых ориентиров.

В-третьих, то, что представление о праве, бытующее в религиозно-общинных, традиционных системах (что, кстати, и объективирует их образ правового мышления), отличается от западного, еще не означает, что у них отсутствует право, как таковое.

В-четвертых, сама история формирования этого специфического стиля мышления у ряда восточных правовых систем (индусской, иудейской) неизмеримо древнее любой европейской. А может быть, в этом то и проблема? Религиозно-традиционный стиль правового мышления формирует стойкие, эффективные, «генетически» закономерные регулятивные инструменты, обеспеченные духовно-нравственным и общественным принуждением, в то время как секулярные правовые системы значительно чаще меняют атрибуты своего социально-правового пространства. Таким образом, спецификой признают также и то, что отношение традиционных и религиозных правовых систем к источникам права определялось «возрастом» нормы: чем древнее, тем авторитетнее. Для сравнения: согласно танахическому нарративу, Всевышний, обращаясь к иудейскому народу в процессе дарования Торы, наставляет соблюдать ее Закон, как Он сам это делал. В этом фрагменте заложена идея *универсальности и вечности Божественного Закона*.

Тем не менее мы не можем ожидать от традиционной системы непоколебимой неизменности: общество – носитель правовых традиций неизбежно меняется и религиозно-правовым системам приходится адаптироваться ко всему комплексу мировоззренческих метаморфоз. Таким образом, какой бы древней ни являлась религиозно-правовая конструкция, дошедшая до наших дней, ее «живучесть» отражает способность актуализировать свой инструментарий в соответствии с запросами времени.

Отличие от большинства мифологических нарративов, представивших идеальную модель общества, созданного и направляемого богами, которая, в силу несовершенной природы человека, постепенно нравственно деформировалась, иудейские священные тексты представляют ев-

реев в весьма неприглядном свете, полностью опровергая сложившийся впоследствии ошибочный стереотип об избранности еврейского народа по причине его совершенства и исключительности¹⁰. Пример отдельно взятого собрания 12 колен, состоящих из обычных людей с присущими им слабостями и характерными для их эпохи мировосприятием и потребностями, имеющих этническое родство, используется для демонстрации условий и алгоритма нравственного совершенствования отдельной общности от примитивного состояния и низкого уровня правовой культуры до высокодуховного народа священников. В ТаНаХе¹¹ это выглядит как утопичная программа-максимум, с точки зрения осуществления цели – формирования высоконравственного общества, достойного стать универсальным примером для подражания. Не стоит, тем не менее, забывать, что специфика прочтения религиозных священных текстов предполагает учет *относительности временного фактора и воспитательно-корректирующей роли Священного Писания*.

Однако этическими нормами содержание традиционных регулятивных механизмов не ограничивалось, хотя определенные общие закономерности религиозных учений и практик очевидны. В танахическом иудаизме, были заложены правила, регулировавшие публично-правовые и частнопроводные отношения, получившие развитие в Талмуде. Талмудические интерпретации и толкования можно рассматривать в качестве примера доктринальных способов преодоления временного разрыва между эпохой закрепления первичных правил в Пятикнижии (в основном в книгах Шемот (Исход) и Дварим (Второзаконие), хотя положения, позволяющие разрешать частнопроводные споры, содержатся и в отдельных фрагментах Книг Вайикра (Левит) и Бемидбар (Числа)), адресованных евреям, на тот момент еще не сформировавшим национального единства, и эпохой утраты ими своей автономии. Потенциал методов религиозной толковательной техники позволил иудеям сохранять аутентичные правовые институты и реализовывать свое представление о гражданском обществе даже в отсутствие собственного государства.

Подводя итог, выделим *причины жизнеспособности иудейской правовой системы* (которые могут быть характерны и для других религиозных конструкций, сохранившихся до наших дней).

1. *Умение актуализировать свою ценностно-ориентированную систему в соответствии с запросами времени и геополитическими обстоятельствами*. Отчасти это привело к вытеснению исконного, танахического иудаизма талмудическим, однако способствовало выживанию системы в целом.

¹⁰ См., напр.: Дварим 9:4-8, 12-14, 16, 18, 22-25; Исайя 1:1-21.

¹¹ Оригинальное название Ветхого Завета. Приводится в качестве транслитерации оригинальной аббревиатуры (תנ"ך), включающей три базовых составляющих – Тора, Невиим, Ктувим.

2. *Специфическое национальное мировоззрение и идентичность.*

3. *Общинный уклад.* Как показывает история существования разнообразных укладов, именно такой черпает свою силу и долголетие из исконного примитивного сообщества, предполагающего внутрисемейные или внутривидовые естественные связи и обусловившую их характерную *социальную однородность* – на протяжении веков в иудейском социуме отсутствовало деление на сословия, классы, дифференциация по древности рода и имущественному цензу. Единственное традиционное разграничение осуществлялось по принадлежности к еврейскому народу и по вероисповеданию. В итоге, даже будучи разбросанными по всему миру, иудеи/евреи формируют общины/диаспоры и следуют веками признаваемому укладу и такой же традиционной системе ценностей (с поправками на реалии времени). Именно это и обеспечивает: а) широту географии распространения данной правовой системы; б) единство носителей этико-правовой традиции; в) солидарность национального сообщества; г) жизнеспособность традиции в меняющемся мире.

4. *Мощная идеологическая составляющая* (изначально основанная на религиозно- и общинно-ориентированной ценностной конструкции). Можно также предположить, что идеи демократии, конституционализма, прав и свобод человека, безопасности личности, мультикультурализма и проч. были внедрены в современный глобальный дискурс для продвижения западной псевдолиберальной повестки как эффективного способа борьбы с традиционными социально-правовыми культурами, представлявшими альтернативу европейскому типу мышления и мировоззрения, что «угрожало» авторитету активно насаждаемых западных ценностей. Безусловно, большинство перечисленных концептов имеют свои достоинства, иначе они не получили бы столь широкое распространение, однако для цивилизаций, унаследовавших, например, восточный тип правового мышления и имеющих не индивидуалистические, а общинно-ориентированные этические стандарты, такое смещение вектора подрывает основы правовой системы.

В процессе развития каждый народ вырабатывает систему этических констант, в дальнейшем определяющих его мировоззрение и облегчающих самоидентификацию его представителей. Как правило, религиозное и общинное мировоззрение изначально характерно для всех человеческих общностей, однако со временем, под влиянием множества факторов (геополитических, климатических, экономических, культурологических, идеологических и проч.) формируется собственный путь, в итоге приводящий к созданию правовой системы. Какой ей быть – секулярной или религиозной, – зачастую зависело от степени закрытости отдельно взятого сообщества. Каждый из вариантов, пройдя проверку временем, представляет этико-правовую конструкцию, имею-

щую свои достоинства и уязвимости. Так, открытость большинства секулярных систем позволяет оперативнее противостоять вызовам современности, особенно рискам технологического характера, принимая и используя достижения прогресса для улучшения уровня жизни и материального процветания, однако такая прагматическая мировоззренческая «мобильность» приводит к размыванию идеи взаимной ответственности личности, общества и государства; к подмене традиционных нравственных ориентиров, что неизменно приводит к ослаблению внутрисоциальных связей и последующему краху общества. С другой стороны, закрытость религиозных и общинных правовых систем обеспечивает сохранность солидарности, единства и идентичности сообщества на продолжительное время, однако порождает когнитивные риски при столкновении с высокотехнологичными реалиями и неизбежной необходимостью адаптации к ним, в то время как «чистое» религиозное учение (вернее, его древние базовые основы) к таким метаморфозам своих носителей не подготовило. Такие вызовы преодолеваются за счет интерпретационной техники, которая усложняется в зависимости от комплексности характера инновационных явлений, игнорировать которые более не представляется возможным.

Таким образом, на современном этапе наиболее гармоничным представляется не просто поверхностное взаимное признание секулярными и религиозно-традиционными правовыми системами достоинств каждой стороны, но и аналитическая работа по корректировке и, при необходимости, выработке новых эффективных гибридных регулятивных механизмов на национальном, международном региональном и универсальном уровнях, во избежание манипулятивного использования мировоззренческих стереотипов для разжигания межнационального и межконфессионального противоборства.

Библиографический список

Андреева И. А. Сравнительное правоведение : учебное пособие / И. А. Андреева, Д. А. Матанцев. – М. : Академия управления МВД России, 2021. – 96 с.

Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В. А. Туманова. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 400 с.

Комлев А. Е. Ценности религии vs ценности светской морали: причины конфликтогенности / А. Е. Комлев // Журнал философских исследований. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 52–56.

Кривых С. Е. Аксиология мировых религий: сравнительная типология ценностных культур : автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. Е. Кривых. – Белгород, 2009. – 21 с.

Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Р. Леже. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 529 с.

Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2008. – 400 с.

Овчинников А. И. Традиционные религии и традиционные духовно-нравственные ценности в российском обществе: политико-правовые аспекты / А. И. Овчинников. – URL: <https://rostoveparhia.ru/stati/traditsionnye-religii-i-traditsionnye-dukhovno-nravstvennye-tsennosti-v-rossiyskom-obshchestve-polit/> (дата обращения: 18.04.2024).

Силантьева М. В. Вечные ценности как тема философии культуры / М. В. Силантьева // О вечном и преходящем : сборник научных статей. Вып. 2. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. – С. 4–10.

References

Andreeva I. A. Comparative jurisprudence : a textbook / I. A. Andreeva, D. A. Matantsev. – Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. – 96 p.

David R. Basic legal systems of modernity / R. David, K. Joffre-Spinosi ; trans. from the French V. A. Tumanov. – Moscow : International. relations, 1999. – 400 p.

Komlev A. E. Values of religion vs values of secular morality: causes of conflict / A. E. Komlev // Journal of Philosophical Research. – 2020. – Vol. 6, No. 3. – Pp. 52–56.

Krivykh S. E. Axiology of world religions: comparative typology of value cultures : abstract diss. ... candidate of Philosophical Sciences / S. E. Krivykh. – Belgorod, 2009. – 21 p.

Leger R. The great legal systems of modernity: a comparative legal approach / R. Leger. – M. : Walters Kluwer, 2011. – 529 p.

Marchenko M. N. State and law in the context of globalization / M. N. Marchenko. – M. : Prospekt, 2008. – 400 p.

Ovchinnikov A. I. Traditional religions and traditional spiritual and moral values in Russian society: political and legal aspects / A. I. Ovchinnikov. – URL: <https://rostoveparhia.ru/stati/traditsionnye-religii-i-traditsionnye-dukhovno-nravstvennye-tsennosti-v-rossiyskom-obshchestve-polit/> (Date of access: 04/18/2024).

Silantieva M. V. Eternal values as a theme of philosophy of culture / M. V. Silantieva // On the eternal and the transitory : a collection of scientific articles. Issue 2. – Ufa : RIC Bashgu, 2011. – Pp. 4–10.

Для цитирования:

Калинина Е. В. «Путешествие во времени» религиозно-традиционных правовых систем: аксиология социально-правовых трансформаций (на примере иудейского права) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3(8). С. 26–34.

Recommended citation:

Kalinina E. V. Time travelling of religious and traditional legal systems: axiology of social and legal transformations (Jewish law experience) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 3(8). Pp. 26–34.

Сведения об авторе

Калинина Евгения Валерьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета

E-mail: ev_kalinina22@mail.ru

Information about author

Kalinina Evgenia Valerievna – Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky, Professor of the Chair of Public Health and Health Care, Privolzhsky Research Medical University

E-mail: ev_kalinina22@mail.ru

ПРАВО ВЬЕТНАМА В УСЛОВИЯХ ДИХОТОМИИ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Е. А. Есаева

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского*

Поступила в редакцию 29 июня 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются правовые традиции Запада и Востока. Анализируются правовые идеи доколониального, колониального периода. Дается обобщенная характеристика правовой системы современной Социалистической Республики Вьетнам.

Ключевые слова: правовая система, Запад, Восток, Вьетнам, Франция.

THE LAW OF VIETNAM IN THE CONTEXT OF THE DICHOTOMY OF THE WEST AND THE EAST

E. A. Esaeva

National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky

Abstract: the article examines the legal traditions of the West and the East. Legal ideas of the pre-colonial and colonial period are analyzed. A generalized description of the legal system of the modern Socialist Republic of Vietnam is given.

Key words: legal system, West, East, Vietnam, France.

Современное вьетнамское право включает в себя различные правовые традиции, сложившиеся в результате вторжений, революций и культурных особенностей региона. Анализ работ по истории вьетнамского права показывает, что большое влияние на формирование системы права, правовых концепций, правового мышления оказала Франция.

До колониального периода развитие вьетнамского права следовало дальневосточной правовой традиции. Профессор Ву Ван Мау отмечал, что старое вьетнамское право сохраняло свои древнейшие особенности, несмотря на тысячелетнее господство Китая. Среди основных характеристик древне-вьетнамского права он выделяет: «...отсутствие разделения властей; господство концепции смешения гражданского и уголовного права; приемственность из китайского права пяти видов наказаний и

гуманизм, присущий конфуцианскому обществу»¹. Действительно, вьетнамская правовая традиция находилась под влиянием религиозно-философских учений, господствующих во Вьетнаме, особенно конфуцианства. В рамках этой концепции мораль первична, а закон является лишь необходимостью на пути создания гармоничного общества. Однако «четкого различия между моралью и правом не существовало»². Нарушение морали рассматривалось в феодальном Вьетнаме как нарушение закона. Например, согласно статье 160 кодекса Зялонга³, лица, не соблюдавшие траур по отцу, матери, мужу или жене, наказывались 60 ударами палкой и годом каторжных работ. В данном кодексе несколько таблиц посвящены траурной одежде, вплоть до регламентации ткани и времени ношения траура в зависимости от линии и степени родства.

С начала колониального периода во Вьетнаме постепенно формировалось законодательство, созданное по французскому образцу. Одновременно с законодательством французская администрация проводила реформу образования во Вьетнаме. Образование рассматривалось как инструмент влияния на вьетнамскую элиту. Посредством внедрения западных политико-правовых идей планировалось изменить устои вьетнамского общества и сформировать положительно настроенную к метрополии политическую элиту (рис. 1⁴, 2⁵). Система традиционного образования Вьетнама упраздняялась.

В результате реформы образования уже в первой половине XX в. появились первые вьетнамские юристы, изучающие французскую правовую систему и лояльные к ней. Образование способствовало распространению в гражданском обороте договоров, заключенных в письменной форме, что облегчало судебный процесс и повышало интерес местного населения к французскому правосудию. Доступ местного населения к французской судебной системе показал вьетнамцам преимущества французского права. Возникла необходимость в переработке местного законодательства.

¹ *Vũ Văn Mẫu. Cổ – luật Việt – Nam thông – khảo và tư – pháp sử, Quyền thứ nhất, Tập nhất, Sài Gòn, 1974, tr. 118 & 120.*

² *Ibid, tr. 127.*

³ Кодекс Зялонга (1815) составлен на основе пересмотра старого вьетнамского законодательства и китайского «Кодекса династии Цин». После восстания Тейшонов новая династия Нгуен на законодательном уровне укрепляла и централизовала государственную власть. (В российской традиции нет твердо установленного правила написания имени первого императора династии Нгуен. В «Истории Вьетнама» 1995 г. О. В. Новаковой и в Большой Российской Энциклопедии 2004 г. используются имя Зя Лонг. Нгуен Хыу Чонг в своей диссертации 2003 г. пишет Зялонг.)

⁴ Информация и фото памятника размещены в открытом доступе в сети Интернет: <https://thanhvien.vn/nhung-phat-hien-thu-vi-ve-quan-phuc-cua-hai-vua-cuoi-trienguyen-1851037981.htm> (дата обращения: 27.06.2024).

⁵ Источник изображения: <https://ru.pinterest.com/pin/663014376383538818/> (дата обращения: 27.06.2024).

Рис. 1. Десятый император Вьетнама Нгуен Тхань-тхай в военной форме

Рис. 2. Двенадцатый император Вьетнама Нгуен Хоанг-тонг в адаптированной военной форме

Все законы колониального периода были разработаны и обнародованы французскими специалистами, но при этом они сохранили вьетнамские обычаи, особенно в вопросах брачно-семейных отношений. Ярким примером является Гражданский кодекс Тонкина 1931 г. Хотя, как отмечает профессор Ву Ван Мау, «обнародование гражданского кодекса Тонкина 1931 года нарушало условия договора от 6 июня 1884 года» (по договору законодательная власть оставалась за императором), этот кодекс сохранил уникальные обычаи и традиции этнических меньшинств⁶. Статья 1153 ГК Тонкина сохраняла применение обычаев, характерных для коренного населения Северного Тонкина. Согласно статье 4 данного кодекса, «при отсутствии подходящей нормы судья должен выносить решение в соответствии с обычаями, а если обычаев нет, он должен судить согласно разуму и справедливости, принимая во внимание обстоятельства, а также намерения сторон. Судья принимает решение в соответствии с доктриной и судебной практикой»⁷. Данная норма не только расширила виды источников права, но и определила очередность примене-

⁶ Vũ Văn Mẫu. Dân – luật khái – luận, In lần thứ hai, Bộ Quốc – gia giáo – dục xuất – bản, Sài Gòn, 1960, tr. 285 & 287.

⁷ Code civil à l'usage des juridictions indigènes du Tonkin, Gouvernement général de l'Indochine. Impr. d'extrême orient, 1931

ния этих источников⁸. Кроме того, право рассматривалось с точки зрения разумности и справедливости, а не морали и поощрялось развитие правовой доктрины. Структура ГК Тонкина 1931 г. схожа со структурой кодекса Наполеона.

После Августовской революции 1945 г. Хо Ши Мин подписал указ № 90/Slot 10 октября 1945 г., позволяющий использовать на всей территории Вьетнама действующие законы в Северном, Центральном и Южном регионах до обнародования единых правовых кодексов⁹. Постепенно к 1959 г. на Севере и 1973 г. на Юге Вьетнама колониальные законы были заменены. С 50-х по 90-е гг. XX в. большое влияние на вьетнамскую правовую систему оказывало советское право.

Почти за столетие французское влияние изменило правовую систему Вьетнама. «Французское законодательство стерло почти все древние концепции права во Вьетнаме, установило новую юридическую технику, правовое мышление и идеологию»¹⁰.

В условиях современной рыночной экономики Вьетнама право особенно важно для социалистического развития. Статья 51 Конституции СРВ 2013 г. гласит: «Вьетнамская экономика представляет собой социалистическую рыночную экономику с различными формами собственности и секторами экономики; ведущая роль принадлежит экономике государства. Все отрасли экономики являются важными компонентами национальной экономики. Субъекты этих отраслей равны перед законом и должны сотрудничать и конкурировать друг с другом в соответствии с законом...»¹¹. На основе фундаментальных положений Конституции (Конституции СРВ 1992 и 2013 гг.) приняли серию новых кодексов и законов: Гражданский кодекс (1995, 2005, 2015), Трудовой кодекс (1995, 2003, 2006, 2012), Закон о предпринимательстве (1999, 2003, 2006, 2014), Закон об инвестиционной деятельности (2005, 2014), Закон о занятости (2013), Земельный кодекс (2003, 2013), Закон о банкротстве (2004, 2014) и другие законы.

В 1995 г. был принят первый Гражданский кодекс Социалистической Республики Вьетнам. В отличие от колониального законодательства структура Кодекса изменилась, можно было выделить общую и осо-

⁸ Ngô Huy Cương. Sự ảnh hưởng của pháp luật Pháp tới luật tư ở Việt Nam, Tạp chí Nghiên cứu Lập pháp số 12 (316), tháng 6/2016. URL: <http://www.lapphap.vn/Pages/tintuc/tinchitiet.aspx?tintucid=208600> (Date of access: 06/27/2024).

⁹ SẮC LỆNH CỦA CHỦ TỊCH CHÍNH PHỦ LÂM THỜI SỐ 47 NGÀY 10 THÁNG 10 NĂM 1945. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Sac-lenh-so-47-giu-tam-thoi-luat-le-hien-hanh-Bac-Trung-Nam-bo-ban-hanh-nhung-bo-luat-phap-duy-nhat-toan-quoc-35893.aspx> (Date of access: 06/27/2024).

¹⁰ Ngô Huy Cương. Sự ảnh hưởng của pháp luật Pháp tới luật tư ở Việt Nam, Tạp chí Nghiên cứu Lập pháp số 12 (316), tháng 6/2016. URL: <http://www.lapphap.vn/Pages/tintuc/tinchitiet.aspx?tintucid=208600c> (Date of access: 06/27/2024).

¹¹ Hiến pháp nước Cộng hòa Xã hội chủ nghĩa Việt Nam. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-nam-2013-215627.aspx> (Date of access: 06/27/2024).

бенную часть. В 2005 и 2015 гг. были разработаны и приняты новые гражданские кодексы. Доктор Нго Хай Куонг, анализируя Гражданский кодекс Вьетнама 2015 г., подчеркивал: «Хотя особенная часть этого закона была разработана в соответствии с пандектной моделью, но тень французского и советского права всё еще сохраняется»¹².

Экономическое развитие современного Вьетнама показывает эффективность правовой системы Вьетнама. В последние десятилетия Вьетнам добился мощного экономического развития, получившего высокую оценку международного сообщества. По данным вьетнамского Главного статистического управления, ВВП Вьетнама в 2023 г. достиг 430 млрд долл. США, увеличившись примерно на 5,05 % по сравнению с 2022 г. (рис. 3¹³). Уровень бедности во Вьетнаме, являвшийся одним из самых высоких в мире в 1993 г., снизился с 58,1 до 4,3 % в 2022 г. (рис. 4¹⁴). Кроме того, Вьетнам глубоко интегрируется в мировую экономику, являясь членом многих важных международных экономических организаций, таких как ВТО, АТЭС, АСЕАН¹⁵.

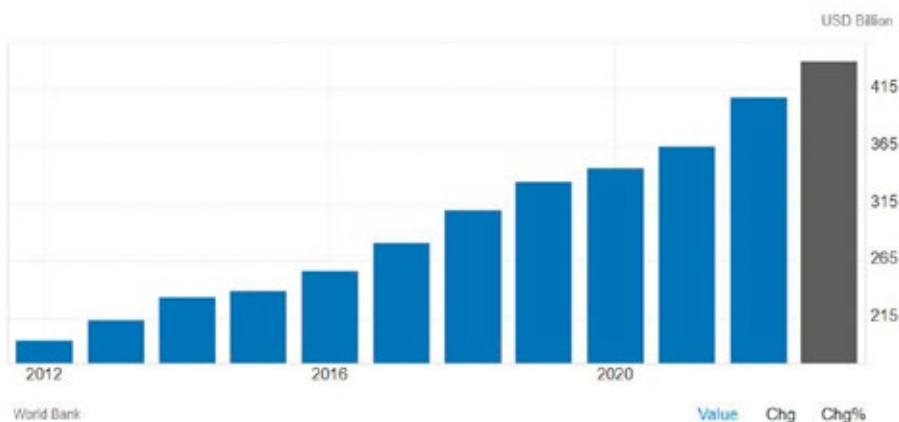

Рис. 3. ВВП Социалистической Республики Вьетнам

Таким образом преемственность различных правовых систем, учет опыта иностранных государств, историко-правовые исследования влияния различных правовых традиций на вьетнамское право помогают формировать законодательство, отвечающее конкретным условиям жизни общества современного Вьетнама. «Различие Запада и Востока, возможно, имеет для человечества то же значение, что и различие левого и правого полушарий человеческого мозга. Вестернизировать мир, сде-

¹² Ngô Huy Cương. Op. cit.

¹³ Источник: <https://ru.tradingeconomics.com/vietnam/gdp> (дата обращения: 27.06.2024).

¹⁴ Данные с сайта: <https://www.gso.gov.vn/lao-dong/> (дата обращения: 27.06.2024).

¹⁵ Nguyễn Sĩ Dũng. Vị thế của Việt Nam trong phát triển kinh tế. URL: <https://nbtv.vn/vi-the-cua-viet-nam-trong-phat-trien-kinh-te-68752.html> (дата обращения: 27.06.2024).

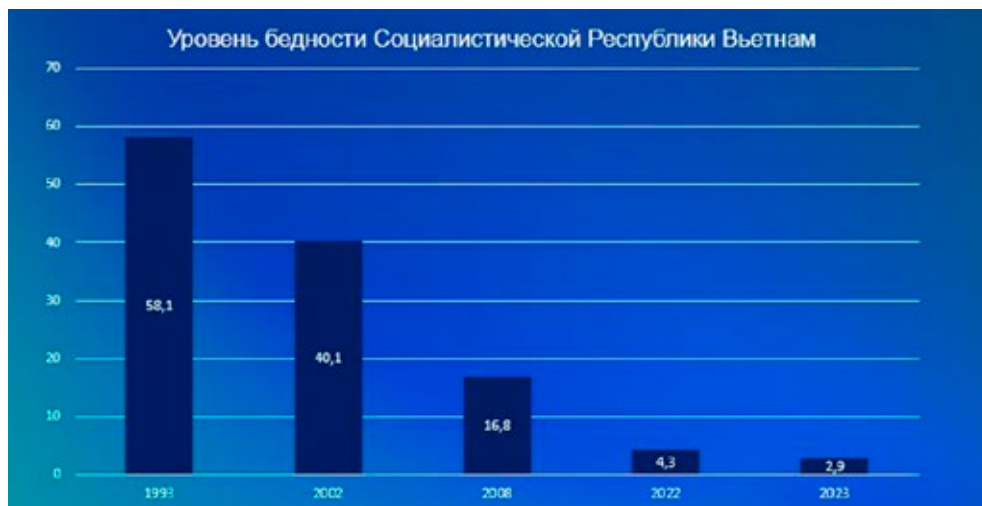

Рис. 4. Уровень бедности Социалистической Республики Вьетнам

лать его однополярным – то же самое, что и сделать наш мозг однополюсным, лишенным его правой, образно-интуитивной структуры»¹⁶. Западные и восточные правовые традиции гармонично сосуществуют в законодательстве Вьетнама.

Библиографический список

Code civil à l'usage des juridictions indigènes du Tonkin, Gouvernement général de l'Indochine. Impr. d'extrême orient, 1931.

Hiến pháp nước Cộng hòa Xã hội chủ nghĩa Việt Nam. – URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-nam-2013-215627.aspx>

Lê Tài Triển. Luật thương mại Việt – Nam dẫn – giải, Quyển I, Nhóm nghiên cứu và dự hoạch / Lê Tài Triển, Nguyễn Vượng Thọ, Nguyễn Tân. – Sài Gòn, 1972.

Ngô Huy Cương. Sự ảnh hưởng của pháp luật Pháp tới luật tư ở Việt Nam, Tạp chí Nghiên cứu Lập pháp số 12 (316), tháng 6/2016 / Ngô Huy Cương. – URL: <http://www.lapphap.vn/Pages/tintuc/tinchitiet.aspx?tintucid=208600>

SẮC LỆNH CỦA CHỦ TỊCH CHÍNH PHỦ LÂM THỜI SỐ 47 NGÀY 10 THÁNG 10 NĂM 1945. – URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Sac-lenh-so-47-giu-tam-thoi-luat-le-hien-hanh-Bac-Trung-Nam-bo-ban-hanh-nhung-bo-luat-phap-duy-nhat-toan-quooc-35893.aspx>

Nguyễn Sĩ Dũng. Vị thế của Việt Nam trong phát triển kinh tế / Nguyễn Sĩ Dũng. – URL: <https://nbtv.vn/vi-the-cua-viet-nam-trong-phat-trien-kinh-te-68752.html>

Vũ Văn Mẫu. Cổ – luật Việt – Nam thông – khảo và tư – pháp sử, Quyển thứ nhất, Tập nhất, Sài Gòn / Vũ Văn Mẫu. 1974.

Vũ Văn Mẫu. Dân – luật khái – luận, In lần thứ hai, Bộ Quốc – gia giáo – dục xuất – bản / Vũ Văn Mẫu. – Sài Gòn, 1960.

Философия истории : учебное пособие / под ред. А. С. Панарина. – М. : Гардарики, 1999. – 16 с.

¹⁶ Философия истории : учеб. пособие / под ред. А. С. Панарина. М., 1999. 16 с.

References

Civil Code for use by the indigenous jurisdictions of Tonkin, General Government of Indochina. Impr. from the Far East, 1931. [In French]

Constitution of the Socialist Republic of Vietnam. – URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-nam-2013-215627.aspx>. [In Vietn.]

DECREE OF THE PRESIDENT OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT NO. 47 DATED OCTOBER 10, 1945. – URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Sac-lenh-so-47-giu-tam-thoi-law-leen-hanh-North-Central-South-boast-ban-hanh-but-bo-luat-phap-only-nhat-toan-quoc-35893.aspx> [In Vietn.]

Le Tai Trien. Vietnam – Vietnam Commercial Law, introduction – explanation / Le Tai Trien, Nguyen Vang Tho, Nguyen Tan. – Vol. I. – Saigon : Research and Planning Group, 1972. [In Vietn.]

Ngo Huy Cuong. The influence of French law on private law in Vietnam / Ngo Huy Cuong // Journal of Legislative Studies. No. 12(316). June 2016. – URL: <http://www.lapphap.vn/Pages/tintuc/tinchitiet.aspx?tintucid=208600> [In Vietn.]

Nguyen Si Dung. Vietnam's position in economic development / Nguyen Si Dung. – URL: <https://nbtv.vn/vi-the-cua-viet-nam-trong-phat-trien-Kinh-te-68752.html> [In Vietn.]

Vu Van Mau. Co – Vietnamese – Southern law – reference and private – legal history / Vu Van Mau. – Vol. 1. – Saigon, 1974. [In Vietn.]

Vu Van Mau. Dan – concept – essay / Vu Van Mau. – Second edition. – Saigon : Ministry of National Education Publishing House, 1960. [In Vietn.]

Philosophy of history : textbook / ed. A. S. Panarin. – Moscow : Gardariki, 1999. – 16 p.

Для цитирования:

Есаева Е. А. Право Вьетнама в условиях дихотомии Запада и Востока // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3(8). С. 35–41.

Recommended citation:

Esaeva E. A. The law of Vietnam in the context of the dichotomy of the West and the East // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 3(8). Pp. 35–41.

Сведения об авторе

Есаева Екатерина Андреевна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

E-mail: eaesaeva1221@gmail.com

Information about author

Yesaeva Ekaterina Andreevna – Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law of National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: eaesaeva1221@gmail.com

УДК 340.1

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ДИХОТОМИИ КАК ОСНОВАНИЯ ИНТРАПЕРСОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Ю. В. Сорокина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 января 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности возникновения и основные характеристики интраперсональных конфликтов. Подчеркивается их особое место в общей классификации юридической конфликтологии. Подчеркиваются противоречия и дихотомии данных явлений, их философское и юридическое значение.

Ключевые слова: юридический конфликт, юридическая конфликтология, интраперсональный конфликт, личность, внутренние противоречия, юридическая психология.

CONTRADICTIONS AND DICHOTOMIES AS THE BASIS OF INTRAPERSONAL CONFLICTS

Yu. V. Sorokina

Voronezh State University

Abstract: the article examines the features of occurrence and main characteristics of intrapersonal conflicts. Their special place in the general classification of legal conflictology is emphasized. The contradictions and dichotomies of these phenomena, their philosophical and legal significance are emphasized.

Key words: legal conflict, legal conflictology, intrapersonal conflict, personality, internal contradictions, legal psychology.

Различного рода социальные конфликты сопровождают человека на протяжении всей его жизни и обладают как положительными, так и отрицательными свойствами. С одной стороны, они играют роль катализатора общественного прогресса, с другой – несут разрушение и гибель це-

© Сорокина Ю. В., 2024

лых цивилизаций. На межличностном уровне – та же ситуация. Для одних конфликт – мощный стимул дальнейшего развития, для других его последствия становятся роковыми и разрушают личность.

Что касается уровней конфликтов, то они различны. Это политические конфликты, межгрупповые и внутригрупповые, а также те, которые возникают между отдельными людьми. Одни из них попадают в правовое поле и приобретают статус правовых конфликтов, другие разрешаются с помощью этических, корпоративных и общекультурных норм.

В основе всех конфликтов лежит сама природа человека, который является сосредоточением внутриличностных противоречий, поэтому следует начать *ab ovo*. Сущность человека настолько противоречива, что он обречен жить в паутине конфликтов, стараясь их разрешить или всё больше в них погружаясь.

Что представляет внутриличностный конфликт? При первом приближении внутриличностный конфликт – это противоречие, которое возникает внутри душевного мира человека. Он выражается в столкновении мотивов, целей, потребностей, интересов, идеалов. При этом личность постоянно воспроизводит внутренние конфликты и сама является их носителем. Человек не может сбежать от них, поскольку от них в принципе никуда не деться. Внутриличностные конфликты провоцируют напряжение, тяжелые душевные состояния, обусловленные внутренними метаниями и необходимостью постоянно делать выбор. Но, как ни тяжело это признать, внутренние противоречия естественны, и более того, необходимы для «развития и совершенствования самой личности. Любое развитие не может осуществляться без внутреннего противоречия, а там, где противоречие, там и конфликт»¹. Главной проблемой в сфере изучения внутриличностного конфликта является отсутствие ответа на вопрос: что такое личность и какова ее структура.

Проблема внутренних конфликтов особенно стала привлекать внимание ученых – психологов и философов в 20–30-е гг. XX в. Для их характеристики были введены понятия – интрапсихического, интраперсонального, внутриличностного, интрасубъективного конфликта, которые используются как синонимы.

А. С. Васильев пишет о существовании нескольких концепций, каждая из которых дает свою классификацию конфликтов. Наиболее распространены психодинамические, или интрапсихические концепции, в центре которых – биопсихическая основа индивида, и авторы ее З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм. Также существуют ситуационные подходы. Такая точка зрения свойственна бихевиористам – Д. Скиннеру, Н. Миллеру.

¹ Кондратьев А. М., Шориков Е. В. Внутриличностный конфликт: генезис и последствия. URL: <http://scienceforum.ru/2017/article/2017>

Выделим наиболее характерные черты внутриличностного конфликта: во-первых, в этого рода конфликтах отсутствуют субъекты, сам конфликт разворачивается внутри одной личности; во-вторых, внутренние конфликты имеют негативные последствия для человека, которые выливаются в тяжелые переживания вплоть до депрессии; в-третьих, можно отметить латентность конфликта, который может быть не замечен для окружающих, да и сам человек может не осознавать свое состояние.

Выделяют также и виды внутренних конфликтов – это конструктивные личностные конфликты, которые органически присущи человеку и разрешаются им без тяжких последствий, и деструктивные, которые сопровождаются настолько острыми негативными чувствами, что возникает угроза суицида.

Что касается причин внутреннего конфликта, то они выступают как отношение к окружающему миру в целом. В определенной мере их можно назвать аутентичными, развивающимися внутри психики, нарастающими постепенно. Кроме того, и это более часто встречается, внутренние конфликты возникают как результат перехода объективных противоречий во внутренний мир человека. Интерперсональные конфликты порождают интраперсональные².

В психологии авторы говорят не только о типах, но и уровнях развития конфликтов. Е. Донченко и Т. Титаренко выделяют три таких уровня. Первый из них – это состояние психологического комфорта, душевного равновесия. Второй уровень – нарушение равновесия, затрудненность основных видов деятельности. Человек чувствует дискомфорт при общении с другими. Третий уровень означает собственно внутренний конфликт, когда наступает «невозможность реализации планов, программ, разрыв жизни, невозможность выполнения жизненных функций до разрешения конфликта»³. Нельзя не отметить, что такое выделение уровней весьма условно. Внутренний конфликт может начаться внезапно, а разрешение внешнего противоречия, завершение межличностного конфликта не восстанавливает душевное равновесие. Он может быть порожден столкновением структур внутреннего мира, внутриличностных образований, а также, как уже сказано, столкновением с внешним миром и разочарованием в нем. В любом случае внутри личности происходит столкновение внутренних сил и ей становится тяжело до невыносимости. Разворачивается порой не замечаемая нами трагедия. Таким образом, следует согласиться с А. С. Васильевым, который определил внутренний конфликт как «острое негативное переживание, вызванное борьбой структур вну-

² См.: *Васильев А. С.* О психологической природе внутреннего конфликта // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4(23).

³ Цит. по: Там же.

тренного мира»⁴. При этом никто не может дать ответа, что такое внутренний мир личности и что такое структура личности. А. М. Кондратьев и Е. В. Шориков дают развернутое определение внутриличностного конфликта: «Внутриличностный конфликт внутри психического мира личности представляет собой столкновение противоположно направленных мотивов, потребностей, целей, интересов, идеалов»⁵. При этом личность постоянно воспроизводит эти конфликты, поскольку она сама является их носителем. Авторы утверждают, что вся жизнь человека – это постоянно разворачивающийся внутренний конфликт. И если есть шанс (очень небольшой. – Ю. С.) избежать внешних конфликтов, то внутренний органически встроен в природу человека. А. М. Кондратьев и Е. В. Шориков пишут, что ситуация внутриличностного напряжения и противоречивости в известных рамках не только естественна, но и необходима для развития и совершенствования самой личности. Любое развитие не может осуществляться без внутреннего противоречия, а там, где противоречие, там и конфликт⁶.

Наиболее выдающимся исследователем внутриличностных конфликтов является основатель психоанализа З. Фрейд. Согласно его теории, в человеке борются два начала – Эрос и Танатос, инстинкт самосохранения и стремление к смерти. Эрос в виде либидо означал инстинкт жизни, Танатос – инстинкт смерти, проявляющийся в виде агрессии и разрушения. Ученый ввел понятия бессознательного, предсознания и сознания. Им соответствуют три позиции – Оно, Я и Сверх-Я. В труде «Толкование сновидений» З. Фрейд «определил психический аппарат по аналогии с оптическим аппаратом»⁷. Он глубоко анализировал психику и вычленял отдельные элементы. Каждый элемент выполняет определенную функцию, не используя анатомию. В своей психологической теории З. Фрейд делает акцент на Я, которое несчастно. Ученый пытался выявить и раскрыть конфликты и драмы, разыгрывающиеся в человеческой психике. В этом он видел первейшую задачу психоанализа. Фрейд считал, что актуальное Я зависит от Оно, Сверх-Я – от внешнего мира. Прежде всего он говорил о столкновении Оно, т.е. бессознательного, с культурой⁸. Ученый пришел к выводу, что «наша душевная жизнь постоянно потрясается конфликтами, которые нам предстоит решить»⁹. Но как именно сделать это? Была точка зрения, что в ходе эволюции вырабатываются некоторые механизмы, позволяющие адаптироваться ко внешним явлениям, прежде всего к условиям совместной жизни. Самого факта такой адаптации

⁴ Там же.

⁵ Кондратьев А. М., Шориков Е. В. Указ. соч.

⁶ Цит. по: Там же.

⁷ Васильев А. С. Указ. соч.

⁸ Лейбин В. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990. С. 114.

⁹ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. СПб., 1999. Т. 1. С. 133.

Фрейд не отрицал и считал, что данные механизмы следует рассматривать не как способ разрешения конфликтов, а как их предотвращение. Кроме того, он вводит понятия «принцип удовольствия» и «принцип реальности» – две силы, которые притягивают человека и которыми он руководствуется в своей жизнедеятельности¹⁰.

Что же такое «принцип удовольствия»? Это внутреннее, присущее каждому человеку свойство, программа функционирования внутренних психических процессов. Так вот, стремление к «принципу удовольствия» свойственно бессознательному – Оно. Бессознательное как часть человеческой психики стремится к получению максимального удовольствия. Но в противовес этому существует «принцип реальности» – те правила и ограничения, которыми человек руководствуется в своей жизни. Неправильно было бы говорить о внутреннем или внешнем принуждении. Люди сами, в соответствии со свободной волей выбирают определенные паттерны поведения. Но всё же «принцип реальности» – это коррекция требований бессознательного. Он выражается в том, что человек считается с требованиями окружения и имеет ориентиры, механизмы, которые защищают его от различного рода трагических потрясений, «связанных с защитой от перегрузок, связанных с невозможностью сиюминутного удовлетворения влечений»¹¹. Однако, как считает Фрейд, эти защитные механизмы, эффективные по отношению к внешней реальности, не всегда способны к разрешению внутренних конфликтов, связанных с психической реальностью. По его словам, эта «защита от внешних раздражителей, не дает защиты от влечений внутренних»¹². «Принцип реальности» заставляет человека считаться с внешней необходимостью. Но в то же время бессознательное влечение вступает в противоречие с внешним миром, всячески противится налагаемым извне ограничителям. В таких условиях и возникает внутренний конфликт. Между бессознательным и сознанием стоят своего рода ограничения, своеобразная цензура, которая пропускает в сознание лишь некоторые мысли и представления лишь о некоторых внутренних влечениях. Все порывы, нарушающие принципы социума, уходят в бессознательное. Это способствует ослаблению внутреннего конфликта, но не разрешает его. Фрейд искал выходы из этого положения, считал, что необходима мобилизация сил сознания с тем, чтобы разрешать свои конфликты именно с его помощью. Предполагается, что человек должен иметь представление о бессознательном¹³. Фрейд признавал доброе начало в человеке. Но объектом его исследований стала темная сторона души. Он отнюдь не считал, что темное начало прео-

¹⁰ См.: Фрейд З. Указ. соч. С. 133.

¹¹ Лейбин В. Указ. соч. С. 114.

¹² Фрейд З. Указ. соч. С. 134.

¹³ См.: Лейбин В. Указ. соч. С.116.

бладает, не оно является сущностью человека. Да, человек склонен к агрессии, и с этим трудно не согласиться, но основатель психоанализа не разделял концепции о преобладании злой природы человека. Человек – это в принципе «доброе начало», в нем много благородных стремлений.

Теория Фрейда впоследствии критиковалась его учеником, выдающимся швейцарским психоаналитиком и философом Карлом Густавом Юнгом (1875–1961). Последний критиковал своего учителя за то, что тот в основание организации личности ставил половое влечение – либидо. Юнг же рассматривал личность как сложную материю, которая состоит из ряда психических структур, к которым он относил Эго, личное бессознательное и его комплексы, а также выделял такие уровни, как Персона, Анима и Анимус и, наконец, Тень. Кроме этих структур существуют внутренние установки – интроверсия и экстраверсия. Также ученый выделял функции психики – мышление, чувство, ощущение и интуицию. Источником конфликта, по Юнгу, является раздробленность личности, несогласованность архетипов как универсальных социальных мотивов, установок, которые унаследованы от предков в качестве изначально обобщенных образов¹⁴. Архетип по Юнгу – подсознательное представление человека об идеальных образах мужчины (анимус) и женщины (анима), которое складывается в ходе социально-исторического развития. Архетип передается через поколения и влияет на наши действия, выбор и суждения. Ему свойственна амбивалентность: он одновременно добрая сущность, помогающая человеку, но и содержащая для людей угрозу. Он обладает огромной эмоциональной силой, высокой степенью устойчивости и всячески сопротивляется попыткам изменить его. Архетипы диктуют «жестко определенный способ эмоционального реагирования на жизненные обстоятельства»¹⁵. К слову, Юнг считал, что фашизм и нацизм могут закрепиться в сознании людей как архетип. Причем данный архетип настолько притягательный, что способен повести за собой толпу. Внутренний конфликт порождается противоречием между общественными устоями, требованиями и внутренними образами коллективного бессознательного. Разрешение внутреннего конфликта состоит в том, что человек принимает реальность существования обратной, даже скрытой от него самого и других, стороны его индивидуальной жизни¹⁶.

Важную роль в психике человека играет интуиция, которая опирается на бессознательное. Она позволяет человеку осознать реальность как целостное явление, не прибегая к деталям. Интуиция представляет со-

¹⁴ См.: Красильников И. А. Феномен внутриличностного конфликта в социальном психоанализе // Известия Саратовского университета. Серия: Философия, психология, педагогика. 2014. Вып. 4.

¹⁵ Красильников И. А. Указ. соч.

¹⁶ См.: Там же.

бой эндогенное чувство, принадлежащее к глубинным структурам психического. Оно помогает сохранять контроль и владение ситуацией. Интуиция способна охватывать наиболее полно глубины человеческой психики, помогает найти выход, когда человек пребывает в состоянии внутриличностного конфликта.

Процесс индивидуации происходит путем «чтения мифов и легенд: через миф человек открывает мир»¹⁷. Символы могут мобилизовать психическую энергию для разрешения внутренних конфликтов. Судьбу человека решают архетипические образы, т.е. бессознательное психическое. Природа человеческих ценностей глубоко уходит в архетипическое бессознательное, мифы. «В архетипах культуры закодированы бессознательные глубинные слои человеческой психики»¹⁸. Противоречия, несогласованность между реальными чувствами и социальной ролью человека, обусловлены сущностью, которую К. Юнг именуется Персона. Самость человека может быть подавлена его публичным статусом, что приводит к внутренней дезинтеграции. Архетипы способны запретить проявление самости, и, как следствие, возникает внутренний конфликт, который сопровождается фрустрацией. Но это лишь символическое удовлетворение психики.

Современником и коллегой З. Фрейда был австрийский ученый Альфред Адлер (1870–1937). Наиболее известный его труд – «Понять природу человека». По Адлеру, внутриличностный конфликт рассматривается как столкновение между теми идеальными образцами, которые требует, даже навязывает общество. А. Адлер определяет неконструктивные формы разрешения внутреннего конфликта – это компенсаторная мотивация к перфекционизму, к превосходству над другими. Такие люди постоянно стремятся занять более высокий статус, подтвердить свой престиж. Человек проявляет агрессивность, сравнивает себя с другими, старается манипулировать людьми. Цель его – достижение власти, хотя бы и в небольшом объеме. Проигрыш влечет негативное усложнение внутреннего мира. Адлер не согласен с Фрейдом в том, что прошлое определяет внутренний мир человека. По его мнению, внутренний мир определяется настоящим¹⁹. Адлер говорит о том, что у человека могут сформироваться фиктивные цели, идеи фикс как защита от чувства неполноценности – «сильные ригидные установки в отношении чего-либо, цели, имеющие абсолютный характер. Например, превосходство нации, сексуальное превосходство, установление абсолютного равенства, абсолют-

¹⁷ Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. URL: <https://mybook.ru/author/karl-yung/arhetipy-i-kollektivnoe-bessoznatelnoe/read/>

¹⁸ Красильников И. А. Социально-когнитивные аспекты к пониманию внутриличностных конфликтов. URL: cyberleninka.ru

¹⁹ См.: Красильников И. А. Феномен внутриличностного конфликта в социальном психоанализе.

ной справедливости»²⁰. Если потребность человека не удовлетворяется, он чувствует себя ненужным, опустошенным, выброшенным на обочину жизни. Адлер предлагает способ разрешения внутренних конфликтов – это стратегии, способствующие возможно полной адаптации в обществе. А. Адлер один из первых ученых, кто обратил внимание на социальные корни мотивации личности. В отличие от З. Фрейда, который акцентировал внимание на бессознательном и сексуальности как главных детерминантах поведения человека, Адлер считал, что комплексы – это внутренние двигатели, заставляющие людей ставить и достигать цели. Сравнение с окружающими заставляет испытывать дискомфорт от осознания своих недостатков и слабостей. Именно это осознание создает мотивацию для самосовершенствования. Причем А. Адлер считает, что понятие «комплекс неполноценности» является не просто психологической, но и философской категорией.

З. Фрейд критиковал Адлера, вплоть до того, что называл параноиком, а его теории непонятными. Дело в том, что Адлер отбросил сексуальный фактор в системе мотиваций²¹.

По Адлеру, человек должен постоянно развиваться, иначе он так и останется недочеловеком со своими комплексами неполноценности²². Но тот, кто развивается и достигает превосходства, также нехорош. Стремление к власти и превосходству А. Адлер называет «злом цивилизации». Как видно, ученый возлагает слишком большие надежды на внутриличностный рост и способность человека изжить из себя комплексы неполноценности.

Продолжим рассмотрение проблемы внутриличностного конфликта и обратимся к теории немецко-американского исследователя Эрика Эриксона (1902–1994), основной труд которого называется «Трагедия личности». Э. Эриксон является признанным лидером во многих областях философии и психологии. Он был неудовлетворен позицией Фрейда о противоречии бессознательного и требований культуры. В свою очередь он вводит понятие «феномен идентичности». Идентичность – это процесс организации жизненного опыта в индивидуальном Эго. Идентичность – это сложное личностное образование, которое имеет индивидуальную многоуровневую структуру. «Человек – это единая осмысленность, в основе которой лежит постоянная, трудно насыщаемая потребность проникновения в собственное личностное ядро, осознание себя как неповторимой уникальности»²³. Для человека свойственно стремление к по-

²⁰ Там же.

²¹ См.: Тимофеев А. И., Шматова Н. И. Достоинства и недостатки теории комплексов неполноценности А. Адлера. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstva-i-nedostatki-teorii-kompleksov-nepolnotsennosti-a-adlera>

²² См.: Там же.

²³ Эриксон Э. Трагедия личности. М., 2008.

знанию себя, хотя все понимают, что это в принципе невозможно. Трудно представить такую личность, которой бы удалось проникнуть внутрь себя, достичь внутреннего ядра и составить образ своей индивидуальности. Человек оказывается заброшенным в мир, где уже сложились модели и ценности, где существуют различные вещи. В этом мире ему трудно, даже практически невозможно осознать смысл и назначение окружающей его реальности. Индивид постоянно нуждается в системе ориентации и должен следовать сложившимся образцам. Следовательно, возникает проблема культурной идентичности. Э. Эриксон характеризует человека как существо мятущееся, которое постоянно меняет представления о самом себе, а потому ему нужна постоянная опора для того, чтобы соотнести свое поведение с персонифицированным образом. Ученый считает, что «люди пытаются выразить себя опосредованно через систему ритуалов и готовых образцов»²⁴. Э. Эриксон проводит различия между понятиями «идентичность» и «идентификация». Под последней понимается психологический механизм, а первая есть результат идентификации. Э. Эриксон считает, что в современном мире происходит распад личности, и причиной этому является открытость Другому. Именно через других происходит процесс идентификации, в результате которой формируется идентичность. Но, как считает Э. Эриксон, индивида в этом мире ждут разочарования. «Там, где он рассчитывал на некоторое человеческое содержание, оказывается пустота»²⁵. В обществе оказываются важны только социальные роли, а индивидуальное оказывается замещенным социальным. Там, где человек хочет проявить свою индивидуальность, самоощущенность, он наталкивается на безличные социальные роли. Идентификация заменяется процессом позиционирования, т.е. желанием играть свою социальную роль. Возникает противоречие между индивидуальным и социальным.

Эриксон считает, что существуют особые стадии психосоциального развития личности. При этом переход на каждую следующую стадию сопровождается кризисом – внутриличностным конфликтом. Он обусловлен необходимостью выбора между интенцией и ретенцией, между регрессом и прогрессом. В этот период личности свойственна высокая уязвимость. Тогда приходит на помощь Эго, поскольку его основная функция в психике – это психологическая адаптация. Э. Эриксон считает, что даже человек с высокой рефлексивностью не всегда способен обнаружить свои внутренние проблемы, что может приводить к задержке личностного развития. Ученый выделяет один из главных механизмов разрешения конфликтов, которому свойственны индивидуальность и сознательное ощущение собственной уникальности, тождественность, социальная со-

²⁴ Эриксон Э. Трагедия личности. М., 2008.

²⁵ Там же.

лидарность²⁶. Человеку важно понимать, что в процессе индивидуального развития возникшие в прошлом внутренние конфликты, неосознаваемые препятствия требуют разрешения в настоящем²⁷. Это «навязчивые воспоминания, неуспокоенные страхи, незавершенные отношения, тревоги, подавленные духовные потребности, которые заблокировали раскрытие индивидуальности²⁸». Неразрешенные внутренние конфликты возникают на более ранних стадиях развития – это чувство стыда, вины, зависимости, отчуждения, отчаяния. Они переходят в бессознательное и создают препятствия для дальнейшего социально-психологического развития личности. Чувство тревожности – маркер внутриличностного конфликта. Разрешить его можно двумя способами. Первый из них – неконструктивная форма решения, которая проявляется в генерализованной агрессивной реакции против всех людей, поиск «врагов» в окружающем мире. Мотивацией к такому способу поведения является тщеславие, гордость, зависть, которые представляют собой не что иное, как рессентимент. Внутренний конфликт может быть результатом нарушенных межличностных отношений. Осознание своей идентичности, своих архетипов помогает понять и принять некоторые негативные характеристики своей личности и выбрать адекватные модели поведения.

Проблема внутриличностного конфликта стала основным объектом исследования австрийского ученого Курта Лоренца (1903–1989). Его основной труд – «Агрессия, или Так называемое зло». К. Лоренц на первое место во внутриличностном конфликте ставил агрессию, причем считал, что она выполняет полезную, видосохраняющую функцию. Рождается агрессия из страха. Лоренц называл их близнецами. Агрессия всегда сопровождается приступами страха, а страх вызывает агрессию²⁹. В процессе эволюции угроза агрессии не только не была снята, но, напротив, в определенной мере обострилась. Например, было создано оружие массового поражения. Сам человек живет в гипердинамичном темпе, изменяя вокруг себя окружающий мир, и агрессия вновь становится источником глобальной угрозы³⁰. К слову, угроза агрессии усиливается в связи с перенаселением планеты.

К. Лоренц считает, что если оформлена или оформляется какая-либо группа людей, скажем, религиозная группа, то она непременно имеет тенденцию к обособленности. При этом члены других групп оцениваются как чужие, вплоть до признания их неполноценными. Такое от-

²⁶ См.: Там же. С.126.

²⁷ См.: Там же. С. 127.

²⁸ Там же. С. 127.

²⁹ См.: *Горохов С. А.* Философские аспекты интерпретации феномена агрессии Конрада Лоренца. URL: <http://abyss.su/issue/4/6>

³⁰ См.: *Лоренц К.* Агрессия, или Так называемое зло. С. 135. URL: <https://www.labirint.ru/books>

ношение к другим группам и сообществам приводит, по мнению К. Лоренца, к появлению агрессии. Лоренц предупреждает об огромной опасности таких процессов. «Если глазами непредубежденного наблюдателя посмотреть на человека, какой он сегодня, с водородной бомбой, даром его собственного разума и с инстинктом агрессии в душе, с которой его рассудок не может совладать, то трудно предсказать ему долгую жизнь»³¹. И всё же К. Лоренц видит надежду на выживание. Он считает, что можно нивелировать агрессию с помощью понятийного мышления и определенного ею ответственного поведения.

Способность к агрессии заключается в ее инстинктивной природе. Несмотря на все стремления разума, она неизбежно проявляется в тех или иных формах. Усиливает опасность агрессии ее спонтанность. «Инстинкт агрессии, как и столь многие другие инстинкты спонтанно прорываются изнутри человека»³². Лоренц проводит параллели между агрессией и стремлением к суициду. Раньше племена враждовали друг с другом постоянно, реализуя инстинкт агрессии. Но сейчас ситуация в корне изменилась, что повлекло снижение порога ее запуска. Агрессия – это шлюз, а значит необходимы способы ее разрядки. К таким способам можно отнести перенаправление агрессии, ее сублимацию, коррекцию человеческого поведения с помощью евгеники и, наконец, ритуализацию.

Рассмотрим эти способы подробнее. Перенаправление агрессии означает разрядку на замещающий объект. Лоренц считает, что каждый способен к самонаблюдению, и, следовательно, способен перенаправить свою агрессию. Для этого, например, существуют неодушевленные предметы. Вместе с тем заместить объект агрессии можно, если имеет место осознание. Но ведь агрессия не контролируема и может возникнуть внезапно. Сублимация – наиболее надежный способ реализовать инстинкт агрессии, например, занятия спортом. Идея же евгеники – это абсурд, и К. Лоренц сам пишет о том, что нежелательно заниматься таким видом селекции. Наконец ритуалы. Под ними Лоренц понимает культурно-этические модели поведения. Они достаточно действенны, но не снимают внутриличностного конфликта, а наоборот, могут его усилить. Также они не снимают агрессию, а скорее подавляют ее. И все же Лоренц важное значение придает культуре и морали. Человек, воспитанный в культуре и морали, сможет осознать свою внутреннюю агрессивность и перенаправить или сублимировать ее.

Говоря о внутриличностных конфликтах, невозможно оставить без внимания теорию немецко-американского психолога Курта Левина (1890–1947). Он сформулировал теорию, согласно которой социальное давление, испытываемое человеком, можно приравнять к физической

³¹ Лоренц К. Указ. соч.

³² Там же. С. 136.

силе. К. Левин ввел понятие «поля», в котором существует человек. Оно представляет собой натяжение сил, которые тянут и толкают в равных направлениях. С одной стороны – это силы социума, ожидание от него определенного типа поведения, с другой – собственные чувства, способности и желания человека. К. Левин оговаривает, что «поле», смысл которого он раскрывает, не есть мозговое поле, изоморфное личному непосредственному опыту³³. Ученый обращается к образу буриданова осла, называя данную ситуацию источником конфликта. Личностный конфликт возникает в ситуации, когда действуют обе силы равной величины. Ситуация может складываться так: 1) человек находится между двумя положительными силами примерно равной величины. Например, при избрании вида деятельности; 2) человек может находиться между двумя отрицательными силами. Например, либо готовиться к сложному экзамену по нелюбимому предмету, либо получить неудовлетворительную оценку; 3) наконец, на человека действуют две разнонаправленные силы, примерно в одном и том же месте. Например, человек подыскивает подходящую работу, но оплата труда намного меньше, чем он ожидает.

Сама личность оказывается системой, которая включает в себя подсистемы, взаимосвязанные друг с другом. Если индивид активен, то подсистема находится в напряжении, но даже если деятельность прервана, то напряжение не спадает и требует завершения. Если же последнее невозможно, то напряжение субституируется, например, заменяется³⁴.

Также К. Левин говорит о том, что поведение человека не зависит ни от прошлого, ни от будущего, а только от настоящего. «Поле» рассматривается как жизненное пространство, которое включает в себя личность и ее психологическое окружение в том смысле, как оно воспринимается индивидом. Левин разработал концепцию «динамичной системы поведения»³⁵, которая оказывается под напряжением в случае рассогласования внутреннего мира человека с окружающей средой. Такое напряжение проявляется в виде конфликтов. Путь их разрешения – реорганизация мотивационных сил личности и структур взаимодействия индивида. Наконец, К. Левин пишет, что конструктивный личностный конфликт всегда присутствует в душе человека. Это подсистема его психики. Деструктивный конфликт приводит к разрушению личности вплоть до суицида.

В первой половине XX в. особую популярность приобрел бихевиоризм, который возник еще в начале столетия. Наиболее известный представитель этого течения, фактически его родоначальник – американский ученый Джон Уотсон (1878–1958). Еще в советское время была издана его

³³ См.: Левин К. Намерение, воля, потребность. URL: psyfactor.org/lib/teoria_polia_levina

³⁴ См.: Там же.

³⁵ Там же.

книга «Психология с точки зрения бихевиоризма»³⁶. В качестве предмета психологии бихевиористы представляют не субъективный внутренний мир человека, а объективные, фиксируемые характеристики поведения, которые вызваны каким-либо внешним воздействием. То есть бихевиористы говорят о существовании стимулов и ответных реакций. Сам процесс обусловливания – это содержательно сложный психологический процесс. Постепенно возникли сомнения в правильности положений бихевиористов, в связи с чем возникло течение необихевиоризма. Были введены такие понятия, как образ, цель и потребность. Также в 1930-х гг. появилась концепция оперативного или радикального бихевиоризма, создателем которой был американский ученый Б. Ф. Скиннер и которая представляла собой модификацию бихевиоризма. Появилось понятие реакции. Бихевиористы не разделяли интраперсональный подход. Они перенесли акценты на внешние детерминанты возникновения внутреннего конфликта. Ситуационные подходы составили традицию бихевиористской теории. Бихевиоризм говорит о принципиальной невозможности исследования внутреннего мира человека. Объектом изучения может быть только то, что поддается описанию, т.е. внешнее поведение.

Механизмы человеческого поведения стали главным содержанием теоретических концепций и экспериментальных исследований. Интерес к конфликту ограничивался наблюдением за внешним поведением, в первую очередь, межличностными и межгрупповыми конфликтами³⁷. Бихевиористская парадигма использовала основной методологический принцип, а именно изучение поведения человека. Предполагался поиск связей между действиями (стимулами) и ответной поведенческой реакцией человека. Отсюда происходит основная схема – «стимул – реакция», выработанная на исследовании частных примеров – «фрустрация – агрессия», «ситуация – конфликтное поведение» и прошедшая экспериментальную проверку³⁸.

Если речь идет о конфликтном поведении, межличностном взаимодействии, то исследовать его можно путем анализа конкретной ситуации.

Бихевиористы изучали феномен агрессии и создали концепцию фрустрационной детерминации агрессии, а также представили механизм сдерживания ее посредством внутренних усилий.

По сравнению с психоанализом бихевиоризм предложил принципиально иное отношение к конфликтам. Социально-психологические конфликты в бихевиористской парадигме являются следствием внешней агрессии и фрустрационной реакции на нее. Бихевиористы предлагают выяснять причины агрессии и искать смещения ее на другой объект.

³⁶ Уотсон Дж. Психология с точки зрения бихевиоризма. М., 1980.

³⁷ См.: Бихевиористские теории. URL: [http: books/net](http://books/net)

³⁸ См.: Там же.

Патология поведения есть «следствие научения человека неправильному поведению, которое, получив подкрепление, становится частью поведенческого репертуара личности, а отсюда – ключ к пониманию поведения человека, его поступков и действий, обусловленных внешними факторами³⁹. В соответствии с теорией социального научения, чтобы понять и изучить модели его поведения, надо обратиться к внешним факторам, которые «делают» человека таким, каким он предстает в социуме.

Психологические изыскания постепенно стали объектом философствования. Одним из выдающихся мыслителей современности, немецким философом Эрихом Фроммом (1900–1980) была высказана мысль о дихотомии экзистенциального и исторического в человеке. Он пишет, что такие качества, как самосознание, разум и воображение являются не чем иным, как аномалией вселенной. Он признает, что человек – «часть природы, подчиняющаяся физическим законам, и не способен изменять их, но он одновременно трансцендентен самой природе»⁴⁰. Человек случайным образом оказывается заброшенным в мир и в случайное время покидает его. Он бессилён что-то изменить. Он не может избавиться от самого себя, пока жив. Собственное существование является для него проблемой. Человеческая жизнь есть проявление дихотомии, которая заключается в том, что сама природа человека побуждает его к постоянному развитию, а человеческая жизнь – это постоянное становление. Но каждая ступень этого становления не приносит ему удовлетворения, и он оказывается в поиске новых решений⁴¹. Э. Фромм пишет, что «конечно, это не значит, что человек не является врожденным “двигателем прогресса”, его заставляют двигаться по этому пути противоречия его существования. Потеряв рай, утратив единство с природой, он стал вечным странником (Одиссей, Эдип, Авраам, Фауст); он принужден двигаться вперед с бесконечными усилиями, познавая еще не познанное, расширяя ответами пространство своего знания⁴²». Раздвоенность человеческой природы является основой вечного внутреннего конфликта. Э. Фромм говорит об экзистенциальных дихотомиях, они являются врожденной частью человеческой природы. Эти противоречия устранить невозможно, и приходится жить с ними. Самой главной экзистенциальной дихотомией является проблема жизни и смерти. Человек способен осознавать свою смертность и свое бессилие перед этим фактом. Причем смертная природа человека вызывает к жизни и другую дихотомию между огромным потенциалом человека и ограниченностью его существования. Еще одно противоречие – между одиночеством и стремлением

³⁹ См.: Там же.

⁴⁰ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 46.

⁴¹ Там же. С. 47.

⁴² Там же.

к коммуникации – это экзистенциальная дихотомия. Человек является уникальным существом, отличным от всех других, и осознает себя таковым, но он буквально опутан социальными связями и не может обходиться без коммуникаций, он стремится к социуму, поскольку не имеет возможности использовать потенциал только собственного разума. Именно через других и происходит постоянное становление.

Кроме экзистенциальной дихотомии Э. Фромм выделяет и исторические противоречия. Он пишет: «От дихотомии экзистенциального плана отличается множество исторических противоречий в индивидуальной и общественной жизни, которые не являются необходимой частью человеческого существования, но создаются человеком и им же разрешаются»⁴³. Раскрывая такого рода противоречия, Фромм пишет о достижениях техники и иных материальных сфер (мобильные телефоны, компьютеры), которые, с одной стороны улучшают качество жизни человека, но с другой – приносят смерть (оружие массового поражения). Данного вида противоречия человек способен разрешить, это в его силах. Правда, это требует огромных усилий. Например, поклонение достатку и успеху преодолеть очень трудно, и люди оказываются в конкурентной среде, откуда выбраться очень и очень сложно. Но, сталкиваясь с такими историческими противоречиями, человек стремится отреагировать на них. К слову, в этом помогают идеологии, которые способствуют некоторому успокоению, хотя в большинстве случаев ненадолго. Таким образом, человек сам по себе является носителем конфликтов и противоречий.

Одной из сторон внутреннего конфликта является проблема отчуждения. Дело в том, что человеческая природа требует коммуникативных практик. Индивид живет в состоянии непрекращающейся коммуникации, а сама человеческая жизнь – это паутина социальных связей. Примером тому является язык как средство общения. Приобретение опыта общения не является сознательным усилием, это «бессознательно принятые автоматизмы совместной деятельности»⁴⁴. Общество вовлекает индивида, навязывает ему свои правила, свои хабитусы, которые глубоко интериоризированы и, как правило, воспринимаются человеком как должное. Чаще всего он не задумывается об этом. Таким образом, одной из характеристик человека является то, что он представитель социальных практик, его действия почти полностью детерминированы обществом, воспринимаемым как слепая безличная стихия. Человек оказывается в ситуации отчуждения, о которой говорил еще К. Маркс, который не вдавался в исследование внутренней бури человека, но феномен отчуждения связывал с отчужденностью от производимого продукта. Проблема состоит в преодолении этого

⁴³ Фромм Э. Указ. соч. С. 48.

⁴⁴ Гутнер Г. Концепции личности и коммуникативные универсалии // Богословие личности / под ред. А. Бодрова, М. Толстолуженко. М., 2008. С. 113.

отчуждения, и тогда конфликт общества и человека разрешится сам собой. Но, как показала практика, это не главная причина отчуждения. Существует еще «отчуждение индивидуального действия и отчуждение человеческой природы»⁴⁵. Как уже было сказано, действие человека детерминировано социумом. Следовательно, такое действие уже нельзя назвать индивидуальным, оно определено хабитусом. Это срез всей общественной системы. Следствием жесткой коммуникации являются два разнонаправленных процесса. С одной стороны, наблюдается процесс интериоризации, когда хабитусы врастают в человека и становятся частью его природы, человек ассоциирует себя с ними. Но с другой стороны, происходит процесс объективации внутренней стороны личности. То есть человек точно так же влияет на общество, как и общество на него.

Дихотомия внутреннего мира человека порождает ощущение смыслоутраты и отчуждения. Эта проблема связывается с именем австрийского философа и психолога Виктора Франкла (1905–1997). В соответствии с его теорией человек живет в системе ценностей и идеалов, которые становятся по мере его взросления частью личности. Человеку свойственны поиски смыслов, которые помогают развитию личности и движению вперед. Франкл даже вводит понятие «фрустрация поиска смысла или фрустрация стремления к смыслу», называя это экзистенциальной фрустрацией⁴⁶. Экзистенциальность для В. Франкла – это способ бытия, смысл существования⁴⁷. Экзистенциальная фрустрация может порождать экзистенциальный вакуум, который возникает в тех случаях, когда произошло разочарование в ценностях. Возникает состояние неопределенности, пустоты и бессмысленности.

С психологической точки зрения отчуждение переживается в системе взаимосвязанных феноменов. К таковым относятся: 1) ощущение пустоты, неудовлетворенности жизнью; 2) чувство утраты собственной значимости, жизненных целей, планов, удовлетворения от своей деятельности; 3) сужение мотиваций к деятельности, поставленные цели отличаются сиюминутным характером и сводятся к следованию социальным нормам и удовлетворению актуальных потребностей; 4) ценности перестают быть объектом рефлексии, что грозит наступлением атараксии⁴⁸.

И наконец, рассмотрим проблему отчуждения как следствия смыслоутраты. Как пишут Е. Н. Осин и Д. А. Леонтьев, отчуждение – это категория, которая означает ослабление или нарушение связей с окружающим миром и утрату смысла собственного существования. Термин «отчужде-

⁴⁵ Там же. С. 115.

⁴⁶ См.: Франкл В. Доктор и Душа. СПб., 1997. С. 176.

⁴⁷ См.: Там же.

⁴⁸ См.: Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Феноменология смыслоутраты. URL: kip_2007_n4_Ostin_Leontiev/pdf. С. 69

ние» широко используется представителями экзистенциализма, а именно А. Камю, Ж.-П. Сартром и, в принципе, свойствен европейской традиции. Отчуждение – переживание, когда утрачиваются ценности, наступает ощущение утраты контроля над своей жизнью, болезненные переживания. В иудео-христианской традиции отчуждение является результатом конфликта с Богом, отношения с которым рассматриваются как связь двух людей. Первые люди вступили в конфликт, когда съели плод с Древа познания. До этого Адам и Ева пребывали в гармонии с Богом, но ослушание, грех отделили их от Него. «И выслал Бог его (Адама) из сада Эдемского и поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч, обращающийся, чтобы охранять путь к Древу жизни» (ВЗ: Исход, 32). При этом народ израильский постоянно входил в конфликт с Богом. В Ветхом Завете рассказывается, как пророк Моисей поднимался на гору Синай, чтобы получить откровение от Бога. Во время его отсутствия израильтяне успевали отвернуться от Бога, в частности, просили Аарона сделать золотого тельца, чтобы поклоняться ему. «Когда народ увидел, что Моисей долгое время не сходит с горы, и сказал ему (Аарону): встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами, ибо с этим человеком, Моисеем, мы не знаем, что сделалось» (Исход, 32). После того, как Аарон сделал им божка, «и сказали они: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из Египта». Это не осталось незамеченным Богом: «...и сказал Господь Моисею: поспеши сойти отсюда, ибо развратился народ твой, который ты вывел из земли Египетской, скоро уклонились они от пути, который Я заповедовал им» (Исход, 32).

Новый Завет рассказывает историю Иисуса Христа, Который был воспринят как вождь израильского народа. Но опять люди вступают в конфликт со своим Богом и предают Его на распятие. Мессию отвергли те, к кому Он был послан. И даже сам Иисус, пребывая в предсмертной скорби, спрашивал Бога о том, может ли Он миновать смертную участь: «Отче, мой! Не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне ее не пить, но да будет воля Твоя» (Мф, 26, 40).

Христианское учение постулирует, что отделение от Бога, конфликт с Ним ввергают человека в вечную печаль. Сам Иисус на кресте почувствовал невыносимость отделения от Бога и воскликнул: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты меня оставил?» (Мф, 27, 46).

Итак, печали, негативные фрустрации, дихотомии, душевное нездоровье – это те опасности, которые подстерегают человека всю его жизнь. Но современная наука, духовность способны помочь человеку вырваться из сетей фрустраций или хотя бы облегчить это состояние. Состояние печали не одобряется христианством, которое считает отчаяние одним из грехов, искушением человека. Поэтому у человека есть надежда на приобретение стабильности и душевного равновесия.

Библиографический список

- Библия. Ветхий Завет. Книга Исхода. – М. : Российское библейское общество, 2006.
- Библия. Евангелие от Матфея. – М. : Российское библейское общество, 2006.
- Бихевиористские теории // Школа человеческих отношений и поведенческих наук. – URL: <http://books/net>
- Горохов С. А. Философские аспекты интерпретации феномена агрессии Конрада Лоренца / С. А. Горохов. – URL: <http://abyss.su/issue/4/6>
- Гутнер Г. Концепции личности и коммуникативные универсалии / Г. Гутнер // Богословие личности / под ред. А. Бодрова, М. Толстолуженко. – М. : Издательство ББИ, 2013. – 271 с. (Серия «Современное богословие»).
- Васильев А. С. О психологической природе внутреннего конфликта / А. С. Васильев // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4(23).
- Красильников И. А. Социально-когнитивные аспекты к пониманию внутриличностных конфликтов / И. А. Красильников. – URL: cyberleninka.ru
- Красильников И. А. Феномен внутриличностного конфликта в социальном психоанализе / И. А. Красильников // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия, психология, педагогика. – 2014. – Вып. 4.
- Кондратьев А. М. Внутриличностный конфликт: генезис и последствия / А. М. Кондратьев, Е. В. Шориков. – URL: <http://scienceforum.ru/2017/atricle/2017>
- Лейбин В. Фрейд, психоанализ и современная западная философия / В. Лейбин. – М. : Политиздат, 1990. – 395 с.
- Левин К. Намерение, воля, потребность / К. Левин. – URL: syfactor.org/lib/teoria_polia_levina
- Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло / К. Лоренц. – С. 135. – URL: <https://www.labyrinth.ru/books>
- Осин Е. Н. Феноменология смыслоутраты / Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев. – URL: <https://www.academia.edu/>
- Тимофеев А. И. Достоинства и недостатки теории комплексов неполноценности А. Адлера / А. И. Тимофеев, Н. И. Шматова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstva-i-nedostatki-teorii-kompleksov-nepolnotsennosti-a-adlera>
- Уотсон Дж. Психология с точки зрения бихевиоризма / Дж. Уотсон // Хрестоматия по истории психологии / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – М. : Изд-во МГУ, 1980.
- Франкл В. Доктор и Душа / В. Франкл. – СПб. : Ювента, 1997. – 297 с.
- Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ / З. Фрейд. – СПб. : Алетейя, 1999. – Т. 1.
- Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М. : Республика, 1993. – 414 с.
- Эриксон Э. Трагедия личности / Э. Эриксон. – М. : Эксмо: Алгоритм, 2008. – 253 с.
- Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. – URL: <https://mybook.ru/author/karl-yung/arhetipy-i-kollektivnoe-bessoznatelnoe/read/>

References

The Bible. The Old Testament. The Book of Exodus. – Moscow : Russian Bible Society, 2006.

- The Bible. The Gospel of Matthew. – Moscow : Russian Bible Society, 2006.
- Behavioral theories // School of Human Relations and Behavioral Sciences. – URL: <http://books/net>
- Ericson E.* The tragedy of personality / E. Erikson. – М. : Eksmo : Algorithm, 2008. – 253 p.
- Frankl V.* Doctor and Soul / V. Frankl. – St. Petersburg : Juventus, 1997. – 297 p.
- Freud Z.* Lectures on introduction to psychoanalysis / Z. Freud. – St. Petersburg : Aleteya, 1999. – Vol. 1.
- Fromm E.* Psychoanalysis and ethics / E. Fromm. – М. : Republic, 1993. – 414 p.
- Gorokhov S. A.* Philosophical aspects of the interpretation of the phenomenon of aggression by Lorentz / S. A. Gorokhov. – URL: <http://abyss.su/issue/4/6>
- Gutner G.* Concepts of personality and communicative universals / G. Gutner // Theology of personality / edited by A. Bodrov, M. Tolstoluzhenko. – Moscow : BBI Publishing House, 2013. – 271 p. (Series "Modern theology").
- Jung K. G.* Archetypes and the collective unconscious / K. G. Jung. – URL: <https://mybook.ru/author/karl-yung/arhetipy-i-kollektivnoe-bessoznatelnoe/read/>
- Kondratiev A. M.* Intrapersonal conflict: genesis and consequences / A. M. Kondratiev, E. V. Shorikov. – URL: <http://scienceforum.ru/2017/atricle/2017>
- Krasilnikov I. A.* Socio-cognitive aspects to understanding intrapersonal conflicts / I. A. Krasilnikov. – URL: cyberleninka.ru
- Krasilnikov I. A.* The phenomenon of intrapersonal conflict in social psychoanalysis / I. A. Krasilnikov // Proceedings of the Saratov University. Ser.: Philosophy, psychology, pedagogy. – 2014. – Issue 4.
- Leibin V.* Freud, psychoanalysis and modern Western philosophy / V. Leibin. – Moscow : Politizdat, 1990. – 395 p.
- Levin K.* Intention, will, need / K. Levin. – URL: syfactor.org/lib/teoria_polia_levina
- Lorenz K.* Aggression or so-called evil / K. Lorenz. – P. 135. – URL: <https://www.labirint.ru/books>
- Osin E. N.* Phenomenology of meaning / E. N. Osin, D. A. Leontiev. – URL: <https://www.academia.edu>
- Timofeev A. I.* Advantages and disadvantages of the theory of inferiority complexes of A. Adler / A. I. Timofeev, N. I. Shmatova. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstva-i-nedostatki-teorii-kompleksov-nepolnotsennosti-a-adlera>
- Vasiliev A. S.* On the psychological nature of internal conflict / A. S. Vasiliev // The world of science, culture, and education. – 2010. – № 4(23).
- Watson J.* Psychology from the point of view of behaviorism / J. Watson // Textbook on the history of psychology / ed. by P. Ya. Galperin, A. N. Zhdan. – Moscow : Publishing House of Moscow State University, 1980.

Для цитирования:

Сорокина Ю. В. Противоречия и дихотомии как основания интраперсональных конфликтов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3(8). С. 42–61.

Recommended citation:

Sorokina Yu. V. Contradictions and dichotomies as the basis of intrapersonal conflicts // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 3(8). Pp. 42–61.

Сведения об авторе

Сорокина Юлия Владимировна – профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

E-mail: yulia_sor@mail.ru

Information about author

Sorokina Yulia Vladimirovna – Professor at the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Doctor of Legal Sciences, Full Professor

E-mail: yulia_sor@mail.ru

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Э. В. Зауторова

*Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
Научно-исследовательский институт ФСИН России*

Поступила в редакцию 1 марта 2024 г.

Аннотация: одним из видов юридических конфликтов выступают межнациональные конфликты, основу которых составляет поляризация противоборствующих сил по этно-конфессиональному признаку, межэтническим различиям, нетерпимости к инакомыслию и т.д. В юридической конфликтологии проблемы межнациональных конфликтов рассматриваются комплексно, при этом юридический аспект занимает объективно важное место. В статье рассмотрено понятие «религиозный экстремизм», приводятся примеры межнациональных конфликтов в мире, что представляет угрозу национальной безопасности страны.

Ключевые слова: юридические конфликты, межнациональные конфликты, религиозный экстремизм, террористическая деятельность, безопасность страны.

INTERETHNIC CONFLICTS AND RELIGIOUS EXTREMISM AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE COUNTRY

E. V. Zautorova

*Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*

Abstract: one of the types of legal conflicts are interethnic conflicts, the basis of which is the polarization of opposing forces along ethnic and confessional lines, interethnic differences, intolerance of dissent, etc. In legal conflictology, the problems of interethnic conflicts are considered comprehensively, where the legal aspect occupies an objectively important place. The article presents the concept of “religious extremism”, provides examples of interethnic conflicts in the world, which poses a threat to the national security of the country.

Key words: legal conflicts, interethnic conflicts, religious extremism, terrorist activity, national security.

Юридическая конфликтология играет важную роль в решении таких актуальных вопросов, как предупреждение и эффективное урегулирование юридических конфликтов, управление конфликтными процессами и т.д. Одним из видов юридических конфликтов выступают межнациональные, основу которых составляет поляризация противоборствующих сил по этно-конфессиональному признаку, межэтническим различиям, нетерпимости к инакомыслию и т.д. В юридической конфликтологии проблемы межнациональных конфликтов рассматриваются комплексно, при этом юридический аспект занимает объективно важное место¹.

Межнациональные конфликты представляются значимыми явлениями для судьбы страны как по масштабам и остроте, так и по их последствиям. При этом межнациональные и религиозные противоречия часто переплетаются с конфликтами другого рода (политическими, экономическими и др.), выполняя роль некоего прикрытия, часто проявляются латентно, поэтому в условиях межэтнической напряженности любая конфликтная ситуация с разнонациональным составом участников может стать поводом для вспышки и быстрого развития межнационального противоборства или конфликта.

Этой ситуацией часто пользуются радикальные политические силы, практикующие экстремистские формы и методы борьбы за достижение своих целей, а также структуры международного терроризма, с целью расширения ресурсной базы своих сторонников, пропаганды и продвижения своих идей. Данная ситуация межнациональной и межконфессиональной напряженности (преимущественно в скрытой форме), проявление экстремизма на национальной и религиозной почве становятся угрозой для безопасности общества и государства².

Так, в начале XXI в. в мире обострилась проблема религиозного экстремизма. Значительная часть террористических актов, отмеченных в последние десятилетия, связана с деятельностью экстремистских религиозных образований. Среди получивших наибольшую известность террористических акций, произведенных религиозными организациями, можно назвать: террористический акт (зариновая атака) в токийском метро (20 марта 1995 г.); террористический акт 11 сентября 2001 г. – разрушение башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Первый теракт был произведен необуддийской, синкретической сектой «Аумсинрикё», возникшей в Японии и базирующейся на традиционном для данной страны буддизме ваджраяны³.

¹ См.: Астахов П. А. Юридические конфликты: современные формы и способы разрешения // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2019. № 5.

² См.: Васильев Э. А. Система научного обеспечения противодействия экстремизму в ОВД России и формы ее совершенствования // Научный портал МВД России. 2010. № 1(9).

³ См.: Васильев Э. А., Демковец О. В., Тесиц Д. А. Характеристика каналов и источников финансирования террористических и экстремистских организаций, действующих в

Второй теракт организовала исламистская религиозная организация «Аль-Каида», проповедующая ваххабитское направление ислама. Эти же организации совершили и многие другие террористические акции или планировали их провести. В результате проведенных в 1995 г. японской полицией обысков в зданиях секты «Аумсинрикё» были обнаружены компоненты химического и биологического оружия (культуры клеток сибирской язвы и вируса Эболы). Обнаруженных запасов химических веществ хватило бы для изготовления зарина, достаточного для отравления 4 млн человек⁴. Наряду с Японией секта «Аумсинрикё» действовала и в России, где насчитывала даже больше сторонников, чем в метрополии.

Наиболее сильно проблема религиозного экстремизма в настоящее время обострилась в странах Западной Европы в связи с большим количеством мигрантов и активной прозелитской деятельностью экстремистских религиозных организаций. Значительный рост численности иностранцев, входящих в религиозные экстремистские организации (преимущественно исламистские), и рост совершаемых ими преступлений, были отмечены в Берлине еще в первые годы XXI в.⁵ Сходные тенденции отмечаются и в других ведущих странах Западной Европы. Во Франции численность мусульман достигла 6 млн человек (что составляет приблизительно 10 % от общего населения страны), среди которых приблизительно 9000 (чуть больше 0,1 %) – представители экстремистских течений⁶.

В связи с этим уже за первое десятилетие XXI в. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) два раза (в 2003 и 2010 гг.) принимала резолюции, посвященные борьбе с экстремизмом, где существенное внимание отводилось религиозному экстремизму. В Резолюции 2003 г. отмечалось, «что некоторые экстремистские движения стремятся найти обоснование своих действий в религии. Такая тенденция таит в себе двойную опасность: с одной стороны, это способствует разжиганию нетерпимости, религиозного фанатизма и фундаментализма, а с другой – ведет к изоляции целых религиозных общин из-за отдельных лиц, злоупотребляющих общечеловеческими ценностями религии»⁷.

В Резолюции 2010 г. указывалось, что «общественность и правительства европейских стран всё острее осознают масштаб угрозы со сторо-

Российской Федерации // Особенности противодействия терроризму на современном этапе развития общества : сборник материалов круглого стола. М., 2007.

⁴ См.: Kouzminov A. Biological Espionage: Special Operations of the Soviet and Russian Foreign Intelligence Services in the West. London, 2006.

⁵ См.: Исламский экстремизм создает серьезную угрозу мирной жизни Берлина. URL: <http://txt.newsru.com/arch/religy/09jun2004/extremism.html> (дата обращения: 07.02.2024).

⁶ См.: Франция и исламский экстремизм. URL: <http://ruleaks.net/1324> (дата обращения: 13.02.2024).

⁷ Резолюция ПАСЕ № 1344 (2003)1 «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» (принята 29 сентября 2003 года). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30193837 (дата обращения: 22.01.2024).

ны мусульманского фундаментализма, идеологии, становящейся всё более притягательной для мусульманской молодежи, проживающей в ряде европейских стран». Также отмечалось, что с религиозным экстремизмом связаны многие террористические акты на территории Европы, в том числе теракты в Стамбуле – в 2003, в Беслане и Мадриде – в 2004 и в Лондоне – в 2005, в Москве в 2002 и 2010 гг.⁸

Активная деятельность исламских организаций и движений наблюдается не только на территории Западной Европы, но и в Российской Федерации, и на территориях сопредельных государств, входивших в состав СССР. В частности, эта проблема в целом характерна (в той или иной степени) для всех среднеазиатских республик. С подобной же проблемой сталкиваются и территории с немусульманским населением⁹. Так, летом 2013 г. в Крыму (недавно – в марте 2014 г. вошедшем в состав Российской Федерации) в Симферополе прошел многотысячный митинг, организованный исламской экстремистской религиозной организацией «Хизб ут-Тахрир», запрещенной во многих странах мира, в том числе в России, Германии, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, Пакистане, Сирии. «Хизб ут-Тахрир» – полное название «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (в переводе с арабского – Исламская партия освобождения), суннитская религиозно-политическая организация, провозглашающая своей целью восстановление справедливого исламского образа жизни и исламского государства (халифата)¹⁰.

Таким образом, терроризм, который лишь несколько десятков лет для нас был редким явлением, сегодня представляет реальную угрозу национальной безопасности и является одним из основных факторов, дестабилизирующих ситуацию в России.

Понятие «религиозный экстремизм» тесно связано с общим понятием и явлением экстремизма. В экстремизме выделяют обычно две формы (проявления) – политический экстремизм и религиозный экстремизм, которые зачастую плотно переплетаются между собой.

Общее понимание понятия «экстремизм» представлено в Федеральном законе РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹¹.

⁸ ПАСЕ призывает устранить угрозу исламского фундаментализма, не порождая неприязнь к исламу. URL: http://www.islamonline.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2600:2010-10-06-09-10-51&catid=4:2009-03-27-12-14-21&Itemid=16 (дата обращения: 22.01.2024).

⁹ Горбатова В. В. Исламский экстремизм и терроризм как категории политического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2012. № 4. С. 113.

¹⁰ В Крыму прошел полуторатысячный митинг в поддержку возрождения Халифата. URL: http://zn.ua/UKRAINE/storonniki-vozrozhdeniya-halifata-sobrali-1-5-tysyachnyumiting-v-krymu-123574_.html (дата обращения: 05.02.2024).

¹¹ О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Российская Газета: интернет-портал. Опубликовано: 30 июля 2002 г. URL: <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html> (дата обращения: 20.01.2024).

Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ добавил в список экстремистской деятельности следующие деяния:

– воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, соединенное с насилием или угрозой его применения;

– публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединенную с обвинением указанного лица в совершении деяний, указанных в настоящей статье, при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке;

– применение насилия в отношении представителя государственной власти либо угрозу применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей;

– посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;

– нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением;

– создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных настоящей статьей¹².

Из-за расплывчатости определения экстремизма его нередко смешивают с радикализмом, или же такой процесс подмены понятий намеренно стимулируется отдельными политическими религиозными организациями, объединениями и движениями для получения преимуществ и избавления от конкурентов.

Религиозный экстремизм – это особая форма экстремизма, обусловленная специфическими религиозными взглядами, формирующимися у представителей различных конфессий. Религиозный экстремизм отличается ярко выраженной нетерпимостью к иным конфессиональным взглядам и, в особенности, нетерпимостью к проявлению иной (сколь-либо отлич-

¹² О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: федер. закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ // Российская Газета – Федеральный выпуск № 4131. 29 июля 2006 г. URL: <http://www.rg.ru/2006/07/29/ekstremizm-protivodejstvie-dok.html> (дата обращения: 20.01.2024).

ной) позиции у представителей той же конфессии. Проявлениями религиозного экстремизма считают такое выражение религиозной идеологии и пропаганды, которые создают реальную или перспективную угрозу для жизни и здоровья человека или общественно-политической безопасности.

Говоря о религиозном экстремизме, в последнее время чаще всего подразумевают исламский экстремизм, в большинстве случаев базирующийся на идеологии исламизма. Конечно, в настоящее время он получил в мире подавляющее преимущество и большинство известных терактов связаны с деятельностью исламистов, однако не следует забывать, что религиозный экстремизм возникает не только в исламе. Как правило, религиозный экстремизм развивается на основе и под влиянием фундаментализма в современных монотеистических религиях.

Наиболее известной разновидностью исламского фундаментализма является ваххабизм – религиозно-идеологическое движение, зародившееся в XVIII в. на территории Аравийского полуострова, под влиянием учения Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба из Неджда. Ваххабизм выступал за непримиримую борьбу с новшествами и их носителями и жесткое отношение к единоверцам, не разделявшим взгляды данного учения.

Таким образом, сегодня серьезное беспокойство вызывает тот факт, что экстремистские взгляды, межнациональные конфликты, межэтническая нетерпимость довольно быстро распространяются в нашей стране и в мире и представляют угрозу национальной безопасности страны. Многочисленные примеры говорят о том, что данные явления должны быть в центре постоянного внимания правоохранительных органов, структур гражданского общества, что даст возможность своевременно пресекать попытки экстремистских и террористических сил использовать в своих преступных целях деструктивный потенциал межнациональных конфликтов.

Библиографический список

Астахов П. А. Юридические конфликты: современные формы и способы разрешения / П. А. Астахов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2019. – № 5. – С. 29–38.

Васильев Э. А. Система научного обеспечения противодействия экстремизму в ОВД России и формы ее совершенствования / Э. А. Васильев // Научный портал МВД России. – 2010. – № 1(9). – С. 23–29.

Васильев Э. А. Характеристика каналов и источников финансирования террористических и экстремистских организаций, действующих в Российской Федерации / Э. А. Васильев, О. В. Демковец, Д. А. Тесиц // Особенности противодействия терроризму на современном этапе развития общества : сборник материалов круглого стола. – М. : ВНИИ МВД России, 2007. – С. 34–38.

Горбатова В. В. Исламский экстремизм и терроризм как категории политического анализа / В. В. Горбатова // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. – 2012. – № 4. – С. 113–116.

Kouzminov A. Biological Espionage: Special Operations of the Soviet and Russian Foreign Intelligence Services in the West / A. Kouzminov. – London : Greenhill Books, 2006. – 192 p.

References

Astakhov P. A. Legal conflicts: modern forms and methods of resolution / P. A. Astakhov // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. – 2019. – No. 5. – Pp. 29–38.

Gorbatova V. V. Islamic extremism and terrorism as categories of political analysis / V. V. Gorbatova // Bulletin of the Moscow University. Ser. 12, Political science. – 2012. – No. 4. – Pp. 113–116.

Kouzminov A. Biological Espionage: Special Operations of the Soviet and Russian Foreign Intelligence Services in the West / A. Kouzminov. – London : Greenhill Books, 2006. – 192 p. [In Engl.]

Vasiliev E. A. Characteristics of channels and sources of financing of terrorist and extremist organizations operating in the Russian Federation / E. A. Vasiliev, O. V. Demkovets, D. A. Tesits // Features of Affairs of Russia : a collection of materials of the round table. – Moscow : Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. – Pp. 34–38.

Vasiliev E. A. The system of scientific support for countering extremism in the Ministry of Internal Affairs of Russia and the forms of its improvement / E. A. Vasiliev // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2010. – No. 1(9). – Pp. 23–29.

Для цитирования:

Зауторова Э. В. Межнациональные конфликты и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности страны // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2(7). С. 62–68.

Recommended citation:

Zautorova E. V. Interethnic conflicts and religious extremism as a threat to the national security of the country // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 2(7). Pp. 62–68.

Сведения об авторе

Зауторова Эльвира Викторовна – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор
E-mail: elvira-song@mail.ru

Information about author

Zautorova Elvira Viktorovna – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia, leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
E-mail: elvira-song@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК «ЭЛЕКТРОННЫЙ СУДЬЯ»: РИСКИ И ПРЕИМУЩЕСТВА

А. К. Кукеев

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Поступила в редакцию 12 февраля 2024 г.

Аннотация: в данной статье рассматривается влияние искусственного интеллекта на сферу правосудия. Были определены основные риски и преимущества использования искусственного интеллекта в правосудии и судопроизводстве. Для рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта, определяется возможная их предвзятость, дискриминационность, непрозрачность, негативное влияние на соблюдение приватности, а также существенная необходимость легитимизации и общественного признания решений, принятых искусственным интеллектом непосредственно или с использованием систем автоматизации принятия решений. Вместе с тем, использование искусственного интеллекта в правосудии может улучшить эффективность и справедливость судебной системы и положительно повлиять на соблюдение верховенства права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронное правосудие, верховенство права, речевые модели, электронное производство.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN “ELECTRONIC JUDGE”: RISKS AND BENEFITS

A. K. Kukeyev

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Abstract: this article examines the impact of artificial intelligence on the field of justice. The main risks and advantages of using artificial intelligence in justice and judicial proceedings were identified. Among the risks associated with the use of artificial intelligence, their possible bias, discrimination, opacity, negative impact on privacy, as well as the essential need for legitimization and public recognition of decisions made by artificial intelligence directly or using decision-making automation systems are determined. At the same time, the use of artificial intelligence in justice has the potential to improve the efficiency and fairness of the judicial system, and positively affect the observance of the rule of law.

Key words: artificial intelligence, electronic justice, rule of law, speech models, electronic production.

© Кукеев А. К., 2024

В контексте стремительного развития нейронных сетей появляется всё больше предложений по сферам их применения: от контроля за производством высокоточного оборудования до создания произведений литературы, музыки или изобразительного искусства. Не обошли волна популярности и новые наработки и сферу юриспруденции. Всё больше как практиков, так и ученых «примеряют» применение искусственного интеллекта не только в бизнесе (например, в качестве консультанта или своего рода «секретаря» для клиентов), но и в сфере государственного администрирования и функционирования, в том числе и в судебном сегменте власти.

Поклонники использования искусственного интеллекта в судопроизводстве небезосновательно видят в нем панацею преодоления любых коррупционных рисков, повышения уровня обеспечения верховенства права, доверия к судебной власти, улучшения качества судебных решений и других наболевших проблем правосудия.

Для Республики Казахстан (далее – РК) этот вопрос еще более актуален, и не только потому, что РК всё еще на пути к формированию правового сознания граждан, нетерпимости к коррупции, уважения прав человека и других элементов верховенства права, но и учитывая более практические причины.

Учитывая указанные выше причины, считаем целесообразным также присоединиться к зарождающейся дискуссии и попытаться дать ответы на вопросы: действительно ли искусственный интеллект поможет решить существующие проблемы? что вообще стоит понимать под нейронными сетями? каковы перспективы их применения? какие примеры применения уже есть и какие риски могут быть связаны с таким применением?

Прежде всего, на наш взгляд, стоит обратить внимание на определение понятия «искусственный интеллект» (далее – ИИ). Поскольку именно здесь кроется едва ли не самая главная причина разногласий во время ведения дискуссий на тему ИИ, следствием чего является значительная разница в подходах. Ведь довольно часто современным чат-ботам приписывают совершенно несвойственные им качества, подразумевая под искусственным интеллектом полноценное самодостаточное сознание, которым чат-бот действительно может показаться во время бесед с ним. Отсюда и опасения по поводу легитимности принятых виртуальным судьей решений, перенос сюжетов из фантастических фильмов о злоупотреблении машинным интеллектом и другие угрозы, которые на сегодняшний день безосновательно связывают с применением подобных технологий.

Однако основное, что, по нашему мнению, следует понимать для закладки фундамента обсуждений, это то, что когда речь идет о ChatGPT, LaMDA, PaLM, GPT, BLOOM или других алгоритмах, то имеются в виду

речевые модели разной сложности построения, которые мы и называем искусственным интеллектом. То же касается и нейронных сетей, их особенностью является только заложенный при их программировании референс в виде биологических нейронных сетей. Работа программы похожа по своей структуре на работу человеческого мозга, т.е. есть несколько слоев, определяемых как взаимосвязанные узлы. Широко такие алгоритмы используются в машинном обучении, применяются достаточно простая математическая модель и правила обучения, когда, к примеру, при недостижении нужного результата выбранный программой «путь» или «порядок действий» отвергается как ложный, а в случае успешного завершения действий нужные связи укрепляются, аналогично тому, как это происходит с синапсами в головном мозге человека. Именно так и формируются термины «искусственный интеллект», «нейронные сети», «машинное сознание» и проч. Например, популярный GPT расшифровывается как Generative Pre-trained Transformer, т.е. генеративный предварительно обученный трансформер, а модель от Google LaMDA – как Language Model for Dialogue Applications, т.е. речевая модель для диалоговых приложений. Более того, подобные модели не являются чем-то новым: в 1991 году была учреждена так называемая Премия Лёбнера¹. Ею отмечались компьютерные программы, способные пройти тест Тьюринга, алгоритм действий которых больше похож на поведение человека. А первые компьютерные программы, призванные имитировать разговор с настоящим человеком, создавались еще в середине XX в., например ELIZA, разработанная в 1966 г., или PARRY, разработанный в 1972 г.²

Широкое поле для применения алгоритмов – правовая сфера. Так, согласно ст. 1 Конституционного закона Республики Казахстан от 25 декабря 2000 г. № 132 «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»³, правосудие осуществляется исключительно судами, а в соответствии со ст. 23 того же Закона, судья, рассматривающий дело единолично, действует как суд. Следовательно, возникает еще и вопрос законности полного переложения функций правосудия на алгоритм. Не акцентируя внимание именно на этой проблеме, заметим, что она касается в большей степени законодательной техники. В частности, как показывает опыт, вопросы об ответственности за нарушение правил дорожного движения, зафиксированное в автоматическом режиме, решаются довольно легко.

¹ Премия Лёбнера | Loebner Prize | Эксетерский университет. URL: <https://loebner.exeter.ac.uk/> (дата обращения: 05.01.2024).

² Güzeldere G., Franchi S. Dialogues with colorful personalities of early AI. Stanford Humanities Review. 1995. Т. 2, № 4. URL: <https://web.archive.org/web/20070711204557/http://www.stanford.edu/group/SHR/4-2/text/dialogues.html> (дата обращения: 05.01.2024).

³ О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан : конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 г. № 132 // Казахстанская правда. 2000. 30 декабря. № 334-335.

Таким образом, можно утверждать, что использование искусственного интеллекта в правосудии можно оценивать по меньшей мере по двум параметрам: по его содержательному и нравственному наполнению, а также по наличию правовой основы применения подобных технологий.

Традиционно мы воспринимаем правосудие как формальный судебный процесс по защите прав и свобод. На практике же это сплошная информационная волокита, где стороны передают материалы дела в суд, суд анализирует собранные данные (доказательства) и в результате тоже продуцирует информацию (судебное решение). При бесперебойной поставке электричества компьютер не должен допускать ошибок, присущих людям. Также для операционной системы не будет проблемой тщательно исследовать все детали дел с десятками, если не сотнями, томов. Некоторые ученые убеждены, что не всегда эмоциональная составляющая человека позволяет принять взвешенное, объективное решение. Если добавить, что искусственный интеллект не имеет эмоций, не может испытывать симпатии или антипатии к человеку, не нуждается в деньгах, то мы будем иметь очевидно более справедливого и независимого судью⁴.

Вместе с тем, указанные выше ограничения посредством толкования законодательства или учета обстоятельств дела не мешают автоматизации производств по определенным категориям дела в отдельных странах. Например, в Китае функционирует система Smart court SoS (system of systems)⁵, которая в перспективе позволит совершать правосудие без участия судьи вообще. Так, есть своего рода «аватар» судьи, анализирующий обстоятельства дела и поданные сторонами документы, на основании которых и выносится решение. В Великобритании действует система Money Claim Online (MCO), однако она касается исключительно бесспорных дел (приказные производства, дела исполнительного производства). В этой системе стороны также представляют необходимые документы, определяя суть дела, основания взыскания, а система в автоматическом режиме выносит решение и определяет необходимые размеры выплат.

Приведенные случаи являются примером так называемых «алгоритмов принятия решений» (algorithm decision making, ADM), широко применяемых сейчас как в частном, так и публичном секторе: при определении кредитного рейтинга, оценке резюме, определении социального уровня доверия и т.д. Примером также могут служить программные решения компаний Palantir, Accenture. Уместным примером является

⁴ Колоколов Н. А. Искусственный интеллект в правосудии – будущее неотвратимо // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 200–212.

⁵ В Китае искусственный интеллект полностью интегрировали в правовую систему. Последний Бастион. URL: https://bastion.tv/u-kitayi-shtuchnijintelekt-povnistyu-integruvali-u-pravovyy-sistemu_n48275 (дата обращения: 05.01.2024).

Smartsettle ONE – программное обеспечение для решения споров (online dispute resolution, ODR), используемое в Канаде. Эта система является своего рода программным «медиатором», позволяющим путем анализа загруженных сторонами документов и их позиций предложить наиболее оптимальное разрешение спора. В разрезе этого примера уместно обратить внимание и на пропорциональную составляющую правосудия. Ведь довольно часто даже при осуществлении правосудия реальными судьями то, что хотят получить стороны, и то, что они могут получить, в судебном процессе значительно отличается, речь прежде всего о достижениях мировых соглашений и урегулировании правового конфликта.

Как видим, большинство рассмотренных выше существующих систем не предполагают полного отказа от реальных судей. В свою очередь, они позволяют автоматизировать отдельные производства, преимущественно при отсутствии спора в отношениях, или если в споре имеется незначительное количество обстоятельств.

Учитывая это, следует обратиться и к другим примерам, когда искусственный интеллект используется не как средство, а как инструмент. Да, разнообразные алгоритмы применяются в судопроизводстве и в сфере правосудия достаточно давно. Примерами могут служить различные системы определения и предупреждения преступности, оценки вероятности рецидивов преступников и т.д. К примеру, в США энтузиасты из Стэнфордского университета разработали алгоритм, который позволяет после оценки личности по таким критериям, как предыдущая история правонарушений, имущественный, семейный, социальный статус, поведение в ходе расследования и т.д., определить наиболее приемлемый вид меры пресечения⁶. Другим примером могут служить уже упомянутые системы распознавания преступников по чертам лица, такие как Amazon Recognition или другие системы, широко используемые правительствами развитых стран. На примере такой системы целесообразно указать еще один из потенциальных недостатков – пристрастность.

Вместе с тем, пользуясь значительной выборкой, современные искусственные интеллекты могут с большой вероятностью определять склонность к политическим убеждениям⁷, только по фотографии лица более чем с 89%-м успехом определять склонность к совершению правонарушений⁸ или даже определять сексуальную ориентацию с точностью

⁶ Jung J. Simple rules to guide expert classifications // Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society). 2020. Т. 183, № 3. С. 771–800. URL: <https://doi.org/10.1111/rssa.12576> (дата обращения: 25.01.2024).

⁷ Hehman E. Facial Structure Is Indicative of Explicit Support for Prejudicial Beliefs // Psychological Science. 2013. Т. 24, № 3. С. 289–296. URL: <https://doi.org/10.1177/0956797612451467> (дата обращения: 25.01.2024).

⁸ Wu X., Zhang X. Automated Inference on Criminality using Face Images. ArXiv. 2016. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1611.04135> (дата обращения: 05.01.2024).

81 % у мужчин и 71 % у женщин⁹. В то же время – пример уже упомянутой Amazon Recognition, когда Американский союз защиты гражданских свобод даже сделал отдельное заявление о недопустимости применения подобных систем, так как Amazon Recognition среди членов Конгресса США распознал 28 потенциальных преступников.

И именно здесь мы и сталкиваемся с едва ли не самой глобальной проблемой подобных алгоритмов. Неотъемлемая составляющая правосудия есть легитимность судебных органов, а в разрезе настоящей статьи – и легитимность инструментов правосудия. Вопрос в том, будут ли люди доверять искусственному интеллекту, чтобы он представлял их интересы в суде или судил их? Ведь доверие является одной из фундаментальных основ верховенства права. Другим логически вытекающим из предыдущего вопросом является разработка таких инструментов. Во всех проанализированных примерах такие алгоритмы представляют собой разработки частных компаний, даже если в дальнейшем их использует государство. Любые программные разработки достаточно легко поддаются настройкам, корректировкам для вывода нужной информации. Последние новости хорошо иллюстрируют, что уже упомянутые продукты таких компаний, как Google, OpenAI, Microsoft, достаточно легко настраиваются во избежание политических конфликтов, а также с целью урегулирования расовых или классовых вопросов, корректировки рекламных материалов и т.д.¹⁰

В силу этого считаем наиболее ярким пример опыта Индии, где в разработке находится OpenNyAi¹¹ – усовершенствованная речевая модель, которая сейчас тренируется на значительной базе данных судебных решений. Целью модели является понимание сложной юридической речи и способность ее интерпретации. Результатом должны стать алгоритм и инструмент, помогающие гражданам понимать содержание судебных решений, а представителям и судьям легче отыскивать необходимую судебную практику и проверять подготовленные судебные решения или процессуальные документы.

Таким образом, по состоянию на сегодняшний день рано говорить о полной замене судей программными алгоритмами. Вместе с тем, внедрение алгоритмов представляется целесообразным при рассмотрении дел незначительной сложности, дел, в которых отсутствует спор о пра-

⁹ Wang Y., Kosinski M. Deep neural networks are more accurate than humans at detecting sexual orientation from facial images // Journal of Personality and Social Psychology. URL: <https://doi.org/10.1177/0956797612451467> (дата обращения: 25.01.2024).

¹⁰ GPT-4 is getting significantly dumber over time, according to a study. ZDNET. URL: <https://www.zdnet.com/article/gpt-4-is-gettingsignificantly-> (дата обращения: 05.02.2024).

¹¹ OpenNyAI: Collaborative Open AI for Justice – Open AI for Justice. Open AI for Justice – Open mission advancing AI for Justice in India. URL: <https://opennyai.org/> (дата обращения: 05.02.2024).

ве. На современном этапе развития искусственный интеллект должен не принимать решения, а помогать в их принятии. Это может происходить путем сопоставления документов, их проверки, осуществления перевода в реальном времени, анализа сотен решений для нахождения оптимальной стратегии юридического обоснования, нахождения прецедентов для подтверждения аргументов и т.п.

При этом применение таких инструментов потенциально может положительно повлиять на достижение идеалов верховенства права, в частности путем ускорения судебного рассмотрения, ведь отложенное правосудие – это отказ в правосудии. Также такое применение может положительно повлиять на беспристрастность судей, ведь другим важным элементом правосудия является его слепота: когда решение не зависит от того, какой судья был назначен, кто представляет личность, и т.д.

Основными проблемами при этом остаются потенциальные угрозы для открытого правосудия и права на надлежащую правовую процедуру, поскольку некоторым алгоритмам не хватает прозрачности и объяснений по поводу процессов принятия решений. Использование искусственного интеллекта без надлежащего контроля может нарушать права человека, и для решения этой проблемы необходимы правовые гарантии. Именно поэтому, по нашему мнению, при внедрении технологий искусственного интеллекта в судебной системе очень важно вовлекать судей в процесс принятия решений. Кроме того, для сохранения добродетели судей необходимо учитывать этические соображения, потенциальную предвзятость и опасность автоматизации, если люди будут слепо доверять результатам работы машины.

Возможности искусственного интеллекта всегда представляли большой интерес: некоторые рассматривают их с точки зрения новых перспектив, другие видят угрозу. Несколько лет назад ООН призвала ввести мораторий на определенные системы искусственного интеллекта, среди которых технологии по распознаванию лиц, а также принять меры по защите прав человека. Предполагалось реально оценить риски, чтобы определить потенциальные конфликты с правом на конфиденциальность или свободу передвижения или выражения взглядов. В отличие от других стран, например Колумбии, где недавно судья использовал возможности чата GPT и приобщил его ответы к судебному решению, в РК элементы искусственного интеллекта могут быть использованы исключительно как опционные инструменты под полным контролем пользователя. В частности, применение цифровых технологий упростило бы подбор необходимой нормативно-правовой базы или подготовку шаблонов процессуальных документов. Впрочем, состояние электронного судопроизводства и политическая ситуация в стране пока не позволяют воплотить это в реальность. В первую очередь, усилия следует направить

на оснащение судов компьютерами, необходимыми для осуществления прогрессивного правосудия. Сейчас в некоторых судах работают определенные модули, а электронные иски приходится дублировать в бумажной форме. Однако во время активной политики правительства по цифровой трансформации можно ожидать стремительного развития этой сферы и дальнейшей прозрачной работы судов¹².

Библиографический список

Колоколов Н. А. Искусственный интеллект в правосудии – будущее неотвратимо / Н. А. Колоколов // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 200–212.

Güzeldere G. Dialogues with colorful personalities of early AI. Stanford Humanities Review / G. Güzeldere, S. Franchi. – 1995. – Т. 2, № 4. – URL: <https://web.archive.org/web/20070711204557/http://www.stanford.edu/group/SHR/4-2/text/dialogues.html> (дата обращения: 05.01.2024).

GPT-4 is getting significantly dumber over time, according to a study. ZDNET. – URL: <https://www.zdnet.com/article/gpt-4-is-gettingsignificantly-> (дата обращения: 05.02.2024).

Helman E. Facial Structure Is Indicative of Explicit Support for Prejudicial Beliefs / E. Helman [et al.] // Psychological Science. – 2013. – Т. 24, № 3. – P. 289–296. – URL: <https://doi.org/10.1177/0956797612451467> (дата обращения: 25.01.2024).

Jung J. Simple rules to guide expert classifications / J. Jung [et al.] // Journal of the Royal Statistical Society/ Series A (Statistics in Society). – 2020. – Т. 183, № 3. – P. 771–800. – URL: <https://doi.org/10.1111/rssa.12576> (дата обращения: 25.01.2024).

OpenNyAI: Collaborative Open AI for Justice – Open AI for Justice. Open AI for Justice – Open mission advancing AI for Justice in India. – URL: <https://opennyai.org/> (дата обращения: 05.02.2024).

Wang Y. Deep neural networks are more accurate than humans at detecting sexual orientation from facial images. Journal of Personality and Social Psychology / Y. Wang, M. Kosinski. – URL: <https://doi.org/10.1177/0956797612451467> (дата обращения: 25.01.2024).

Wu X. Automated Inference on Criminality using Face Images / X. Wu, X. Zhang // ArXiv. – 2016. – URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1611.04135> (дата обращения: 05.01.2024).

References

GPT-4 is getting significantly dumber over time, according to a study. ZDNET. URL: <https://www.zdnet.com/article/gpt-4-is-gettingsignificantly-> (Date of access: 02/05/2024). [In Engl.]

Güzeldere G. Dialogues with colorful personalities of early AI. Stanford Humanities Review / G. Güzeldere, S. Franchi. – 1995. – Т. 2, № 4. – URL: <https://web.archive.org/web/20070711204557/http://www.stanford.edu/group/SHR/4-2/text/dialogues.html> (Date of access: 05.01.2024). [In Engl.]

¹² Судья в Колумбии использовал ChatGPT для вынесения приговора. URL: <https://habr.com/ru/news/714982/> (дата обращения: 05.02.2024).

Hehman E. Facial Structure Is Indicative of Explicit Support for Prejudicial Beliefs / E. Hehman [et al.] // *Psychological Science*. – 2013. – Т. 24, № 3. – P. 289–296. – URL: <https://doi.org/10.1177/0956797612451467> (Date of access: 25.01.2024). [In Engl.]

Jung J. Simple rules to guide expert classifications / J. Jung [et al.] // *Journal of the Royal Statistical Society/ Series A (Statistics in Society)*. – 2020. – Т. 183, № 3. – P. 771–800. – URL: <https://doi.org/10.1111/rssa.12576> (Date of access: 25.01.2024). [In Engl.]

Kolokolov N. A. Artificial Intelligence in Justice: The Future is Inevitable / N. A. Kolokolov // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2021. – No. 3. – P. 200–212.

OpenNyAI: Collaborative Open AI for Justice – Open AI for Justice. Open AI for Justice – Open mission advancing AI for Justice in India. – URL: <https://opennyai.org/> (Date of access: 02/05/2024). [In Engl.]

Wu X. Automated Inference on Criminality using Face Images / X. Wu, X. Zhang // *ArXiv*. – 2016. – URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1611.04135> (Date of access: 05.01.2024). [In Engl.]

Wang Y. Deep neural networks are more accurate than humans at detecting sexual orientation from facial images. *Journal of Personality and Social Psychology* / Y. Wang, M. Kosinski. – URL: <https://doi.org/10.1177/0956797612451467> (Date of access: 01/25/2024). [In Engl.]

Для цитирования:

Кукеев А. К. Искусственный интеллект как «электронный судья»: риски и преимущества // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии*. 2024. № 3(8). С. 69–77.

Recommended citation:

Kukeyev A. K. Artificial intelligence as an “electronic judge”: risks and benefits // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2024. No. 3(8). Pp. 69–77.

Сведения об авторе

Кукеев Аскар Кульчимбаевич – аспирант кафедры государственного и муниципального права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

E-mail: askar_kukeyev@mail.ru

Information about author

Kukeev Askar Kulchimbaevich – Postgraduate Student of the Department of State and Municipal Law of the Faculty of Law of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

E-mail: askar_kukeyev@mail.ru

ОСОБЫЙ РАКУРС: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342.2(81+540+470)

ВИДЫ ФЕДЕРАЦИЙ В БРАЗИЛИИ, ИНДИИ И РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Е. Л. Поцелуев

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 8 июля 2024 г.

Аннотация: показана важность изучения формы государственного устройства Бразилии, Индии и России в XXI в., их общие черты (все они – конституционные, в большей или меньшей мере централизованные, асимметричные) и различия (Бразилия – территориальная федерация, Индия – национальная, а Российская Федерация – территориально-национальная). Обращено внимание на дуализм бразильской и индийской федераций: высокий уровень централизации и черты кооперативной модели.

Ключевые слова: федерация, классификация федераций, конституционные федерации, территориальные и национальные федерации, территориально-национальные федерации, централизованные федерации, асимметричные федерации, кооперативная модель федерации, номинальные федерации.

TYPES OF FEDERATIONS IN BRAZIL, INDIA AND RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XX – FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

E. L. Potseluev

Ivanovo State University

Abstract: the importance of studying the forms of government in Brazil, India and Russia in the 21st century is shown; their common features (all of them

© Поцелуев Е. Л., 2024

are constitutions, more or less centralized, asymmetric) and differences (Brazil is a territorial federation, India is a national one, and the Russian Federation is territorial-national) are revealed. Attention is drawn to the dualism of the Brazilian and Indian federations: a high level of centralization and features of the cooperative model are discussed.

Key words: federation, classifications of federations, constitutional federations, territorial and national federations, territorial-national federations, centralized federations, asymmetric federations, cooperative federation model, nominal federations.

Актуальность и важность темы исследования

Особое место в делах Южной Америки занимала и занимает Бразилия, утверждают доктора юридических наук, профессора А. В. Малько и А. Ю. Саломатин¹.

«Эффективные и релевантные практики конституционного регулирования и реализации принципов федеративного устройства зарубежных государств (автор имеет в виду и Бразилию. – Е. П.) служат важным источником совершенствования федеративного устройства России», – справедливо считает И. Д. Семеновский².

Хорхе Миранда констатирует изменения в мировом сообществе: защита прав человека на международном уровне, необратимый упадок всех авторитарных и тоталитарных режимов и преобладание представительной демократии, нестабильность политической и конституционной панорамы, наличие многих противоречий и неопределенностей. Ученые приходят к выводу, что переживаемый человечеством интенсивный процесс глобализации во всё большей мере требует осознания того, как крупные конституционные системы позволяют решать столь сложные правовые проблемы³. По нашему мнению, оценка антидемократических режимов слишком оптимистичная.

28 из 193 государств – членов ООН федеративные, т.е. около 15 %. Их площадь составляет 52 % от суммы площадей всех государств планеты. Примерно 41 % всего совокупного населения Земли проживает на территории федераций⁴.

¹ См.: Малько А. В., Саломатин А. Ю. Сравнительное правоведение : учеб.-метод. комплекс. М., 2008. С. 276.

² Семеновский И. Д. Конституционные принципы федеративного устройства Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 4.

³ См.: Рамос П. Р. Б., Виана П. Н. М. Федерализм. Истоки и пути его развития в истории США и Бразилии // Правосудие/Justice. 2021. Т. 3, № 2. С. 68.

⁴ См.: Семеновский И. Д. Конституционные принципы федеративного устройства и современный федерализм: обзор мировых тенденций // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 5А. С. 99.

Как известно, наша страна занимает первое место в мире по площади государства, а Индия – по населению: в ней проживает на 17 апреля 2024 г. более 1,4 млрд человек⁵, в Бразилии на 2 июля 2024 г. – более 220 млн человек⁶, а в России, по данным Росстата, на начало 2024 г. насчитывалось более 146 млн человек⁷.

Договорные и конституционные федерации

Ряд ученых (Ди Руффиа, Ле Фур и др.) попытались раскрыть сущность федеративного государства через изучение его происхождения. Исследователи отмечают, что оно создается либо в результате объединения ранее независимых государств, либо в результате преобразования унитарного государства. Классификация федераций на договорные (т.е. возникшие на основе договора, соглашения между самостоятельными государствами) и конституционные (т.е. учреждаемые путем принятия конституции или ее изменения) является, по мнению кандидата юридических наук, доцента Г. Н. Андреевой, частным случаем этих теорий, но от источника происхождения (договора или конституции) «зависит многое в ее дальнейшем развитии». Так, субъекты договорной федерации в большей степени могут отстаивать свое видение объема переданных федерации прав, чем в конституционной, где это исключительная прерогатива федерального центра⁸.

Для нас важнее другой момент: в настоящее время в федеративном государстве действует договор о его создании или его конституция, т.е. архиважный юридический критерий классификации всех существующих федераций.

Как справедливо утверждают современные российские исследователи федерализма и федеративных государств, «оптимальной формой, устанавливающей распределение компетенции между федерацией и субъектами федерации, является писаная федеральная конституция»⁹.

Бразилия (Федеративная Республика Бразилия). В 1988 г. в ней была принята восьмая по счету Конституция в истории страны¹⁰.

⁵ См.: ТВ СПб. URL: [https://tvspb.ru/news/2024/04/18/indiya-zanyala-pervoe-mesto-v-mire-po-chislennostinaseleniya#:~:text=\(дата обращения: 02.07.2024\)](https://tvspb.ru/news/2024/04/18/indiya-zanyala-pervoe-mesto-v-mire-po-chislennostinaseleniya#:~:text=(дата%20обращения%3A%2002.07.2024)).

⁶ См.: Население Бразилии. URL: [https://countrymeters.info/ru/Brazil#:~:text=\(дата обращения: 02.07.2024\)](https://countrymeters.info/ru/Brazil#:~:text=(дата%20обращения%3A%2002.07.2024)).

⁷ См.: Телеканал РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/03/2024/65fda5709a7947c581a3aa61> (дата обращения: 02.07.2024).

⁸ См.: Андреева Г. Н. Конституционное право зарубежных стран : учебник. М., 2005. С. 502.

⁹ Меркуленко А. А. Разграничение предметов ведения и полномочий между центром, регионами и муниципалитетами в конституциях федеративных и децентрализованных государств // Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР) : материалы междунар. науч.-практич. конф. (г. Омск, 20–22 окт. 2022 г.) / отв. ред. Т. Ф. Ящук. Омск, 2022. С. 484.

¹⁰ См.: Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / отв. ред. А. Я. Сухарев. 2-е изд., изм. и доп. М., 2001. С. 93.

Индия (Индийский Союз). В 1950 г. Учредительное собрание приняло Конституцию страны¹¹, которая с изменениями действует и в настоящее время¹².

Российская Федерация (Россия). Конституция 1993 г. действует и в настоящее время с поправками 2020 г. и с учетом принятия в РФ Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образования в составе РФ новых субъектов¹³.

Территориальные, национальные и гибридные (смешанные) федерации

Федеративная Республика Бразилия строится по территориальному принципу, причем, в отличие от США и ряда других федераций, федеральный столичный округ является субъектом федерации¹⁴. В 2001 г. авторы энциклопедического справочника «Правовые системы стран мира» отмечали, что в состав федерации входят «федеральные территории, подчиняющиеся центральной власти»¹⁵, хотя в ст. 18 Конституции такие субъекты не упоминаются. В этой стране 26 штатов и федеральный округ¹⁶. Штаты состоят из муниципий¹⁷, которые также являются субъектами федерации.

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный работник высшего профессионального образования С. Ю. Кашкин называет «важнейшим актом конституционного значения, начавшим коренную перестройку Федерации по **национальному признаку** (выделено нами. – Е. П.)» Закон о реорганизации штатов 1956 г., так как вместо 28 многоязычных штатов создано 14, из них 10 сформировано по монолингвистическому принципу, четыре – по принципу билингвизма (использование двух языков), а шесть территориальных подразделений получили статус союзных территорий¹⁸. Неслучайно Индию порой называют лингвистической федерацией.

В доктрине и практике нет единства мнений о преимуществах национального (этнического) или территориального подхода для образования либо реструктурирования федерации, считает П. В. Волков¹⁹. Подход

¹¹ См.: Кашкин С. Ю. Основы конституционного права Индии // Конституционное право зарубежных стран : учебник / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 797.

¹² См. подроб.: Ходатенко Е. Н. Конституция Индии и ее роль в становлении и эволюции индийской государственности : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 163 с.

¹³ См.: Конституция Российской Федерации. Новая редакция с поправками и основными федеральными законами. 3-е изд. М., 2023. С. 3–54.

¹⁴ См.: Саламов Р. Р. Федерализм в Бразилии: характеристики и особенности // Сибирский международный. 2018. № 20. С. 166–167.

¹⁵ Правовые системы стран мира. С. 93.

¹⁶ См.: Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 1997. С. 558.

¹⁷ См.: Саламов Р. Р. Указ. соч. С. 167.

¹⁸ См.: Кашкин С. Ю. Указ. соч. С. 818.

¹⁹ См.: Волков П. В. Теоретико-правовые проблемы федерализма: федеративные властеотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 20.

ученого правильный: нужно искать баланс интересов этносов, народностей, наций и территориальных коллективов; баланс их и федерального центра; гармонию и симфонию отношений. В начале XXI в. «нередко наблюдается сочетание обоих принципов», как в современной России²⁰.

Как известно, важный критерий истины – это общественно-политическая практика. Исчезли три национальные федерации – ЧССР, СФРЮ и СССР; есть проблемы в ряде других, построенных по национальному принципу (Индия) или преимущественно по национальному критерию (Бельгия). Это к вопросу о стабильности, устойчивости национальных и территориальных федераций.

Централизованные и децентрализованные федерации

Профессор бразильского Университета Риу-Гранди-ду-Норте Жулио Пиньейру Фару Омем де Сикейра в 2019 г. утверждал, что бразильское государство реально никогда не было федеративным и «поныне остается унитарным»²¹. По его мнению, Конституция 1988 г. «остается номинально федеративной», так как «принятие решений полностью зависит от центральной власти», что ученый называет «авторитарным кооперативизмом»²². Этот автор пришел к выводу, что современное «бразильское государство является по своему типу децентрализованным унитарным» и лишь номинально федеративным, «что нашло отражение во всех республиканских конституциях (имеются в виду восемь конституций этой страны. – Е. П.) и в административной практике». Заключительный вывод Ж. Сикейра: корректно «характеризовать бразильское государство как децентрализованное унитарное»²³.

Конечно, перед нами интересное и важное умозаключение бразильского профессора, но поскольку Бразилия де-юре федерация, то, видимо, в этом контексте ее следует отнести к централизованным федеративным государствам.

Поскольку сецессия не предусмотрена конституциями Бразилии, Индии и России, то все они по этому критерию являются централизованными.

В. Е. Чиркин пишет о дуализме бразильской федерации: она, «с одной стороны, построена на концепции кооперативного федерализма, но с другой – особенно на практике – это высокоцентрализованная федерация»²⁴. «Концепция современного индийского федерализма заключается в сильной центральной власти...», – утверждает в 2016 г. О. Г. Карпович²⁵. На его

²⁰ Волков П. В. Указ. соч. С. 21.

²¹ Сикейра Ж. Историческая конструкция бразильского государства // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 23. С. 115.

²² Там же. С. 133.

²³ Там же.

²⁴ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 558.

²⁵ Карпович О. Г. Формирование и особенности современной модели индийского федерализма // Тренды и управление. 2016. 1 (13). С. 54.

взгляд, высокая централизация Индии во многом вызвана «необходимостью противостоять сепаратистским настроениям в ряде штатов, особенно в Пенджабе, Джамму и Кашмире, Тамиланду и Гуджарате»²⁶.

Конституция Бразилии предусматривает *право интервенции* (вмешательства) федерации в дела штатов, что допустимо только для обеспечения целостности страны и воспрепятствования иностранному вторжению²⁷. В штатах может быть введено президентское правление, если, по оценке федерального центра, «управление не осуществляется в должной мере»²⁸. Оно за период с 1950 по 2006 г. вводилось более ста раз. О. Г. Карпович считает, что в начале нашего столетия в стране сложился определенный баланс между центром и регионами²⁹.

И. Д. Семеновский, проанализировав применение конституционных принципов федеративного устройства России и Бразилии, пришел к выводу о схожих подходах к их толкованию и применению, о наличии тенденции «к усилению конституционных моделей **централизованных федераций** (выделено нами. – Е. П.)»³⁰.

Практика построения современных федеративных государств показывает, что «эффективным является сочетание процессов централизации и децентрализации»³¹, – пишет П. В. Волков³². Мы поддерживаем позицию этого исследователя.

Симметричные и асимметричные федерации

В ст. 18 Конституции Бразилии 1988 г. закреплена особенность этой федерации – множественность образующих ее субъектов: Союз, штаты, Федеральный округ и муниципии. Причем все они наделены автономией: правом административной и финансовой самоорганизации, законодательной властью и управленческими полномочиями³³. В 2016 г. Бразилия была разделена на 26 штатов, 1 федеральный округ (дистрикт) и 5564 муниципии. Последние – территориальные единицы штатов, но при этом субъекты федерации³⁴.

²⁶ Там же. С. 56.

²⁷ См.: Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 560–561.

²⁸ Карпович О. Г. Указ. соч. С. 55.

²⁹ См.: Там же. С. 56.

³⁰ Семеновский И. Д. Конституционные принципы федеративного устройства Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилия. С. 24.

³¹ Примеч. Речь идет о внешней политике, безопасности, обороне страны, денежной эмиссии, стандартах в сфере образования и т.п.

³² Волков П. В. Указ. соч. С. 20.

³³ См.: Рамос П. Р. Б., Виана П. Н. М. Указ. соч. С. 77.

³⁴ См.: Карпович О. Г. «Мягкая сила» бразильской модели федерализма // Политика и общество. 2016. № 2(134). С. 167.

И. Д. Семеновский утверждает, что в Индии также трехуровневое федеративное устройство в отличие от России³⁵.

Наличие трех видов субъектов позволяет говорить о наличии элемента асимметрии в федеративном устройстве Бразилии и Индии.

Конституция Бразилии выделяет три сферы компетенции, причем детальное регулирование полномочий субъектов и центра относительно последней сферы не предусмотрено, поэтому Бразилия, в отличие от многих других федераций в мире и от южноамериканских в частности, отличается еще и асимметричностью³⁶. Подобных оценок придерживался и И. Д. Семеновский в 2017 и 2019 гг. Он пишет, что для России и Бразилии «характерны асимметричность структуры государства»³⁷. Мы солидарны с выводом этого исследователя. Подчеркнем, что федеральный округ не может делиться на муниципии³⁸, что также указывает на элемент асимметрии бразильской федерации.

О. Г. Карпович утверждает в 2016 г., что асимметрия федеративного устройства Бразилии – остаток прошлого, который усиливается³⁹.

Должны отметить, что в Конституции Бразилии закреплены такие принципы, как единство правового пространства (номерной абзац I ст. 1), равноправие народов (номерной абзац III ст. 19) и равноправие субъектов федерации (номерные абзацы II и III ст. 19)⁴⁰, последний из которых свидетельствует о моменте правовой симметрии.

Г. Н. Андреева также относит Индию к асимметричным федерациям, поскольку она состоит из субъектов и иных единиц – союзных территорий⁴¹. Штаты не имеют своих конституций, кроме штата Джамму и Кашмир⁴², что является явным проявлением асимметрии.

М. З. Галиуллин пришел к выводу, что модель федерализма в Индии представляет систему, гармонично сочетающую «три фактора, определяющие ее стабильность». Он имеет в виду, во-первых, единство и неделимость территорий; во-вторых, прерогативу центра по принятию чрез-

³⁵ См.: Семеновский И. Д. Конституционные основы регулирования принципов федеративного устройства в Бразилии, Индии и России // Современный юрист. 2017. № 2(19). С. 6. URL: <http://rimuniver.ru/wp-content/uploads/2017/09/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.pdf> (режим доступа 02.07.2024).

³⁶ См.: Карпович О. Г. «Мягкая сила» бразильской модели федерализма. С. 168.

³⁷ Семеновский И. Д. Конституционные принципы федеративного устройства Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилия. С. 4.

³⁸ См.: Саламов Р. Р. Указ. соч. С. 167.

³⁹ См.: Карпович О. Г. «Мягкая сила» бразильской модели федерализма. С. 168–169.

⁴⁰ Конституция Бразилии. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=563> (дата обращения: 06.07.2024).

⁴¹ См.: Андреева Г. Н. Указ. соч. С. 504 (в том числе примеч.).

⁴² См.: Карпович О. Г. Формирование и особенности современной модели индийского федерализма. С. 56.

вычайных решений в рамках отдельных территорий и всего государства; в-третьих, незыблемое право штатов самостоятельно решать вопросы бюджета⁴³. По нашему мнению, вывод автора обоснованный и соответствует действующему законодательству данного государства.

Кооперативная федерация

В 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. «в развитых федерациях особое внимание придается концепции кооперативного федерализма», – считает П. В. Волков⁴⁴. Для данной модели характерно законодательно оформленное сотрудничество федерального центра с субъектами федерации и субъектов между собой. Кандидаты юридических наук, доценты Л. А. Голубева и А. Э. Черноков видят достоинства этой модели в том, что имеется несколько форм разрешения противоречий между федерацией и землями. Этот и другие факторы дают возможность находить и поддерживать консенсус в государстве⁴⁵. Данные авторы писали о ФРГ, но их наблюдение можно экстраполировать в целом на модель кооперативной федерации⁴⁶.

По мнению О. Г. Карповича, современная Индия «является кооперативной, так как основана на сотрудничестве центра и регионов», «на вертикальных и горизонтальных связях и поиске компромиссов»⁴⁷.

Выводы

Первый. Бразилия, Индия и Россия – это **конституционные** федерации. Для этого не нужно было проводить это исследование.

Второй. **Бразилия – территориальная федерация, Индия – национальная (лингвистическая), РФ – территориально-национальная.**

Третий. Если проводить классификацию по критерию сецессии, то все три государства – **централизованные**, поскольку право выхода какого-либо субъекта или территории из состава федерации конституции этих стран не предусматривают. Видимо, и по критерию размежевания компетенции все эти три страны также нужно отнести к централизованным или централизованным с элементами децентрализации. И последнее: суверенитетом субъекты этих трех федераций не обладают. А Бразилию ряд ученых называет номинальной федерацией, унитарным государст-

⁴³ См.: Галиуллин М. З. Становление федеративной системы постколониальной Индии (50–70-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. С. 25–26.

⁴⁴ Волков П. В. Указ. соч. С. 19.

⁴⁵ См.: Голубева Л. А., Черноков А. Э. Сравнительное государствоведение : учебник. СПб., 2009. С. 269.

⁴⁶ См.: Поцелуев Е. Л. Федеративное устройство СССР и ФРГ: теоретико-правовой и сравнительно-правовой анализ // Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР) (г. Омск, 20–22 окт. 2022 г.) / отв. ред. Т. Ф. Ящук. Омск, 2022. С. 506.

⁴⁷ Карпович О. Г. Формирование и особенности современной модели индийского федерализма. С. 57.

вом (унитарным децентрализованным) вообще или во время президентского правления или, по крайней мере, федерацией с наличием унитарных тенденций. По мнению других, это высокоцентрализованная федерация, но по сравнению с Индией эту страну и Россию иные авторы считают умеренно-централизованными. Так как сецессия не предусмотрена конституциями Бразилии, Индии и России, то все они по этому критерию являются централизованными.

Четвертый. По нашему мнению, по субъектному составу все три государства являются **асимметричными**.

Пятый. Есть основания считать **Индию кооперативной федерацией, ее элементы есть и в Бразилии**, которую характеризуют как «**кооперативный авторитаризм**».

Шестой. **Гибридные модели федерации** (национально-территориальные или территориально-национальные, централизованные с элементами децентрализации, симметричные с элементами асимметрии или асимметричные с элементами симметрии) **имеют объективный характер**, поскольку отражают историю страны, когда отдельные ее субъекты были самостоятельными государствами, многонациональный и многоконфессиональный ее состав, различные традиции и менталитет, разный уровень социально-экономического развития, а, следовательно, могут быть оправданными на конкретном историческом этапе данного государства.

Библиографический список

Андреева Г. Н. Конституционное право зарубежных стран : учебник / Г. Н. Андреева. – М. : Эксмо, 2005. – 656 с.

Волков П. В. Теоретико-правовые проблемы федерализма: федеративные властеотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. В. Волков. – Н. Новгород, 2004. – 23 с.

Галиуллин М. З. Становление федеративной системы постколониальной Индии (50–70-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. З. Галиуллин. – Казань, 2007. – 26 с.

Голубева Л. А. Сравнительное государствоведение : учеб. / Л. А. Голубева, А. Э. Черноков. – СПб. : ИВЭСЭП ; Знание, 2009. – 557 с.

Карпович О. Г. «Мягкая сила» бразильской модели федерализма / О. Г. Карпович // Политика и общество. – 2016. – № 2(134). – С. 164–171.

Карпович О. Г. Формирование и особенности современной модели индийского федерализма / О. Г. Карпович // Тренды и управление. – 2016. – № 1(13). – С. 50–58.

Кашкин С. Ю. Основы конституционного права Индии / С. Ю. Кашкин // Конституционное право зарубежных стран : учебник / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2008. – С. 792–827.

Леонкина А. А. Индийский федерализм в фокусе исследований / А. А. Леонкина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2018. – Т. 6. – № 2(22). – URL: <http://rsj.pnzgu.ru> (режим доступа 24.06.2024).

Малько А. В. Сравнительное правоведение : учеб.-метод. комплекс / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин. – М. : Норма, 2008. – 352 с.

Меркуленко А. А. Разграничение предметов ведения и полномочий между центром, регионами и муниципалитетами в конституциях федеративных и децентрализованных государств / А. А. Меркуленко // Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР) : материалы междунар. науч.-практич. конф. (г. Омск, 20–22 окт. 2022 г.) / отв. ред. Т. Ф. Ящук. – Омск : Издательство Омского государственного университета, 2022. – С. 483–486.

Поцелуев Е. Л. Федеративное устройство СССР и ФРГ: теоретико-правовой и сравнительно-правовой анализ / Е. Л. Поцелуев // Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР) : (г. Омск, 20–22 окт. 2022 г.) / отв. ред. Т. Ф. Ящук. – Омск : Издательство Омского государственного университета, 2022. – С. 503–507.

Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / отв. ред. А. Я. Сухарев. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : НОРМА, 2001. – 840 с.

Рамос П. Р. Б. Федерализм. Истоки и пути его развития в истории США и Бразилии / П. Р. Б. Рамос, П. Н. М. Виана // Правосудие/Justice. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 62–79.

Саламов Р. Р. Федерализм в Бразилии: характеристики и особенности / Р. Р. Саламов // Сибирский международный. – 2018. – № 20. – С. 164–169.

Семеновский И. Д. Конституционные принципы федеративного устройства и современный федерализм: обзор мировых тенденций / И. Д. Семеновский // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 5А. – С. 98–108.

Семеновский И. Д. Конституционные основы регулирования принципов федеративного устройства в Бразилии, Индии и России / И. Д. Семеновский // Современный юрист. – 2017. – № 2(19) апрель – июнь. – С. 1–15. – URL: <http://rimuniver.ru/wp-content/uploads/2017/09/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.pdf> (дата обращения: 02.07.2024).

Семеновский И. Д. Конституционные принципы федеративного устройства Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Д. Семеновский. – М., 2019. – 25 с.

Сикейра Ж. Историческая конструкция бразильского государства / Ж. Сикейра // Латиноамериканский исторический альманах. – 2019. – № 23. – С. 115–136.

Ходатенко Е. Н. Конституция Индии и ее роль в становлении и эволюции индийской государственности : дис. ... канд. ист. наук / Е. Н. Ходатенко. – М., 2000. – 163 с.

Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран / В. Е. Чиркин. – М. : Юрист, 1997. – 568 с.

References

Andreeva G. N. Constitutional law of foreign countries: textbook / G. N. Andreeva. – Moscow : Eksmo, 2005. – 656 p.

Chirkin V. E. Constitutional law of foreign countries / V. E. Chirkin. – Moscow : Yurist, 1997. – 568 p.

Galiullin M. Z. The formation of the federal system of post-colonial India (50–70s of the XX century) : author's abstract. dis. ... Cand. of Historical Sciences / M. Z. Galiulin. – Kazan, 2007. – 26 p.

Golubeva L. A. Comparative government : textbook for universities / L. A. Golubeva, A. E. Chernokov. – St. Petersburg : IVESEP ; Knowledge, 2009. – 557 p.

Karpovich O. G. "Soft power" of the Brazilian model of federalism / O. G. Karpovich // Politics and Society. – 2016. – No. 2(134). – Pp. 164–171.

Karpovich O. G. Formation and features of the modern model of Indian federalism / O. G. Karpovich // Trends and management. – 2016. – No. 1(13). – Pp. 50–58.

Kashkin S. Yu. Fundamentals of Indian constitutional law / S. Yu. Kashkin // Constitutional law of foreign countries : textbook / ed. M. V. Baglay, Yu. I. Leibo and L. M. Entin. – 2nd ed., revised and amplified. – Moscow : Norma, 2008. – Pp. 792–827.

Khodatenko E. N. The Constitution of India and its role in the formation and evolution of Indian statehood : dis. ... Cand. of Historical Sciences / E. N. Khodatenko. – Moscow, 2000. – 163 p.

Legal systems of the countries of the world. Encyclopedic reference book / ed. A. Ya. Sukharev. – 2nd ed., revised and amplified. – Moscow : NORM, 2001. – 840 p.

Leonkina A. A. Indian federalism in the focus of research / A. A. Leonkina // Electronic scientific journal "Science. Society. State". – 2018. – T. 6, No. 2(22).

Malko A. V. Comparative jurisprudence : teaching materials / A. V. Malko, A. Yu. Salomatin. – Moscow : Norma, 2008. – 352 p.

Merkulenko A. A. Division of jurisdiction and powers between the center, regions and municipalities in the constitutions of federal and decentralized states / A. A. Merkulenko // Federal state: historical and legal experience and modern practices (to the 100th anniversary of the formation of the USSR) : proceedings of the international scientific and practical conference (Omsk, October 20–22, 2022) / ed. T. F. Yashchuk. – Omsk : Omsk State University Publishing House, 2022. – Pp. 483–486.

Potseluev E. L. Federal structure of the USSR and Germany: theoretical and legal, comparative-legal analysis / E. L. Potseluev // Federal state: historical and legal experience and modern practice (to the 100th anniversary of the formation of the USSR): (Omsk, October 20–22, 2022) / ed. T. F. Yashchuk. – Omsk : Omsk State University Publishing House, 2022. – P. 503–507.

Ramos P. R. B. Federalism. Origins and paths of its development in the history of the USA and Brazil / P. R. B. Ramos, P. N. M. Viana // Justice. – 2021. – T. 3, No. 2. – P. 62–79.

Salamov R. R. Federalism in Brazil: characteristics and features / R. R. Salamov // Siberian International. – 2018. – No. 20. – Pp. 164–169.

Semenovsky I. D. Constitutional basis for regulating the principles of federal structure in Brazil, India and Russia / I. D. Semenovsky // Modern lawyer. – 2017. – No. 2(19) April – June. – Pp. 1–15.

Semenovsky I. D. Constitutional principles of the federal structure and modern federalism: a review of global trends / I. D. Semenovsky // Issues of Russian and international law. – 2019. – T. 9, No. 5A. – Pp. 98–108.

Semenovsky I. D. Constitutional principles of the federal structure of the Russian Federation and the Federative Republic of Brazil : author's abstract. dis. ... Cand. of Legal Sciences / I. D. Semenovsky. – Moscow, 2019. – 25 p.

Siqueira J. Historical construction of the Brazilian state / J. Siqueira // Latin American historical journal. – 2019. – No. 23. – Pp. 115–136.

Volkov P. V. Theoretical and legal issues of federalism: federal power relations : author's abstract. dis. ... Cand. of Legal Sciences / P. V. Volkov. – N. Novgorod, 2004. – 23 p.

Для цитирования:

Поцелуев Е. Л. Виды федераций в Бразилии, Индии и России во второй половине XX – первой четверти XXI века: сравнительно-правовой анализ // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3(8). С. 78–89.

Recommended citation:

Potseluev E. L. Types of federations in Brazil, India and Russia in the second half of the XX – first quarter of the XXI century: comparative legal analysis // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 3(8). Pp. 78–89.

Сведения об авторе

Поцелуев Евгений Леонидович – заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека юридического факультета ИвГУ, кандидат исторических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации

E-mail: elp777@yandex.ru

Information about author

Potseluev Evgeniy Leonidovich – Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law and Human Rights, Faculty of Law, Ivanovo State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation

E-mail: elp777@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

А. М. Борисов

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 19 ноября 2023 г.

Аннотация: актуальность темы обусловлена дискуссионностью проблемы объекта правоотношения, которая изучалась в середине XX в. советскими правоведом. Целью данной работы является раскрытие различных взглядов на эту проблему, а задачей – показать многогранность и неопределенность понятия «объект правоотношения». В трудах юристов под объектом правоотношения понимаются материальные и нематериальные блага, субъективное право и поведение, направленное на достижение определенного результата. Автор приходит к выводу о том, что до настоящего времени единое мнение по данной проблеме не сложилось и характеристика общего объекта правоотношения с помощью разнородных по своему содержанию категорий не является идеальным решением данной юридической проблемы. Одно из решений этой проблемы связано с новым взглядом на структуру правоотношения.

Ключевые слова: объект правоотношения, право, правовое регулирование, правоотношение, содержание правоотношения, теория права, субъект права.

TO THE QUESTION OF THE STRUCTURE OF LEGAL RELATIONSHIP

A. M. Borisov

Kursk State University

Abstract: the relevance of the topic is due to the debatable nature of the problem of the object of the legal relationship, which was studied in the mid-twentieth century by Soviet jurists. The purpose of this work is to reveal different views on this problem, and the task is to show the versatility and uncertainty of the concept of “object of legal relationship”. In the works of lawyers, the object of a legal relationship is understood as material and intangible benefits, subjective rights and behavior aimed at achieving a certain result. The author comes to the conclusion that to date there has not been a consensus on this problem and characterizing the general object of a legal relationship using categories that are heterogeneous in content is not an ideal solution to this legal problem. One solution to this problem is associated with a new look at the structure of the legal relationship.

Key words: object of legal relationship, law, legal regulation, legal relationship, content of legal relationship, theory of law, subject of law.

Актуальность данной работы вызвана сформировавшейся в теории права неопределенностью относительно применения категории «объект» в различных словосочетаниях, которая и сейчас имеет следствием противоречивые позиции ученых-правоведов в продолжающихся дискуссиях. Познакомившись с несколькими научными изданиями, мы увидели, что несколько десятилетий в правовой науке применяются такие термины, как «объект права», «объект нормы права», «объект воздействия объективного права», «объект прав и обязанностей», «объект правового регулирования», «объект правоотношения». Выбрав для анализа термин «объект правоотношения», мы установили несколько подходов к его пониманию.

Еще в 1931 г. картину «полной путаницы и неразберихи»¹ по вопросу об объекте в праве представил **К. О. Берновский**, изучивший большое количество вышедших к тому времени трудов (Васьковский, Волков, Гамбаров, Гатовский, Гейне, Гольмстен, Гримм, Дювернуа, Евтихийев, Елистратов, Еллинек, Кельзен, Кистяковский, Кобалевский, Кон, Коркунов, Лазаревский, Ленин, Лист, Маркс, Михайловский, Орну, Пашуканис, Петражицкий, Победоносцев, Покровский, Полянский, Разумовский, Рождественский, Розин, Случевский, Стучка, Таганцев, Тарановский, Трахтенберг, Фойницкий, Шершеневич, Энгельс) и заключивший, что «проблема объекта права является одной из наиболее темных и наиболее запутанных проблем»².

Разнообразные подходы проявлялись в том, что понятия «объект права» и «объект правоотношения» не разделялись, добавлялись «объект обязанностей» и «объект правовых норм» и под объектом права понимались вещи, поведение, лица (личности, люди, государство и пр.), а также честь, жизнь, здоровье, права и обязанности, юридические правоотношения и др.³ Особенность подходов выражалась в признании вышеуказанных категорий одновременно в качестве предметов, а их сочетание могло рассматриваться как объект правоотношения⁴. По мнению К. О. Берновского, «объекта права вообще нет» и можно говорить об объекте отраслей права (гражданского, государственного, административного), которые, в свою очередь, выражаются «только через объект конкретных правоотношений»⁵. Под объектом гражданско-правовых отношений

¹ *Берновский К. О.* Объект права. Харьков, 1931. 136 с.; INTERNETARCHIVE. URL: https://archive.org/details/obyekt_prava/page/n21/mode/2up (дата обращения: 25.05.2020).

² Там же. С. 3.

³ См.: Там же. С. 5–7.

⁴ См.: Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 10.

(вещных и обязательственных) автор понимал вещи (в обобщающем аспекте), образующие как объект субъективного права, так и объект правоотношения, и выделял объект субъективных обязанностей (поведение)⁶.

Однако в позиции К. О. Берновского очевидны противоречия, состоящие в том, что он признавал вещи объектом цивилистических правоотношений и одновременно объектом субъективного права, допускал неоднородность объектов субъективных прав (вещи) и субъективных обязанностей (поведение), исключал для публично-правового отношения объект как самостоятельный элемент⁷.

В начале 40-х гг. XX в. **М. М. Агарков** также констатирует недостаточную разработанность в цивилистической науке вопроса об объектах гражданского права и полную неопределенность в определении термина «объект права»⁸. Представив взгляды, сложившиеся к началу XX в., автор выделил общий подход – «то, над чем в силу нормы объективного права господствует субъект, называют объектом права»⁹, и, как частность, показал сложившееся мнение об объекте обязательственного права – это «или определенное действие должника, или личность должника и имущество вместе»¹⁰.

Отнеся такие позиции к проявлениям буржуазного гражданского права, ученый предложил «рационализировать терминологию и считать объектом права то, на что направлено поведение обязанного лица, прежде всего вещь»¹¹, а поведение обязанного лица «называть содержанием правоотношения»¹². Позиция сходная с мнением К. О. Берновского. Обоснование такого взгляда ученый завершил выражением мнения о вещи как объекте права и двумя утверждениями. Первое – «сказанное выше о вещах применимо также и к другим объектам абсолютных прав»¹³ (литературные и иные произведения, являющиеся объектом авторского права, промышленные изобретения и др.). Второе – «объекты прав в определенном отношении имеют одинаковое значение как для вещного, так и для обязательственного права»¹⁴.

Обратим внимание на следующее уточнение: «Иногда, чтобы обойти создающиеся трудности при изложении обязательственного права, говорят о предмете обязательства. Например, проданная вещь – предмет обязательственного правоотношения между продавцом и покупателем.

⁶ См.: Берновский К. О. Указ. соч. С. 36, 92, 103, 129 и др.

⁷ См.: Там же. С. 91, 93.

⁸ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 20.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 22–23.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 29.

Производится, таким образом, искусственное удвоение одного и того же понятия (предмет-объект)¹⁵.

Здесь вполне ясно улавливается мысль об объекте или предмете не права, а правоотношения, поскольку из анализа текста следует, что автор изначально рассматривает обязательство как правоотношение¹⁶. Далее, ставя вопрос об объекте в обязательственном правоотношении, ученый высказывает иное мнение, понимая под ним «действие должника»¹⁷.

Обнаруживается дилемма: с одной стороны вещь – объект права, но с другой – на вещь как на объект обязательственного правоотношения «должно быть направлено поведение обязанного лица (действие или воздержание от действия)¹⁸. Тогда вещь – объект и права, и правоотношения. Усложняет понимание проблемы мнение М. М. Агаркова о возможном признании в качестве объекта правоотношения прав участников правоотношений, если речь идет о сделке по поводу права застройки или продажи долгового требования. Затем он вновь пишет об объекте гражданского права и полагает, что «было бы правильно считать объектами в гражданском праве лишь то, в отношении чего возможны акты распоряжения»¹⁹ (это и вещи, и произведения духовного творчества и, например, право застройки).

Восприятие данного тезиса в широком смысле позволяет предположить под объектами *в гражданском праве* и объекты определенного гражданского права, и объекты гражданских правоотношений, и объекты гражданско-правового воздействия, но М. М. Агарков уточняет: «...терминологически правильнее было бы говорить не об объектах права, а об объектах правоотношения»²⁰.

Эти выдержки свидетельствуют о том, что автор не нашел оснований для того, чтобы наполнить термины «объект права» и «объект правоотношения» различным содержанием, а также определить предмет правоотношения. Противоречивы утверждение о поведении субъектов правоотношения как о его содержании и утверждение о признании поведения должника объектом правоотношения.

Рассматривая вопрос общественной природы правового отношения, **О. С. Иоффе** также подчеркивал, что «проблема правоотношения – одна из наиболее сложных и в то же время наименее разработанных проблем

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ См.: Там же. С. 13 (еще в начале XX в. под обязательством понималось юридическое отношение, по которому одно лицо имеет право на действие другого лица и в котором участвуют две стороны. См.: Малый энциклопедический словарь: в 4 т. Т. 4. Репринтное воспроизведение издания Брокгауза и Ефрона. М., 1994. 592 с.).

¹⁷ Там же. С. 27.

¹⁸ См.: Там же. С. 28–29.

¹⁹ Там же. С. 30.

²⁰ Там же. С. 31.

правовой науки»²¹, и определял исходную установку (принцип) для разрешения этой проблемы следующим образом: «Всякое правоотношение существует только как взаимное отношение людей и является общественным отношением»²² или общественным отношением «особого рода».

В чем может состоять такая особенность? Очевидно, в том, что нормами права создается юридическая форма общественного отношения, посредством которой происходит юридизация природных и социальных явлений (событий), предметов материального мира, общественных отношений и поведения людей, последствий актов поведения, приобретающих правовое значение, и самих участников этих отношений, обретающих определенный правовой статус. Правовое отношение – это «регулируемое правом отношение между конкретными лицами, взаимное поведение субъектов которого закреплено юридически и осуществление которого обеспечивается силой государственного принуждения»²³.

Ученый утверждал, что «субъекты и объект, правомочие и обязанность – таковы основные элементы всякого, в том числе и гражданско-го правоотношения»²⁴, и полагал, что правоотношение «не может иметь в качестве своего объекта ничего иного, кроме поведения своих участников, которое в свою очередь направляется на вещи или иные объекты и цели»²⁵. Из чего следует, что «вещи, иные объекты и цели» – объекты правового воздействия, но оно же является объектом правоотношения наряду с неопределенным рядом иных объектов. Однако здесь же автор утверждал, что поведение одновременно является объектом субъективного гражданского права и гражданско-правовой обязанности²⁶. Он утверждал, что «не может существовать ни безобъектных правоотношений, ни безобъектных правомочий и обязанностей, ибо не может существовать правоотношений, не закрепляющих поведение их участников и не направляющих это поведение для достижения целей и удовлетворения интересов, охраняемых законом, нормами которого эти отношения регулируются. Всякое правоотношение всегда связано с определенным объектом, на который направляются заключенные в нем правомочие и обязанность, и потому объект права должен быть признан не предпосылкой, а необходимым элементом всякого правоотношения»²⁷ (вероятно, объект права приравнивается к объекту правоотношения).

Проанализировав рассуждения О. С. Иоффе, во многом противоположные взглядам К. О. Берновского и схожие по своим сути и противо-

²¹ Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 3.

²² Там же.

²³ Там же. С. 20.

²⁴ Там же. С. 43.

²⁵ Там же. С. 83–84.

²⁶ См.: Там же. С. 84.

²⁷ Там же.

речивости со взглядами М. М. Агаркова, мы можем сделать вывод о том, что им обозначена трехэлементная структура правоотношения, не конкретизирован перечень объектов правоотношения, а поведение рассматривается как неотъемлемый элемент правоотношения, который, однако, признается одновременно объектом как правоотношения, так и правомочий и обязанностей.

Соотнесение такого взгляда с известной и многократно повторяемой в юридической литературе структурой правоотношения (субъекты, объект, содержание), по сути, выделенной О. С. Иоффе, порождает несколько вопросов.

Если субъективные права и обязанности являются составляющим элементом правоотношения (содержание), то возможно ли признание единого, совпадающего объекта (поведение) у целого (правоотношение) и части целого (правомочие и обязанности как содержание правоотношения)? Это разнородные категории, ибо правоотношение – это взаимодействие субъектов (по О. С. Иоффе), а права и обязанности – нормативно обозначенная возможность и необходимость определенного поведения во взаимодействии? Не возникает ли в этом случае представления о содержательной равнозначности целого (правоотношения) и его части (прав и обязанностей субъектов)? Если же объект права (субъективного, как и обязанности, вероятно) признать «элементом правоотношения», то не становится ли он четвертым элементом правоотношения, дополняя известную трехэлементную структуру? Возможно ли признать объектом правового воздействия вещь или цель или еще *что-нибудь*, если автор сам утверждает, что «только человеческое поведение способно к реагированию на воздействие»²⁸ и ни вещи, ни личные нематериальные блага «не способны к такому реагированию»²⁹?

Приведем позицию **Н. Г. Александрова**, возвращающегося в середине 50-х гг. XX в. к концепции К. О. Берновского и полагающего, что попытка «отрицать за вещами значение объектов правоотношения (в смысле внешних объектов должного поведения обязанного лица и возможного поведения управомоченного лица) является следствием рассмотрения данного вопроса без учета того основного факта... что люди добывают и используют материальные блага не в одиночку, а находясь в тех или иных общественных отношениях»³⁰. Следовательно, объект правоотношения – это вещь, или материальное благо (в имущественных отношениях), или, что следует из последующего текста, нематериальные блага (в неимущественных правоотношениях). Затем автор справедливо

²⁸ Там же. С. 82.

²⁹ Там же.

³⁰ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 119.

во замечает, что вещи и действия людей – «явления разного порядка, и совершенно недопустимо располагать их в одной плоскости, одинаково называя “объектами правоотношений”»³¹. Не соглашаясь с мнением О. С. Иоффе, Н. Г. Александров полагает, что применительно к поведению можно говорить не об объекте правоотношения, а об объекте правового воздействия³².

Само правоотношение ученый представляет как отношение между людьми или организациями людей, «в котором их связь состоит в правомочиях и юридических обязанностях»³³. Другой вариант: «Будучи урегулированным нормами права, общественное отношение именно принимает форму правоотношения»³⁴. Автор выражает иной взгляд на место поведения лиц в правоотношении: «...деятельность органов администрации, суда и прокуратуры строго регламентируется законом и потому является деятельностью по реализации правомочий и исполнению обязанностей, то есть деятельностью, составляющей содержание соответствующих правоотношений»³⁵.

Приведенные цитаты обращают наше внимание, во-первых, на правомочия (права) и обязанности, их значение в правоотношении. Во-вторых, на право, которое как бы «накрывает» юридическими нормами общественное отношение, создавая его определенную форму, в которой выражены права (правомочия) и обязанности лиц. В-третьих, на действия управомоченных и обязанных лиц как на содержание правоотношения.

Такое мнение Н. Г. Александрова о содержании правоотношения диаметрально противоположно как высказываемым его современниками-юристами позициям, так и распространяемым в настоящее время юридическим знаниям. Признавая серьезность проблемы правоотношения для советского права и доминирование соответствующих работ по гражданско-правовой тематике, правовед пишет, что недооценка этой проблемы есть одно из проявлений правового нигилизма, выражающегося в пренебрежительном отношении к изучению механизма действия правовой части надстройки, в игнорировании специфических особенностей, характеризующих способ и форму воздействия права на общественные отношения³⁶.

К сожалению, ученый в дальнейших рассуждениях отходит от своих же утверждений в тезисах о том, что права и обязанности не есть что-то отличное от самого правоотношения, которое «всегда есть по крайней мере одно правомочие у одного лица и одновременно соответствующая

³¹ Александров Н. Г. Указ. соч. С. 120.

³² Там же.

³³ Там же. С. 89.

³⁴ Там же. С. 98.

³⁵ Там же. С. 102.

³⁶ См.: Там же. С. 102.

юридическая обязанность у другого лица»³⁷, и «всегда выражает такую общественную связь, которая применительно к одной стороне выступает как субъективное право, а применительно к другой стороне – как юридическая обязанность»³⁸.

Складывается впечатление о том, что содержание правоотношения есть совокупность прав и обязанностей лиц. Здесь он не упоминает поведение участников правоотношений, хотя под правом понимает вид и меру возможного поведения³⁹, а под обязанностью – вид и меру должного поведения⁴⁰. Право и обязанность как меры возможного есть нормативная модель неосуществленного правоотношения, но само правоотношение всегда выражается в реальном поведении его участников. Тем более что автор утверждает, что государство посредством правовых норм воздействует на волю участников общественных отношений⁴¹, а за волей следуют акты волевого поведения, а не права и обязанности.

Заметим, что из объяснительных конструкций Н. Г. Александрова выпадает понятие «правосознание» («сознание»). Именно на сознание людей воздействует государство посредством норм, а уже в нем формируется воля к поведению.

Представляется, что некоторые из вышеприведенных и иных тезисов из труда Н. Г. Александрова уводят читателя от семантических аспектов используемых понятий и раскрывают рассматриваемую проблему в недопустимо упрощенном виде, в котором слова, несущие истину (деятельность сторон как содержание правоотношения), ускользают от нашего внимания.

Признавая спорность вопроса об объекте правоотношения, **Р. О. Халфина** критикует взгляды Ю. К. Толстого (объект правоотношения – фактическое общественное отношение, а также вещь или продукт духовного творчества)⁴², исключает объект правоотношения из структуры правоотношения и считает, что терминами «объект права» и «объект правоотношения» обозначают одно и то же понятие⁴³, которое выходит за рамки собственно правоотношения⁴⁴. Мы анализировали взгляды Ю. К. Толстого на правоотношение, усмотрев его неоднозначное представление о его содержании (элементарное содержание во взаимосвязанных правах и обязанностях, поведенческое содержание и волевое содержание)⁴⁵.

³⁷ Александров Н. Г. Указ. соч. С. 113.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 107–109.

⁴⁰ Там же. С. 112.

⁴¹ См.: Там же. С. 116.

⁴² См.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 203.

⁴³ См.: Там же. С. 211–212.

⁴⁴ См.: Там же. С. 212–213.

⁴⁵ См.: Борисов А. М. К вопросу о содержании правоотношения // Административное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 1125–1132.

Нельзя не отметить точную оценку правоотношения Р. О. Халфиной, которая пишет: «Правоотношение, будучи реализацией нормы, представляет собой... конкретное общественное отношение, облеченное в правовую форму»⁴⁶.

Правоотношение, по С. С. Алексееву, а его представление не изменилось за четверть века, – это «возникающая на основе норм права индивидуализированная общественная связь между лицами, характеризующаяся наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой государства»⁴⁷. Данное определение задает рамки последующего раскрытия авторской концепции правоотношения, содержанием которого признаются субъективные права и обязанности его сторон. Отметим, что С. С. Алексеев допускает рассмотрение правоотношения в качестве «идеологической формы»⁴⁸ (если иметь в виду правовую идеологию), подчеркивая значение диалектико-материалистической концепции правоотношения, признает в нем единство формы и содержания, которое разделяется на юридическое (права и обязанности) и материальное (фактическое поведение участников общественных отношений)⁴⁹.

В дальнейшем в рассуждениях автора обнаруживаются противоречия, отражающие методологическую непоследовательность. Например, нельзя не согласиться с таким утверждением: «Детерминированность правоотношений материальными условиями жизни общества проявляется и непосредственно (через материальные интересы людей), и через волю государства, через издаваемые им юридические нормы»⁵⁰. Автор признает отправными (исходными) в генезисе правоотношений реальные или фактические отношения, которые впоследствии получают правовое оформление и могут генерироваться («вызываться к жизни») юридическими нормами⁵¹. Но ниже следует такой тезис: «Лишь при зарождении права в процессе формирования правовых систем... индивидуальные отношения... могут предшествовать юридическим нормам»⁵². Данное умозаключение спорно, поскольку в общественных отношениях, урегулированных нормами права, генерируются их новые виды и при определенной социальной значимости эти новые отношения получают правовое оформление (юридизируются).

Приведем еще одну цитату: «Возникнув без определенного фактического (материального) содержания, юридическая форма затем обретает

⁴⁶ Халфина Р. О. Указ. соч. С. 90.

⁴⁷ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2-х т. М., 1982. Т. II. С. 82; *Его же*. Общая теория права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 328.

⁴⁸ Алексеев С. С. Общая теория права. С. 98.

⁴⁹ Там же. С. 90.

⁵⁰ Там же. С. 83.

⁵¹ Там же. С. 92, 95.

⁵² Там же. С. 91.

это содержание (совершаются положительные действия), и тем самым достигается цель правового регулирования – складываются в полном объеме фактические отношения, которых раньше не было»⁵³.

Очевидно, что юридическую форму составляют юридические нормы, образуя модель правового (положительного) поведения⁵⁴.

Позднее, обращаясь к вопросу о правосознании, С. С. Алексеев пишет, что оно выступает исходным моментом в жизни права, поскольку несет представления о праве, суждения о необходимости юридической структуры взаимоотношений людей, установки на тот или иной юридический режим в жизни общества, связано с явлениями социально-психологического порядка (эмоции, настроения и др.). Правосознание проявляется «через общую правовую оценку социальных фактов, суждения об их ответственности идее правового и законного, чувство права и законности и вытекающую отсюда волевою направленность поведения людей»⁵⁵. Таким образом, по схеме «правосознание-поведение» осуществляется реализация прав и обязанностей людей. Следовательно, возвращаясь к тезису Н. Г. Александрова, можно утверждать, что правовые нормы в действительности нацелены не на волевое поведение, а на правосознание, определяющее поведение человека.

Представляя проблему в отраслевом разрезе и обращаясь к сфере публично-правовых отношений административно-правового характера, приведем позицию М. В. Карасевой, которая расширяет видовой ряд объектов правоотношений, полагая, что «объекты финансовых правоотношений подразделяются на две группы: а) финансовые ресурсы государства и муниципальных образований; б) законы (постановления муниципальных образований), плановые акты и их проекты»⁵⁶.

Соответствующие дискурсы по поводу правоотношения и одного из элементов правоотношения приводят нас к мнению о неясности сложившихся воззрений на саму структуру правоотношения. Правоведы и в настоящее время не пришли к единому мнению по поводу определения объекта правоотношения. Мы можем констатировать как многолетние дискуссии по этой проблеме, так и многолетнюю неопределенность в вопросах структуры и некоторых элементов правоотношения.

Предложим к обсуждению пятиэлементную структуру. Полагаем, что если общественные отношения являются объектом правового регулирования, то особенность *объекта правоотношения* может быть выражена в качестве определенной правовой категории, например, того или иного

⁵³ Алексеев С. С. Общая теория права. С. 97.

⁵⁴ Там же. С. 94.

⁵⁵ Алексеев С. С. Общая теория права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 140.

⁵⁶ Карасева М. В. Финансовое правоотношение : дис.... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1998. С. 9.

юридического результата взаимодействия субъектов правоотношения. *Содержанием правоотношения* могут быть признаны правовые акты поведения его участников. Нормы, закрепляющие их субъективные правомочия, права и обязанности, в том числе ответственность, правовое значение событий, деяний, будут составлять *юридическую форму правоотношения*. Его сугубо материальную сторону образуют *субъекты правоотношения* и, выражаясь языком цитируемых юристов, «вещи» и т.д., которые имеют значение *предмета*, по поводу которого складывается правоотношение.

Библиографический список

Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков. – М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с. (Ученые труды / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР; выпуск III).

Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1955. – 176 с.

Алексеев С. С. Общая теория права : в 2-х т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. II. – 360 с.

Алексеев С. С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 565 с.

Алексеев С. С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – 576 с.

Берновский К. О. Объект права / К. О. Берновский. – Харьков : Юридическое издательство НКЮ УССР, 1931. – 136 с. // INTERNET ARCHIVE. – URL: https://archive.org/details/obyekt_prava/page/n21/mode/2up (дата обращения: 25.05.2020).

Борисов А. М. К вопросу о содержании правоотношения / А. М. Борисов // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 11. – С. 1125–1132. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.11.12449.

Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе. – Л. : Издательство Ленинградского университета им. А. А. Жданова, 1949. – 144 с.

Карасева М. В. Финансовое правоотношение : дис.... д-ра юрид. наук / М. В. Карасева. – Воронеж, 1998. – 304 с.

Малый энциклопедический словарь : в 4 т. / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. – М. : ТЕРРА, 1994. – Т. 4. – 592 с.: ил. 1062.

Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М. : Юр. лит., 1974. – 340 с.

References

Agarkov M. M. Obligation under Soviet civil law / M. M. Agarkov. – Moscow : Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1940. – 192 p. (Scientific works / All-Union Institute of Legal Sciences of the People's Commissariat of Justice of the USSR; issue III).

Alexandrov N. G. Legality and legal relations in Soviet society / N. G. Alexandrov. – Moscow : State publishing house of legal literature, 1955. – 176 p.

Alekseev S. S. General theory of law : in 2 vol. / S. S. Alekseev. – Moscow : Yuridicheskaya literatura, 1982. – Т. II. – 360 p.

Alekseev S. S. General theory of law : textbook / S. S. Alekseev. – 2nd ed., revised. and additional. – Moscow : TK Welby, Prospekt Publishing House, 2008. – 565 p.

Alekseev S. S. General theory of law : textbook / S. S. Alekseev. – 2nd ed., revised. and additional. – Moscow : Prospekt, 2009. – 576 p.

Bernovsky K. O. Object of law / K. Bernovsky. – Kharkov : Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR, 1931. – 136 p. // INTERNET ARCHIVE. – URL: https://archive.org/details/obyekt_prava/page/n21/mode/2up (Date of access: 05/25/2020).

Borisov A. M. On the issue of the content of the legal relationship / A. M. Borisov // Administrative and municipal law. – 2014. – No. 11. – P. 1125–1132. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.11.12449.

Halfina R. O. General doctrine of legal relations / R. O. Halfina. – Moscow : Jur. Lit., 1974. – 340 p.

Ioffe O. S. Legal relations under Soviet civil law / O. S. Ioffe. – Leningrad : Publishing house of Leningrad University named after. A. A. Zhdanova, 1949. – 144 p.

Karaseva M. V. Financial legal relationship : diss. ... Dr. of Legal Sciences / M. V. Karaseva. – Voronezh, 1998. – 304 p.

Small encyclopedic dictionary : in 4 vol. / Reprint reproduction of the Brockhaus-Efron edition. – Moscow : TERRA, 1994. – Т. 4. – 592 p.: ill. 1062.

Для цитирования:

Борисов А. М. К вопросу о структуре правоотношения // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3(8). С. 90–101.

Recommended citation:

Borisov A. M. To the question of the structure of legal relationship // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 3(8). Pp. 90–101.

Сведения об авторе

Борисов Андрей Маркович – доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Курского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: andrei_borisov@mail.ru

Information about author

Borisov Andrey Markovich – Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law of Kursk State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

E-mail: andrei_borisov@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО ПОДХОДА К ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВА

М. Д. Горбунов

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 10 июля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются политико-правовые аспекты формирования представлений о государственно-правовой системе в зарубежном научном дискурсе. Общий контекст рассмотрения обусловлен актуальными вызовами, стоящими перед правоведами при конструировании правовых систем. В работе утверждается, что доминирующий сегодня либеральный подход имеет долгую историю становления и на протяжении веков являлся предметом дискуссии между направлениями юснатурализма и правового позитивизма. Автор приходит к выводу, что кризис рассматриваемого подхода обусловлен его неспособностью объяснить всё многообразие государственно-правовых систем.

Ключевые слова: государственно-правовая система, юснатурализм, правовой позитивизм, аксиология права, права человека, либерализм, философская мысль.

FORMATION OF THE MODERN LIBERAL APPROACH TO THE STATE-LEGAL SYSTEM: SOME ISSUES OF THE THEORY OF LAW

M. D. Gorbunov

Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Abstract: the article examines the political and legal aspects of the formation of ideas about the state legal system in foreign scientific discourse. The general context of consideration is determined by the current challenges facing legal scholars when designing legal systems. The work argues that the liberal approach that is dominant today has a long history of development and for centuries has been the subject of discussion between the directions of legal naturalism and legal positivism. The author comes to the conclusion that the crisis of the approach under consideration is due to its inability to explain the entire diversity of state legal systems.

© Горбунов М. Д., 2024

Key words: state legal system, legalism, legal positivism, axiology of law, human rights, liberalism, philosophical thought.

В современном мире усиливается кризис либеральной демократии и расширяется дискуссия о неэффективности таких государственно-правовых систем при борьбе с актуальными вызовами. Процессы деглобализации, показывающие свою состоятельность китайский путь и неоконсервативные режимы постсоветского пространства заново поднимают фундаментальные вопросы об основах государственно-правовой системы, условиях и принципах ее функционирования. Практика показывает необходимость признания разнообразия государственно-правовых систем. Это всё больше противоречит сохраняющимся тенденциям в рамках доминирующей либеральной традиции. Вместе с тем, история вопроса показывает отсутствие такой монолитности в истории политико-правовой мысли. В условиях актуальности вопроса необходимо проследить историю представлений о государственно-правовой системе и ответить на вопрос: почему именно либеральная традиция оказалась к началу XXI в. в мировой науке безальтернативной.

Тема стала актуальна с формированием современных национальных государств и представлений о них в Новом времени. Эпоха Просвещения ознаменовала становление современных государственно-правовых моделей, первых успешных либеральных революций, новых проектов и идей в политико-правовой мысли. В результате в философии сформировалось два вектора восприятия фундаментальных основ устройства государственно-правовой системы: естественного-правовой и позитивистский.

Естественно-правовая доктрина, подкрепленная идеями Великой французской революции и новых государств, основанных на принципиально иных по качеству и содержанию конституционно-правовых документах (прежде всего США), выдвинула тезис, что «общество создается нашими потребностями, а правительство – нашими пороками: первое способствует нашему счастью, положительно объединяя наши благие порывы, второе же – отрицательно, обуздывая наши пороки, одно поощряет сближение, другое поощряет рознь... общество в любом состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае – зло нестерпимое»¹. Такое скептическое отношение к суверенной власти и авторитарным тенденциям в государственном и политическом управлении нашло отражение в трудах выдающихся философов-юснатуралистов – Ш. Монтескьё, Дж. Локка, Ж. Руссо, Д. Адамса и других².

¹ Нерсесянц В. С., Графский В. Г., Золотухина Н. М., Сюкияйнен Л. Р. История политических и правовых учений : учебник / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2004. 944 с.

² См.: Майданюк И. З. Человек как мерило ценностей в теориях возрожденного естественного права // Царскосельские чтения. 2010. № 14. С. 77–81.

Среди представителей теории естественного права особое место занял Т. Гоббс. В величайшем труде «Левиафан» Гоббс поставил цель «показать человеческим глазам взаимные отношения между защитой и послушанием, из которых состояние человеческой природы и божественных законов (как естественных, так и позитивных) требует нерушимого наблюдения»³. Такое наблюдение осуществляется суверенным государством⁴. Верховенство суверена дополняется в теории философа служебной функцией и обязанностью соблюдения естественного закона. Подобная установка отразила фактически фундаментальную дилемму правовой теории о балансе и приоритете официальной власти и личной свободы, оценке эффективности государственно-правовой системы в контексте данных приоритетов⁵. Философ, с одной стороны, задал направление на интеграцию подходов, но с другой – спровоцировал острую полемику между ними, подчеркнув их противоречивость.

Если естественно-правовой подход стоял на признании безусловной силы естественного надгосударственного порядка и отказывал государству в абсолютной власти, то традиция правового позитивизма исходила из противоположных позиций.

Еще британский философ И. Бентам, будучи одним из предтеч правового позитивизма, решительно критиковал юснатурализм и его «анархические заблуждения». Правовед указывал, что «ни один человек никогда не был рожден свободным и свободным не оставался на протяжении жизни, не рождаются люди и равными в правах. Оговорка о том, что различия могут быть основаны на общей пользе, означает то, что первая часть статьи не имеет вообще никакого значения: равенства в правах не существует»⁶. Естественное право в критике Бентама «двусмысленно», «абстрактно», «сентиментально», а потому официальный порядок может быть основан только на базе государственного закона⁷. Необходимость обеспечения принудительной государственной власти поддержал и последователь Бентама – выдающийся правовед Дж. Остин. Остин подчеркнул, что «главным свойством права, обеспечивающим его действие, выступает наличие суверена, которому обычно подчиняются индивиды в конкретном обществе, но который сам не подчиняется никому»⁸. Австрийско-американский правовед Г. Кельзен продолжил, что «норма,

³ *Hobbes T. Leviathan / ed. R. Tuck. Cambridge, 1996. P. 483–492.*

⁴ См.: *Skinner Q. Visions of Politics. Cambridge, 2002. Vol. III, Hobbes and Civil Science. P. 207.*

⁵ См.: *Hoekstra K. The de facto Turn in Hobbes's Political Philosophy Leviathan After 350 Years / T. Sorell, L. Foisneau eds. Oxford, 2004. P. 63.*

⁶ *Bentham J. Anarchical Fallacies // Works. Edinburgh, 1843. Vol. 2. P. 53–55.*

⁷ См.: *Ibid.*

⁸ *Austin J. The Province of Jurisprudence Determined / ed. W. Rumble. Cambridge, 1995. P. 166.*

установленная законодателем, не будучи связанной с актом принуждения в качестве санкции, отличалась бы от моральной нормы только своим происхождением. Определение права, не признающее его принудительным порядком, должно быть отвергнуто, прежде всего потому, что только включение в определение права элемента принуждения дает четкий критерий, позволяющий выделить право среди других социальных порядков, так как принуждение – это фактор, чрезвычайно важный для познания социальных отношений и весьма характерный для права»⁹.

В результате на рубеже XIX–XX вв. сложилась широкая убежденность в возможности и необходимости построения четкой формализованной системы права, обеспечивающей правопорядок в развивающихся национальных государствах на основе сложившихся политических отношений.

Попытка дополнить такой формализованный подход была предпринята в рамках доктрины либерального конституционализма. Развивая теорию естественного права, данное направление исходило из «первичности индивида по отношению к государству – и не только во временном, но и в моральном аспекте»¹⁰. Один из видных представителей направления – В. Гумбольдт говорил: «Государство создано для человека, а не человек для государства; государственное устройство не есть само по себе цель, оно является только средством для развития человека»¹¹. Такая позиция подтвердила борьбу против «позитивистской концепции суверенитета и родственной концепции всемогущества государства»¹².

Таким образом, если естественное право предложило идеальную модель государственно-правовой системы, то правовой позитивизм старался подходить к вопросу излишне прагматически, ошибочно концентрируя свое внимание на наиболее простых формах организации нормативных систем, основанных на насилии. Трансляция подобных установок на централизованные национальные государства во многом стала основой для теоретического оправдания «парада» правых и левых диктатур в первой половине XX в., что не могло не оказать влияние на степень привлекательности подобных подходов.

Ужасы Второй мировой войны в итоге не только показали несовершенство позитивистских подходов, отрицавших какую-либо зависимость официального правопорядка от ценностей и принципов гуманизма и ограничений правового закона, но и определили приоритет ценности прав человека как априорных в правовом дискурсе. Вопрос аксиологии права стал обязательным при модернизации правовой доктрины в новых ре-

⁹ Kelsen H. *General Theory of Law and State* / trans. A. Wedberg. New York, 1961. P. 75–76.

¹⁰ Дьюи Д. Либерализм и социальное действие // О свободе : антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М. А. Абрамов. М., 2000. С. 331–384.

¹¹ Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. Челябинск, 2009. С. 267–268.

¹² Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов и политики. М., 2006. С. 230.

алиях. В итоге идеи либерального конституционализма и новые взгляды на теорию прав человека не только укрепили позиции юснатурализма, но направили правовой позитивизм по пути либеральной теории.

Особенно это выразилось в англо-саксонском пространстве. Позиции философов, склоняющихся к новой теории естественного права и либеральной доктрине, таких как Р. Дворкин, Л. Фуллер, Р. Алекси, сильно повлияли на трансформацию позитивистских подходов. Названные правоведы исходят из того, что в основе модели любой правовой системы лежит не государственное право, а сложившиеся нормы объективной морали и политическая традиция общества, построенная на принципах справедливости и демократизма, прямое действие которых обеспечивается через сложный механизм установления соответствия государственного управления общественной воле¹³.

В итоге даже самым авторитетным представителям правового позитивизма как в научном, так и в публичном пространстве в целом необходимо было найти подход, который бы интегрировал либеральную теорию в их воззрения. Примечательным здесь будут размышления одного из ведущих правоведов-позитивистов Г. Харта, которого упрекали в игнорировании новой теории прав человека. Выстраивая собственную теорию на основе идеи о необходимости развития позитивистской правовой традиции, он в конечном итоге признал, что «совершенно очевидно, что теория прав срочно необходима. За последние полвека бесчеловечность человека по отношению к человеку была такова, что в самых основных и элементарных свободах и защите было отказано бесчисленному количеству мужчин и женщин, виновных, если и в чем-либо, то только в том, что они требовали таких свобод и защиты для себя и других... им было отказано под благовидным предлогом, что они необходимы для общего благосостояния общества... таким образом, защита доктрины основных прав человека, ограничивающей то, что государство может делать со своими гражданами, кажется именно тем, чего наиболее остро требуют политические проблемы нашего времени... С 1946 г., когда стороны, подписавшие Устав Организации Объединенных Наций, подтвердили свою веру в основные права человека, а также в достоинство и ценность человеческой личности, ни одно государство не может заявлять, что отказ в таких правах его собственным гражданам является исключительно его личным делом... Еще неизвестно, добьется ли он такого же успеха, как когда-то утилитаризм, в изменении практики правительств на благо человечества»¹⁴.

¹³ См.: Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева ; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. М., 2020. 592 с.; Alexy R. A. Theory of Legal Argumentation. New York, 1989 (1976). 323 p.; Фуллер Л. Л. Анатомия права / пер. с англ. В. В. Архипова // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 204–319.

¹⁴ Hart H. L. A. Utilitarianism and Natural Rights // Tulane Law Review. 1979. Vol. 53. P. 679–680.

Примечательно здесь будут позиции, высказанные также в позитивистской правовой науке Н. Маккормиком, являющиеся на данный момент общепринятыми. Существование государства и его функционирование связывается с наличием у него качеств конституционной либеральной демократии. Только такие государства (*Rechtsstaat*) способны формировать и обеспечивать правовую систему, что выгодно отличает их от иных квазигосударственных форм организации власти. Вопрос суверенитета и автономии публичной власти при этом выносятся правоведами за скобки¹⁵.

В итоге либеральная государственно-правовая теория, отрицающая какие-либо вариации существования государственно-правовой системы за пределами единой модели, заняла во второй половине XX в. доминирующую позицию в мировой (прежде всего западной) правовой науке. Падение социалистического лагеря только подкрепило такое положение вещей.

Таким образом, становление представлений о либеральном характере государственно-правовой системы является результатом долгого развития фактических общественных и научных процессов. Доминирование представлений об исключительности и безальтернативности такой модели даже в правовом позитивизме в актуальной зарубежной теории сегодня является обстоятельством неоспоримым, но всё менее отвечающим реальной практике функционирования государственно-правовых систем.

Библиографический список

Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности / В. Гумбольдт. – Челябинск : Социум, 2009. – 304 с.

Дворкин Р. Империя права / Р. Дворкин ; пер. с англ. С. Моисеева ; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. – М. : Издательство Института Гайдара, 2020. – 592 с.

Дьюи Д. Либерализм и социальное действие / Д. Дьюи // О свободе: антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М. А. Абрамов. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 331–384.

Майданюк И. З. Человек как мерило ценностей в теориях возрожденного естественного права / И. З. Майданюк // Царскосельские чтения. – 2010. – № 14. – С. 77–81.

Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник / В. С. Нерсесянц [и др.] ; под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2004. – 944 с.

Фуллер Л. Л. Анатомия права / Л. Л. Фуллер ; пер. с англ. В. В. Архипова // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 204–319.

Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов и политики / Ф. Хайек. – М. : Ирисэн, 2006. – 644 с.

¹⁵ См.: *MacCormick N. Questioning Sovereignty: Law, State and Nation in the European Commonwealth. Oxford, 1999. P. 204.*

Alexy R. A. Theory of Legal Argumentation / R. A. Alexy. – New York : Oxford University Press, 1989. – 323 p.

Austin J. The Province of Jurisprudence Determined / J. Austin ; ed. W. Rumble. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 293 p.

Bentham J. Anarchical Fallacies / J. Bentham // Works. – Edinburgh : Tait, 1843. – Vol. 2. – 602 p.

Hart H. L. A. Utilitarianism and Natural Rights / H. L. A. Hart // Tulane Law Review. – 1979. – Vol. 53. – Pp. 679–680.

Hobbes T. Leviathan / T. Hobbes ; ed. R. Tuck. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 618 p.

Hoekstra K. The de facto Turn in Hobbes's Political Philosophy Leviathan After 350 Years / K. Hoekstra ; T. Sorell, L. Foisneau [eds.]. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – Pp. 33–73.

Kelsen H. General Theory of Law and State / H. Kelsen ; trans. A. Wedberg. – New York : Russell & Russell, 1961. – 516 p.

MacCormick N. Questioning Sovereignty: Law, State and Nation in the European Commonwealth / N. MacCormick. – Oxford, 1999. – 222 p.

Skinner Q. Visions of Politics / Q. Skinner. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – Vol. III, Hobbes and Civil Science. – 404 p.

References

Dewey D. Liberalism and social action / D. Dewey ; resp. ed. M. A. Abramov // About freedom: Anthology of world liberal thought (I half of the 20th century). – Moscow : Progress-Tradition, 2000. – Pp. 331–384.

Dvorkin R. Empire of Law / R. Dvorkin ; trans. from English S. Moiseev ; under scientific ed. S. Koval, A. Pavlova. – Moscow : Gaidar Institute Publishing House, 2020. – 592 p.

Fuller L. L. Anatomy of law / L. L. Fuller ; trans. from English V. V. Arkhipov // Russian Yearbook of Legal Theory. – 2009. – No. 2. – Pp. 204–319.

Hayek F. Law, legislation and freedom. Modern understanding of liberal principles and policies / F. Hayek. – Moscow : Irissen, 2006. – 644 p.

Humboldt V. On the limits of state activity / V. Humboldt. – Chelyabinsk : Sotsium, 2009. – 304 p.

Maydanyuk I. Z. Man as a measure of values in the theories of revived natural law / I. Z. Maydanyuk // Tsarskoye Selo Readings. – 2010. – No. 14. – Pp. 77–81.

Nersesyants V. S. History of political and legal doctrines : textbook for universities / V. S. Nersesyants [et al.] ; ed. V. S. Nersesyants. – 4th ed., revised. and additional. – Moscow : Norma, 2004. – 944 p.

Alexy R. A. Theory of Legal Argumentation / R. A. Alexy. – New York : Oxford University Press, 1989. – 323 p. [In Engl.]

Austin J. The Province of Jurisprudence Determined / J. Austin ; ed. W. Rumble. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 293 p. [In Engl.]

Bentham J. Anarchical Fallacies / J. Bentham // Works. – Edinburgh : Tait, 1843. – Vol. 2. – 602 p. [In Engl.]

Hart H. L. A. Utilitarianism and Natural Rights / H. L. A. Hart // Tulane Law Review. – 1979. – Vol. 53. – Pp. 679–680. [In Engl.]

Hobbes T. Leviathan / T. Hobbes ; ed. R. Tuck. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 618 p. [In Engl.]

Hoekstra K. The de facto Turn in Hobbes's Political Philosophy Leviathan After 350 Years / K. Hoekstra ; T. Sorell, L. Foisneau [eds.]. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – Pp. 33–73. [In Engl.]

Kelsen H. General Theory of Law and State / H. Kelsen ; trans. A. Wedberg. – New York : Russell & Russell, 1961. – 516 p. [In Engl.]

MacCormick N. Questioning Sovereignty: Law, State and Nation in the European Commonwealth / N. MacCormick. – Oxford : Oxford University Press, 1999. – 222 p. [In Engl.]

Skinner Q. Visions of Politics / Q. Skinner. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – Vol. III, Hobbes and Civil Science. – 404 p. [In Engl.]

Для цитирования:

Горбунов М. Д. Формирование современного либерального подхода к государственно-правовой системе: некоторые вопросы теории права // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3(8). С. 102–109.

Recommended citation:

Gorbunov M. D. Formation of the modern liberal approach to the state-legal system: some issues of the theory of law // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 3(8). Pp. 102–109.

Сведения об авторе

Горбунов Максим Дмитриевич – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук

E-mail: maxandgor@gmail.com

Information about author

Gorbunov Maxim Dvitrievich – Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law of Faculty of Law, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Candidate of Legal Sciences

E-mail: maxandgor@gmail.com

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 342.56(510) "19/20"

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДЕБНАЯ СИСТЕМА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 16 июля 2024 г.

Аннотация: в статье показаны актуальность и важность темы исследования, приведены различные точки зрения ученых-юристов на понятие «судебная власть». На основе действующего законодательства КНР, разнообразной учебной и научной литературы (научные статьи, монографии, диссертации и их авторефераты, энциклопедический справочник и др.) по конституционному праву зарубежных стран, сравнительному государствоведению, сравнительному правоведению и др. раскрыта структура судебной системы современного Китая, принципы судопроизводства, формирование судейского корпуса и требования к нему.

Ключевые слова: судебная власть, судебная система, национальная модель правосудия, Конституция КНР, УПК КНР, способ устройства судебной системы КНР, суды общей юрисдикции КНР, специальные суды КНР, принципы судопроизводства, судейский корпус, судебные системы Сянган (Гонконга), Аомэня (Макао) и Тайваня.

JUDICIAL POWER AND JUDICIAL SYSTEM OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE SECOND HALF OF THE XX – THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY

O. V. Kuzmina, E. L. Potseluev

Ivanovo State University

Abstract: the article presents the significance and importance of the subject of research; it provides different points of view of legal scholars on the concept of "judicial power". Based on the current legislation of the People's Republic of China, various educational and scientific literature (scientific arti-

© Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л., 2024

cles, monographs, dissertations and their abstracts, encyclopedic reference book, etc.), on constitutional law of foreign countries, comparative state science, comparative jurisprudence, etc. the paper reveals the structure of the judicial system of modern China, the principles of judicial proceedings, the formation of the judiciary and requirements for it.

Key words: judicial power, judicial system, national model of justice, PRC Constitution, PRC Code of Criminal Procedure, PRC judicial system, PRC courts of general jurisdiction, PRC special courts, principles of judicial procedure, judiciary, judicial systems of Xiangyang (Hong Kong), Aomeng (Macao) and Taiwan.

Актуальность темы исследования объясняется следующими причинами.

Во-первых, Китайская Народная Республика занимает лидирующие позиции в мире по большинству экономических показателей, является мощной высокотехнологической державой в настоящее время¹ и по прогнозам усилит свою роль в обозримом будущем.

Во-вторых, Китай является постоянным членом Совета Безопасности ООН, членом Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) и БРИКС.

В-третьих, эта страна – стратегический партнер России в наступившем тысячелетии, и две «державы “обречены” на всестороннее сотрудничество и взаимодействие друг с другом»². После начала специальной военной операции (СВО) роль нашего великого соседа в экономическом, политическом, военном, научно-техническом, культурном сотрудничестве неизмеримо выросла.

В-четвертых, чтобы лучше понять современный Китай, требуется изучить его право, так как без этого условия будет сложно или даже невозможно понять «многие внутренние механизмы, которые ложатся в основу принятия тех или иных решений, как внутри страны, так и на международной арене»³. Полагаем, что знания действующего китайского права будет для его понимания недостаточно, если не постичь правосознание, правовую ментальность и правовую культуру населения и властей Поднебесной. В связи с этим заслуживает внимания, изучения и распространения опыт Санкт-Петербургского государственного университета, в котором с 2016 г. успешно реализуется уникальная новаторская образовательная программа «Юриспруденция (с углубленным изучением китайского языка и права Китайской Народной Республики)»⁴.

¹ См.: *Лу Сэньтун*. Демократический централизм как конституционный принцип организации государственной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 3.

² *Троцинский П. В.* Юридическая ответственность по законодательству Китайской Народной Республики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 5.

³ Там же.

⁴ См.: *Малышева Н. И., Троцинский П. В.* Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект : учеб. пособие. СПб., 2022. С. 6.

В-пятых, опыт реформирования в Китайской Народной Республике весьма интересен и поучителен: сохранение руководящей роли Коммунистической партии Китая (КПК), «заимствование всего лучшего при сохранении национальных традиций»⁵. П. В. Трощинский еще десять лет назад правильно рекомендовал российским ученым-юристам внимательно изучать опыт великого соседа, чтобы верно и с пользой учитывать его в законотворческой и научной работе⁶. Совершенно очевидно, что актуальность этого призыва после начала СВО и санкционной политики коллективного Запада в отношении нашей страны, физических и юридических лиц многократно возросла.

В-шестых, в первой четверти XXI в. существует интерес к различным моделям правосудия современного мира⁷.

В-седьмых, Китай – государство-цивилизация. В последние годы Россия также понимается как государство-цивилизация, поэтому изучение, научный анализ этих великих цивилизаций, их традиций, ценностей, права, правовой культуры и юридической практики имеет первостепенное значение.

В-восьмых, судебная система КНР, правосудие республики изучены в нашей стране в гораздо меньшей степени, чем аналогичные сюжеты в романо-германской правовой семье, семье общего права, религиозной правовой семье (особенно – мусульманского права и исламской модели правосудия) и др.

Объектом исследования являются судебная власть, судебная система и правосудие.

Предмет исследования – понятие судебной власти, судебная система и правосудие КНР.

Методологическая основа исследования. В ходе работы над текстом применялись общенаучные (диалектика, анализ, синтез и системный), частно-научные и частно-правовые методы (формально-юридический, толкования норм права и др.).

Теоретическая основа исследования. Авторы опирались на публикации В. М. Лебедева, В. М. Малько, В. А. Туманова, П. В. Трощинского, В. Е. Чиркина, Т. Я. Хабриевой и других современных отечественных ученых-юристов.

Нормативная основа исследования – это действующие Конституция КНР⁸, УПК КНР⁹ и др.

⁵ Трощинский П. В. Указ. соч. С. 5.

⁶ См.: Трощинский П. В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 105.

⁷ См.: Лебедев В. М., Хабриева Т. Я. Введение // Правосудие в современном мире / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2017. С. 20.

⁸ См.: Конституция КНР (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) // Законодательство Китая. URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 04.07.2024).

⁹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс КНР 2016-01-11. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149371.htm (дата обращения: 08.07.2024).

*Состояние научной разработанности проблемы*¹⁰. *Судебная власть*.

Для изучения взглядов российских ученых на понятие, признаки, сущность, особенности судебной власти мы обратились к работам, изданным в конце XX–XXI в., в частности, к учебному пособию «Судебная власть» доктора юридических наук, профессора Ю. И. Стецовского¹¹. В учебном курсе доктора юридических наук, профессора В. Е. Чиркина «Основы сравнительного государственоведения» нас интересует глава 12 «Органы судебной власти»¹², в учебнике «Сравнительное государственоведение» кандидатов юридических наук, доцентов Л. А. Голубевой и А. Э. Чернокова – § 7 «Судебная власть» темы 6 «Механизм государственной власти»¹³. В учебнике кандидата юридических наук, доцента Г. Н. Андреевой в главе 12 «Конституционные основы судебной власти» полезным для нас является § 1 «Судебная власть: понятие, место в системе разделения властей, социальные функции»¹⁴. Особо следует выделить главу 12 «Конституционные основы судебной власти» и, главным образом, § 12 «Судебная власть в системе разделения властей» и § 2 «Судебная система» в фундаментальном учебнике «Конституционное право зарубежных стран» под редакцией докторов юридических наук, профессоров М. В. Баглая, В. И. Лейбо и Л. М. Энтина. Автор упомянутой главы – доктор юридических наук, профессор В. А. Туманов¹⁵.

Правовая система КНР. Современных отечественных и китайских ученых интересуют различные юридические проблемы КНР:

– теории права и сравнительного правоведения – источники права, эволюция правовой системы, юридическая политика и законодательство периода реформ и открытости, общая характеристика правовой системы КНР, в том числе в условиях правовой трансформации; профилирующие отрасли права (конституционное, уголовное, гражданское, административное и др.), правовой менталитет китайцев, правовые системы Сянган (Гонконга), Аомэнь (Макао) и Тайваня; правовое стимулирование активного правомерного поведения с помощью со-

¹⁰ Примечание. Авторы данной статьи кратко рассматривают лишь те работы, которые были изданы в постсоветский период. В использованных нами авторефератах кандидатских диссертаций, в работах П. В. Трощинского и других исследователей показан вклад китайских и отечественных ученых (в том числе советских) в изучение истории государства и права Китая, отдельных отраслей китайского законодательства и др.

¹¹ См.: *Стецовский Ю. И.* Судебная власть : учеб. пособие. М., 1999. 400 с.

¹² См.: *Чиркин В. Е.* Основы сравнительного государственоведения. М., 1997. С. 279–300.

¹³ См.: *Голубева Л. А., Черноков А. Э.* Сравнительное государственоведение : учебник. СПб., 2009. С. 199–218.

¹⁴ См.: *Андреева Г. Н.* Конституционное право зарубежных стран : учебник. М., 2005. С. 466–471.

¹⁵ См.: *Туманов В. А.* Конституционные основы судебной власти // Конституционное право зарубежных стран : учебник / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 384–414.

циального рейтинга, юридическая ответственность по законодательству этой страны¹⁶;

– конституционного права¹⁷ – конституционно-правовые основы политической системы (проблемы теории и практики)¹⁸, демократический централизм как конституционный принцип организации государственной власти и др.¹⁹;

– гражданского права – гражданский кодекс КНР (вступил в силу 1 января 2021 г.) и др.²⁰;

– семейного права – правовое регулирование имущественных отношений супругов²¹ и др.

Интересующая нас проблематика где-то кратко, а где-то более полно нашла отражение на страницах учебников и учебных пособий по сравнительному государствоведению, а еще чаще – по сравнительному правоведению²². В «Курсе сравнительного правоведения» доктора юридических наук, профессора Ю. А. Тихомирова один из параграфов назван «Социалистическое право. Славянское или евразийское право»²³ и КНР лишь

¹⁶ См.: Конопий А. С. Правовая система КНР в условиях цифровой трансформации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2024. 214 с.; Лю Цюсэнь. Источники права КНР и РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 28 с.; Овчинников А. И., Конопий А. С. Правовое стимулирование общественного развития и активности правосознания с помощью социального рейтинга в Китае // Труды Института государства и права РАН. Т. 18, № 3. С. 57–78; Троицкий П. В. Юридическая ответственность по законодательству Китайской Народной Республики. 32 с.; Его же. Влияние традиции на право современного Китая. С. 94–106; Его же. Эволюция правовой системы Китайской народной Республики в последние годы // Право и политика. 2015. № 5(185). С. 642–650; Его же. Правовая система Китая. М., 2016. 472 с.; Его же. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. Сер.: Право. 2016. № 3. С. 136–146; Его же. Общая характеристика правового регулирования в современном Китае // Право и государство. 2017. № 3–4. С. 157–168; Его же. Эволюция правовой системы КНР (1949–2018): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР). М., 2018. 185 с.; и др.

¹⁷ См.: Базина О. О. Конституционное право Китайской Народной Республики : учеб. пособие. М., 2022.

¹⁸ См.: Юрковский А. В. Конституционно-правовые основы политической системы Китайской Народной Республики: проблемы теории и практики. Иркутск, 2004. 196 с.

¹⁹ См.: Лу Сэньтун. Демократический централизм как конституционный принцип организации государственной власти.

²⁰ См.: Троицкий П. В. Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 4. С. 123–133.

²¹ См.: Ху Н. Правовое регулирование имущественных отношений супругов в КНР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

²² Примечание. Но были отдельные работы, в которых, видимо, по причине ограниченности объема право КНР и ряда других стран вообще не рассматривалось. См., например: Правовые системы стран мира : учеб. пособие / отв. ред. А. Ф. Черданцев. Екатеринбург, 1995. 87 с.; Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части : учеб.-практ. пособие. М., 2000. 256 с.

²³ См.: Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 124–129.

упоминается²⁴. В большой по объему главе «Правовые системы социалистических и постсоциалистических стран» (более ста страниц) в «Курсе сравнительного правоведения»²⁵ доктора юридических наук, профессора М. Н. Марченко Китай также лишь несколько раз фигурирует вместе с Северной Кореей и Кубой²⁶. Аналогичный материал (глава VIII «Правовые системы социалистических и постсоциалистических стран») ученый годом ранее опубликовал в учебнике для юридических вузов «Сравнительное правоведение. Общая часть»²⁷, и здесь также лишь единичные упоминания Китая²⁸. В учебнике А. Х. Саидова правовой системе КНР посвящено две страницы текста и три предложения об отправлении правосудия²⁹. В небольшом учебном пособии кандидата юридических наук, доцента А. Э. Чернокова четыре страницы занимает описание права современного Китая³⁰, но судебная система КНР не излагается. В учебно-методическом комплексе докторов юридических наук, профессоров А. В. Малько и А. Ю. Саломатина § 2 «Правовая система Китайской Народной Республики»³¹ главы 7 «Дальневосточная правовая семья» содержится, хотя и небольшой по объему (менее трех страниц), но важный концептуальный и конкретный статистический материал о судебной системе, количестве адвокатов, казненных за совершение преступлений, и др.

В 1996 г. вышла в свет книга классика юридической компаративистики Р. Давида и его соавтора К. Жоффре-Спинози «Основные правовые системы современности», в которой китайское право рассмотрено в разделе «Правовые системы Дальнего Востока»³². В нем примерно на шести страницах излагается законодательство КНР с 1949 по 1986 г. включительно и содержатся три предложения о принципах деятельности судебной власти и поведения населения в случае конфликтов³³.

В учебной литературе по сравнительному правоведению, написанной украинскими коллегами и опубликованной до Евромайдана, объективно излагаются многие юридические проблемы, в том числе дается краткая характеристика суда и адвокатуры в современной правовой систе-

²⁴ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 125.

²⁵ См.: Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения. М., 2002. С. 746–867.

²⁶ Там же. С. 752, 753, 781.

²⁷ См.: Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. Общая часть : учебник. М., 2001. С. 446–551.

²⁸ Там же. С. 450, 457.

²⁹ См.: Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / под ред. В. А. Туманова. М., 2000. С. 331–332.

³⁰ См.: Черноков А. Э. Введение в сравнительное правоведение : учеб. пособие. СПб., 2004. С. 158–162.

³¹ См.: Малько А. В., Саломатин А. Ю. Сравнительное правоведение. М., 2008. С. 241–248.

³² См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1996. С. 355–365.

³³ Там же. С. 360–365.

ме³⁴, судебной системы и правосудия КНР, причем с аналитикой (выделение негативных и позитивных черт деятельности судов) и статданных³⁵.

В некоторых учебных изданиях по конституционному праву зарубежных стран, построенных по страноведческому принципу, нередко есть отдельные главы, в которых освещаются основы конституционного права Китая, а в них – параграф «Органы суда и прокуратуры»³⁶.

В русском издании книги известных немецких компаративистов, профессоров К. Цвайгерта (Dr. Konrad Zweigert) и Х. Кётца (Dr. Hein Kötz) «Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права» (М., 2000) раздел «Правовая семья социалистических стран» отсутствует, поскольку, по мнению Хайна Кётца, «он устарел в связи со стремительным развитием событий». Этот раздел был написан авторами не позднее 1984 г.³⁷

Заслуживает внимания работа А. В. Юрковского «Конституционно-правовые основы политической системы Китайской Народной Республики: проблемы теории и практики», в которой один параграф (по объему он больше напоминает полноценную главу) «Правоохранительные органы в политической системе Китайской Народной Республики» содержит богатый материал об общих и специальных судах, о принципах их работы, структуре, направлениях деятельности и др.³⁸

Если брать экспертов по праву современного Китая, в том числе и по его судебной системе, то необходимо отметить ведущего научного сотрудника Института Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН) П. В. Трощинского – автора кандидатской диссертации, учебного пособия (соавтор – кандидат юридических наук, доцент Н. И. Малышева)³⁹ и многочисленных содержательных, аргументированных научных статей, которые мы активно используем. Практически во всех его публикациях есть ссылки на литературу на китайском языке. Ученый активно выступает по вышеуказанной проблематике и на международных научных конференциях, которые организованы в том числе кафедрой теории и истории государства и права Воронежского государственного университета (ВГУ) и Научно-образовательным центром юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета этого вуза.

³⁴ См.: Бехруз Х. Сравнительное правоведение : учебник. Одеса ; М., 2008. С. 198–200.

³⁵ См.: Скакун О. Ф. Общее сравнительное правоведение: основные типы (семьи) правовых систем мира : учебник. Киев, 2008. С. 415–417.

³⁶ См., например: Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 1997. С. 466–468.

³⁷ См.: Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2-х т. М., 2000. Т. 1, Основы. С. 6.

³⁸ См.: Юровский А. В. Указ. соч. С. 106–146.

³⁹ См. рецензию на эту книгу: Малиновская Н. В. Особенности китайского права : рецензия на учебное пособие Н. И. Малышевой, П. В. Трощинского «Право Китайской Народной республики: теоретико-правовой аспект» // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 128–135.

Научная новизна статьи заключается в комплексном исследовании судебной системы КНР, насколько это возможно в рамках данного текста. Комплексность в данном случае выражается в использовании разнообразной учебной и научной юридической литературы (по теории права, конституционному праву зарубежных стран, в том числе конституционному праву КНР; сравнительному государствоведению и сравнительному правоведению) и в анализе судов различных уровней, судов общей юрисдикции и специальных судов; отчасти – судейского корпуса; влияния социалистической идеологии, традиций и менталитета китайских правотворцев, правоприменителей и населения на судебную власть и судебную практику. Причем предметом исследования выбрано не историко-правовое прошлое Китая, а действующее в настоящее время законодательство, судебная вертикаль и отправление правосудия во второй половине XX в. и в особенности в первой четверти XXI в.

Судебная власть. Доктор юридических наук, профессор В. А. Туманов прав: «Независимая судебная власть по определению несовместима с самодержавным правлением (думаем, что имеется в виду абсолютная монархия. – О. К., Е. П.) и с тоталитарными режимами»⁴⁰. Полагаем, что при жестком авторитарном режиме крайне маловероятно наличие независимой судебной власти.

В. А. Туманов правильно отмечает, что система судебных органов – жестко структурированная система и др.⁴¹ Считаем, что это не относится к системе конституционных и уставных судов в РФ.

По нашему мнению, точное, содержательное определение судебной власти дают Л. А. Голубева и А. Э. Черноков. Они пишут, что «это ветвь государственной власти, представляющая собой совокупность властных отношений, возникающих в обществе для разрешения конфликтов на основе норм права в целях повышения эффективности права с помощью системы специальных органов, решения которой обеспечены принудительной силой государства»⁴².

К сожалению, российские теоретики государства и права нередко забывают про наличие международного права, его нормы и принципы, международные организации и международные региональные организации, которые имеют свои суды, а также про международные военные трибуналы и Международный уголовный суд. Все они создаются и функционируют не на основе законов, а на основе норм международного права.

«Власть суда имеет конкретизированный характер. Действуя в особой процессуальной форме (ее значение подчеркивается тем, что нарушение формы процесса может повлечь за собой отмену решения суда, которое

⁴⁰ Туманов В. А. Указ. соч. С. 384.

⁴¹ Там же. С. 385.

⁴² Голубева Л. А., Черноков А. Э. Указ. соч. С. 207.

могло быть правильным по существу), суд рассматривает и решает конкретные дела... Судебная власть принадлежит не судебному учреждению как таковому, а *судебному присутствию*», – писал в 1997 г. В. Е. Чиркин⁴³.

«Суд рассматривает и разрешает конфликты в обществе, – констатирует В. Е. Чиркин. – Это его главное назначение в отличие от других ветвей власти. Он решает дела в соответствии с законом (нормами и принципами права, так будет корректнее, потому что суды могут использовать юридические прецеденты, правовые обычаи, нормы международных договоров и т.п. – О. К., Е. П.) и внутренними убеждениями, сложившимися у судей в процессе рассмотрения дела»⁴⁴.

Г. Н. Андреева пишет, что «судебная власть реализует особую форму государственной деятельности, которая организационно оформлена как система правосудия»⁴⁵. Следует согласиться с ней в том, что судебная власть играет особую роль в конституционно-правовой системе, поскольку «именно на суды возлагается значительная часть задач по обеспечению юридических гарантий действия конституции и защиты прав и свобод»⁴⁶.

Судебная система Китайской Народной Республики. Правовые основы судебной системы КНР определены ст. 123–128 Конституции КНР 1982 г. (она действует с изменениями 1988, 1993, 1999 и 2004 гг.⁴⁷) и Законом КНР об организации народных судов 1979 г.⁴⁸ Так, в ст. 123 закреплено, что народный суд – это государственный судебный орган. В ст. 124 перечислены судебные учреждения страны: Верховный народный суд, местные народные суды, военные суды и иные специальные народные суды⁴⁹.

А. В. Юрковский не без оснований утверждает, что судебные органы выполняют в основном карательную функцию, а также призваны обеспечить перевоспитание лиц, совершивших правонарушения⁵⁰. Специалисты по правосознанию китайцев знают, что население этой страны во многом воспринимало и воспринимает право как кару, наказание и т.п.

Низовое звено местных судов. На 2008 г. их насчитывалось около 3 тыс. и они рассматривали 80 % всех дел в качестве суда первой инстанции. На этот период времени функционировало 376 судов средней инстанции – апелляционные суды по отношению к нижестоящим и в качестве первой инстанции рассматривали уголовные дела, по которым может быть

⁴³ Чиркин В. Е. Основы сравнительного государствоведения. С. 279.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Андреева Г. Н. Указ. соч. С. 466.

⁴⁶ Там же. С. 467.

⁴⁷ См.: Конституция КНР (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.).

⁴⁸ См.: Китай. Китайская Народная Республика (КНР) // Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / отв. ред. А. Я. Сухарев. 2-е изд., изм. и доп. М., 2001. С. 327.

⁴⁹ См.: Конституция КНР (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.).

⁵⁰ См.: Юрковский А. В. Указ. соч. С. 109.

вынесен смертный приговор (влекущие смертную казнь). 31 суд высшей инстанции – апелляционная инстанция для судов средней ступени и собственная юрисдикция по рассмотрению «важных дел». Верховный народный суд – «апелляционная инстанция для судов высшей ступени, кроме того, он рассматривает «важные государственные дела, а также дает процедурные указания всем нижестоящим судам»⁵¹.

Как писал В. Е. Чиркин, Специальные народные суды – это военные суды, но могут быть образованы и другие⁵², такие как суды по морским делам, суды по интеллектуальным правам, финансовые суды, интернет-суды и др.⁵³

Конституция КНР провозглашает следующие *принципы отправления правосудия*:

– независимость суда и законность («Народные суды в пределах, установленных законом, осуществляют правосудие самостоятельно, без вмешательства со стороны административных органов, общественных организаций и частных лиц» – ст. 126 Конституции КНР⁵⁴; «Народный суд в соответствии с законом независим в осуществлении правосудия... никакие административные органы, общественные организации и отдельные лица не могут вмешиваться в их деятельность» – ст. 5 УПК КНР 1979 г., с поправками 1996 г.⁵⁵);

- открытое разбирательство дел (ст. 125 Конституции КНР);
- право обвиняемого на защиту (ст. 125 Конституции КНР)⁵⁶;
- равноправие граждан при разбирательстве дел и др.

«В КНР не существует специальных административных судов; их функции выполняют действующие в общих судах палаты (коллегии) по административным делам»⁵⁷.

По мнению А. В. Малько и А. Ю. Саломатина, судебная система КНР в начале XXI в. «напоминает советскую политическую систему, т.е. судьи назначаются законодательными органами власти (советами или народными собраниями представителей) различного уровня и занимают свои должности не более двух пятилетних сроков». «Верховный народный суд осуществляет надзор за деятельностью всех нижестоящих судов, а также за специальными (военными) судами». Авторы констатируют отсутствие

⁵¹ Скакун О. Ф. Указ. соч. С. 416.

⁵² См.: Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. С. 466–467.

⁵³ См.: Малышева Н. И., Троицкий П. В. Указ. соч. С. 48.

⁵⁴ См.: Конституция КНР (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.).

⁵⁵ См.: Уголовно-процессуальный кодекс КНР 2016-01-11. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149371.htm (дата обращения: 08.07.2024).

⁵⁶ См.: Ст. 125 Конституции КНР «Разбирательство дел во всех народных судах ведется открыто, за исключением особых случаев, предусмотренных законом. Обвиняемый имеет право на защиту» // Законодательство Китая. URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 04.07.2024).

⁵⁷ Китай. Китайская Народная Республика (КНР). С. 327–328.

на конец 2007 г. (книга подписана в печать 10 декабря 2007 г.) административной юстиции, но отмечают, что «в общих судах (имеются в виду суды общей юрисдикции. – О. К., Е. П.) имеются коллегии по уголовным делам». Далее ученые утверждают: «Рассмотрение подавляющего большинства дел (за исключением несложных гражданских и малозначимых уголовных) осуществляется коллегиально»⁵⁸.

Во-первых, полагаем, что не вполне корректно сравнивать политическую систему с судебной системой, хотя бы по той причине, что они имеют разную структуру и в результате разный объем. Если политическая и правовая системы – это полисистемы, то судебная система – их часть. Конечно, политическая система в любом государственно-организованном обществе оказывает прямое или косвенное воздействие на систему судебных органов, принципы правосудия, отправление правосудия и т.п. Во-вторых, высшие органы законодательной власти имеют прямое отношение к формированию высших судебных органов не только в социалистических странах. Мы имеем в виду, например, РФ, ФРГ и др. В-третьих, в настоящее время специальные суды в КНР – это не только военные суды. В-четвертых, безусловно, наличие института народных заседателей в КНР – это явное влияние советской модели правосудия.

А. В. Малько и А. Ю. Саломатин утверждают, что «немалое количество правонарушений рассматривается не народными судьями, а *административными комиссиями*». В доказательство своего тезиса они приводят пример начала 80-х гг. XX в. За период 1981 г. и первый квартал 1982 г. в г. Цзинань было возбуждено 70 уголовных дел (хулиганство, грабежи, убийства и др.), совершенных молодежью. Народным судом было осуждено всего семь человек⁵⁹. Похвально, что авторы приводят примеры, но, во-первых, речь идет только об одном субпровинциальном городе провинции Шандунь; во-вторых, только о молодежи; в-третьих, непонятно, сколько уголовных дел было передано в суд, рассмотрено им; в-четвертых, неизвестно, были ли вынесены оправдательные приговоры.

Народные примирительные комиссии. Важную роль играют общественные и примирительные комиссии, которые есть во всех населенных пунктах, на большинстве предприятий. В 1982 г. комиссии рассмотрели более 8 млн дел, что в десять раз больше, чем рассмотрено судами за этот же период⁶⁰. Здесь авторы приводят убедительную статистику. Для специалистов в области сравнительного правоведения и для синологов очевидно проявление менталитета, характерного для дальневосточной правовой семьи (Япония до вестернизации, Китай до 1949 г., Вьетнам до образования Социалистической Республики Вьетнам и др.): профессия

⁵⁸ Малько А. В., Саломатин А. Ю. Указ. соч. С. 246.

⁵⁹ Там же. С. 247–248.

⁶⁰ Там же. С. 248.

юриста престижной в конце XX в. не являлась, обращаться в суд – это последняя мера, лучше этого не делать; во время судебного разбирательства по гражданским делам, если спор возник между соотечественниками, лучше найти компромисс и не разорить ответчика, не привести его бизнес к банкротству; «сохранить лицо», т.е. достоинство в любой ситуации. П. В. Трощинский констатирует, что в основе правовой системы КНР во втором десятилетии XXI в. «лежат глубокие исторические традиции, обычаи и нравственные категории», составляющие фундамент правотворческого процесса китайского государства, и отношения рядовых китайцев к закону и праву⁶¹. Нередко даже в сознании правоприменителя мораль стоит выше закона⁶². Исследователь делает правильный вывод о том, что необходимо в полной мере учитывать влияние древнекитайских правовых традиций, обычаев и нравственных концепций, правосознания населения, тысячелетней культуры на современную правовую систему КНР⁶³. Аналогичный вывод сделал в 2008 г. Х. Бехруз: «Примирительный характер судопроизводства, основанный на конфуцианской концепции правопонимания, продолжает оказывать влияние на функционирование судебной системы современного Китая»⁶⁴. Народные примирительные комиссии он справедливо назвал своеобразными неофициальными органами «народного правосудия». В доказательство своего вывода привел убедительные статистические данные: в 2008 г. в КНР действовало более 500 тыс. общественных примирителей, объединенных в комиссии по примирению⁶⁵.

Для правового менталитета населения таких современных государств, которые ряд компаративистов относят к дальневосточной правовой семье (Китай, Япония, Южная Корея, Монголия, Вьетнам), характерно сравнительно редкое обращение за защитой своего нарушенного права в суд и правоохранительные органы.

Судьи/судейский корпус и требования к ним. В соответствии с законодательством Китая, судьей может быть гражданин страны, достигший 23-летнего возраста, уважающий Конституцию и законодательство КНР, имеющий хорошие политические и профессиональные качества, примерное поведение, физическое здоровье и диплом об окончании юридического учебного заведения. «Прошлая судимость за совершение преступления и увольнение с государственной службы исключают возможность занимать должность судьи», – констатировал доктор юридических наук, профессор Х. Бехруз⁶⁶. Доктор юридических наук, профессор О. Ф. Ска-

⁶¹ См.: Трощинский П. В. Влияние традиции на право современного Китая. С. 94–95.

⁶² Там же. С. 100.

⁶³ Там же. С. 105.

⁶⁴ Бехруз Х. Указ. соч. С. 200.

⁶⁵ См.: Там же.

⁶⁶ См.: Бехруз Х. Указ. соч. С. 199.

кун уточняет, что должен быть диплом об окончании высшего учебного заведения⁶⁷.

В 1975 г. в Китае было всего четыре юридических факультета, причем по оценке Р. Давида и К. Жоффре-Спинози, «весьма слабых». В 1986 г. факультеты права готовили кадры уже в более чем 20 университетах страны. Самой большой проблемой был дефицит профессоров и юридической литературы в вузовских библиотеках⁶⁸. Однако Х. Бехруз считает, что в середине 80-х гг. XX в. в Китае недостаточно количество судебных органов и ощущается нехватка юридических кадров⁶⁹.

В 1999 г. в народных судах трудились 159 тыс. судей; из них 50 % рекрутированы из Народно-освободительной Армии и только 20 % имели какую-либо юридическую подготовку⁷⁰. То есть в нарушение действующего законодательства КНР правосудие отправляли в основном (80 %) лица без всякого юридического образования.

А. В. Малько и А. Ю. Саломатин утверждают, что судебная система страны слабо обеспечена кадрами. Они объясняют это последствиями правового нигилизма периода так называемой «культурной революции». По их данным, в начале нынешнего века среди судей больше всего оставших военных либо весьма молодых людей. На этот период насчитывалось примерно 100 тыс. адвокатов на 1,3 млрд человек, что, конечно, немного. Чтобы восполнить дефицит квалифицированной юридической помощи населению, Министерство юстиции стало создавать сеть центров правовой помощи. По оценке вышеуказанных ученых, финансирование таких центров явно недостаточно. Всекитайская федерация женщин и Всекитайская федерация труда также имеют свои немногочисленные центры юридической помощи⁷¹.

Судебные системы в Сянгане (бывшем Гонконге), Аомэне (бывшем Макао) и Тайване. На 2001 г. существовала самостоятельная, отдельная от общекитайской, судебная система в Специальном административном районе Сянган⁷², хотя Китай возвратил себе этот регион и Аомэнь в конце 90-х гг. прошлого столетия⁷³. Гонконг был передан КНР в 1997 г. на основании Совместной Декларации Великобритании и Китая, ратифицированной в 1984 г.⁷⁴ Согласно китайско-британским договоренностям и Основному закону этого административного района здесь функциониру-

⁶⁷ См.: Скакун О. Ф. Указ. соч. С. 417.

⁶⁸ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 363.

⁶⁹ См.: Бехруз Х. Указ. соч. С. 200.

⁷⁰ См.: Скакун О. Ф. Указ. соч. С. 416.

⁷¹ См.: Малько А. В., Саломатин А. Ю. Указ. соч. С. 247.

⁷² См.: Китай. Китайская Народная Республика (КНР). С. 328.

⁷³ См.: Трощинский П. В. Юридическая ответственность по законодательству Китайской Народной Республики. С. 4.

⁷⁴ См.: Скакун О. Ф. Указ. соч. С. 392.

ет самостоятельная судебная система⁷⁵. КНР гарантировала неизменность социально-экономической системы и «местного образа жизни» Гонконга (Сянган) до 2047 г.⁷⁶ Видимо, почти до середины нынешнего столетия в этом регионе сохранится существующая правовая система, в том числе судебная. Особенности конституционно-правового статуса Гонконга и Макао в XXI в. проанализированы в работе А. В. Юрковского⁷⁷ и в монографии П. В. Трощинского⁷⁸. Остров Тайвань номинально (де-юре) принадлежит КНР, но на островной территории продолжает функционировать правовая система, сложившаяся во времена гоминьдановского Китая⁷⁹.

Таким образом, судебная система и судопроизводство КНР в настоящее время составляет симбиоз социалистических идей и принципов, векового или даже тысячелетнего менталитета и модернизаторских элементов. Социалистические начала проявляются, в частности, в институте народных заседателей, в некоторых требованиях к кандидатам на должности судей (хорошие политические качества); правовые традиции и правовой менталитет – в примирительных комиссиях и, соответственно, примирительных процедурах. Модернизация выражается в появлении таких специальных судов, как суды по интеллектуальным правам, финансовые суды, интернет-суды, а также в ряде демократических принципов отправления правосудия (независимость суда, законность, открытое разбирательство, равноправие граждан, право обвиняемого на защиту и др.). Поэтому совершенно очевидно, что судебная система КНР развивается и усложняется. Отметим, что наличие финансовых (налоговых) судов, специализированных судов (по спорам об индустриальной собственности и др.) характерно для судебной системы ФРГ⁸⁰. Специализированные суды, в том числе коммерческие, функционируют и во Франции⁸¹, что позволяет сделать вывод о некотором сближении китайской судебной системы с судебными системами двух вышеуказанных западноевропейских стран. Рыночная экономика, объективные потребности развития приводят к созданию аналогичных институтов в разных государствах и различных правовых системах.

Библиографический список

Андреева Г. Н. Конституционное право зарубежных стран : учебник / Г. Н. Андреева. – М. : Эксмо, 2005. – 658 с.

Базина О. О. Конституционное право Китайской Народной Республики : учеб. пособие / О. О. Базина. – М. : МГИМО, 2022. – 418 с.

⁷⁵ См.: Бехруз Х. Указ. соч. С. 200.

⁷⁶ См.: Скакун О. Ф. С. 392.

⁷⁷ См.: Юрковский А. В. Указ. соч. С. 183–196.

⁷⁸ См.: Трощинский П. В. Правовая система Китая. С. 341–435.

⁷⁹ См.: Скакун О. Ф. Указ. соч. С. 392.

⁸⁰ См.: Осакве К. Указ. соч. С. 92.

⁸¹ Там же. С. 89.

Бехруз Х. Сравнительное правоведение : учебник / Х. Бехруз. – Одеса : Фенікс ; М. : ТрансЛит, 2008. – 504 с.

Голубева Л. А. Сравнительное государствоведение : учебник / Л. А. Голубева, А. Э. Черноков. – СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2009. – 557 с.

Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В. А. Туманова. – М. : Международные отношения, 1996. – 400 с.

Китай. Китайская Народная Республика (КНР) // Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / отв. ред. А. Я. Сухарев. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : НОРМА, 2001. – С. 317–328.

Конопий А. С. Правовая система КНР в условиях цифровой трансформации : дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Конопий. – Ростов н/Д, 2024. – 214 с.

Лебедев В. М. Введение / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов [и др.] // Правосудие в современном мире / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Норма, 2017. – С. 14–24.

Лу Сэньтун. Демократический централизм как конституционный принцип организации государственной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сэньтун Лу. – М., 2023. – 31 с.

Лю Цюсянь. Источники права КНР и РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Цюсянь Лю. – М., 2018. – 28 с.

Малиновская Н. В. Особенности китайского права : рецензия на учебное пособие Н. И. Малышевой, П. В. Трощинского «Право Китайской Народной республики: теоретико-правовой аспект» / Н. В. Малиновская // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2024. – № 1(6). – С. 128–135.

Малышева Н. И. Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект : учеб. пособие / Н. И. Малышева, П. В. Трощинский. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2022. – 200 с.

Малько А. В. Сравнительное правоведение / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин. – М. : Норма, 2008. – 352 с.

Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения / М. Н. Марченко. – М. : ООО «Городец-издат», 2002. – 1068 с.

Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. Учебник / М. Н. Марченко. – М. : Зерцало, 2001. – 560 с.

Овчинников А. И. Правовое стимулирование общественного развития и активности правосознания с помощью социального рейтинга в Китае / А. И. Овчинников, А. С. Конопий // Труды Института государства и права РАН. – Т. 18, № 3. – С. 57–78.

Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части : учеб.-практ. пособие / К. Осакве. – М. : Дело, 2000. – 256 с.

Правовые системы стран мира : учеб. пособие / отв. ред. А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург : Изд-во УРГЮА, 1995. – 87 с.

Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / А. Х. Саидов ; под ред. В. А. Туманова. – М. : Юристь, 2000. – 448 с.

Скакун О. Ф. Общее сравнительное правоведение: основные типы (семьи) правовых систем мира : учебник / О. Ф. Скакун. – Киев : Видавничий Дім «Ін Юре», 2008. – 464 с.

Стецовский Ю. И. Судебная власть : учеб. пособие / Ю. И. Стецовский. – М. : Дело, 1999. – 400 с.

Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения / Ю. А. Тихомиров. – М. : Норма, 1996. – 432 с.

Трощинский П. В. Влияние традиции на право современного Китая / П. В. Трощинский // Журнал российского права. – 2014. – № 8. – С. 94–106.

Трощинский П. В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе / П. В. Трощинский // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. Серия: Право. – 2016. – № 3. – С. 136–146.

Трощинский П. В. Общая характеристика правового регулирования в современном Китае / П. В. Трощинский // Право и государство. – 2017. – № 3-4. – С. 157–168.

Трощинский П. В. Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики / П. В. Трощинский // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 4. – С. 123–133.

Трощинский П. В. Эволюция правовой системы КНР (1949–2018): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР) / П. В. Трощинский. – М. : Издательский дом ВКН, 2018. – 185 с.

Трощинский П. В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики в последние годы / П. В. Трощинский // Право и политика. – 2015. – № 5(185). – С. 642–650. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.5.14906.

Трощинский П. В. Юридическая ответственность по законодательству Китайской Народной Республики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. В. Трощинский. – М., 2002. – 32 с.

Туманов В. А. Конституционные основы судебной власти / В. А. Туманов // Конституционное право зарубежных стран : учебник / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2008. – С. 384–414.

Ху Н. Правовое регулирование имущественных отношений супругов в КНР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Ху. – М., 2020. – 30 с.

Черноков А. Э. Введение в сравнительное правоведение : учеб. пособие / А. Э. Черноков. – СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2004. – 207 с.

Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран / В. Е. Чиркин. – М. : Юрист, 1997. – 568 с.

Чиркин В. Е. Основы сравнительного государствоведения / В. Е. Чиркин. – М. : Издательский дом «Артикул», 1997. – 352 с.

Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2-х т. / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – М. : Международные отношения, 2000. – Т. 1, Основы. – 480 с.

Юрковский А. В. Конституционно-правовые основы политической системы Китайской Народной Республики: проблемы теории и практики / А. В. Юрковский. – Иркутск : ИПКПР ГП РФ, 2004. – 196 с.

References

Andreeva G. N. Constitutional law of foreign countries : textbook / G. N. Andreeva. – Moscow : Eksmo, 2005. – 658 p.

Bazina O. O. Constitutional law of People's Republic of China. Studyguide / O. O. Bazina. – Moscow : MGIMO, 2022. – 418 p.

Bekhruz H. Comparative Law. Textbook / H. Bekhruz. – Odesa : Feniks ; Moscow : TransLit, 2008. – 504 p.

China. People's Republic of China (PRC) // Legal systems of the countries of the world. Encyclopedic guide / ed. by A. Ya. Sukharev. – 2nd edition. – Moscow : NORMA, 2001. – Pp. 317–328.

Chernokov A. E. Introduction to comparative law : textbook / A. E. Chernokov. – SPb. : IVESEP, Znanie, 2004. – 207 p.

Chirkin V. E. Constitutional law of foreign countries / V. E. Chirkin. – Moscow : Yurist, 1997. – 568 p.

David R. The main legal systems of our time / R. David, K. Joffre-Spinozi ; translated from French by V. A. Tumanova. – Moscow : International relations, 1996. – 400 p.

Chirkin V. E. Fundamentals of comparative state science / V. E. Chirkin. – Moscow : Publishing house "Article", 1997. – 352 p.

Golubeva L. A. Comparative State Studies : Textbook / L. A. Golubeva, A. E. Chernokov. – St. Petersburg : IVESEP, Knowledge, 2009. – 557 p.

Hu N. Legal regulation of property relations of spouses in the PRC : diss. abstract ... Cand. of Legal Sciences / N. Hu. – Moscow, 2020. – 30 p.

Konopij A. S. PRC Legal System interms of Digital Transformation : diss. ... Cand. of Legal Science / A. S. Konopij. – Rostov-on-Don, 2024. – 214 p.

Lebedev V. M. Introduction / V. M. Lebedev, T. Ya. Habrieva, A. S. Avtonomov [et al.] // Justice in modern world / eds. V. M. Lebedev, T. Ya. Habrieva. – 2nd edition. – Moscow : Norma, 2017. – Pp. 14–24.

Legal systems of the countries of the world. Textbook / ed. A. F. Cherdantsev. – Ekaterinburg : URGJUA Publishing House, 1995. – 87 p.

Lu Santun. Democratic centralism as a constitutional principle of organization of state power : diss. abstract ... Cand. of Legal Science / Santun Lu. – Moscow, 2023. – 31 p.

Lu Tsusan. Sources of law of the PRC and the Russian Federation : diss. abstract ... Cand. of Legal Science / Tsusan Lu. – Moscow, 2018. – 28 p.

Malinovskaya N. V. Peculiarities of Chinese law : a review of the textbook by N. I. Malysheva, P. V. Troshchinsky "The Law of the People's Republic of China: Theoretical and Legal Aspect" / N. V. Malinovskaya // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2024. – № 1(6). – Pp. 128–135.

Malko A. V. Comparative law / A. V. Malko, A. U. Salomatin. – Moscow : Norma, 2008. – 352 p.

Malysheva N. I. The Law of the People's Republic of China: Theoretical and Legal Perspective : study guide / N. I. Malysheva, P. V. Troshchinsky. – St. Petersburg : St. Petersburg University editor house, 2022. – 200 p.

Marchenko M. N. Comparative jurisprudence. General part. Textbook / M. N. Marchenko. – Moscow : Zertsalo, 2001. – 560 p.

Marchenko M. N. Course of comparative jurisprudence / M. N. Marchenko. – Moscow : LLC "Gorodets-izdat", 2002. – 1068 p.

Osakwe K. Comparative jurisprudence in schemes: General and Particular parts : textbook-practical guide / K. Osakwe. – Moscow : Delo, 2000. – 256 p.

Ovchinnikov A. I. Legal stimulation of social development and activity of legal consciousness with the help of social rating in China / A. I. Ovchinnikov, A. S. Konopiy // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – Vol. 18, № 3. – Pp. 57–78.

Saidov A. H. Comparative jurisprudence (the main legal systems of modernity) : textbook / A. H. Saidov ; ed. by V. A. Tumanov. – Moscow : Yurist, 2000. – 448 p.

Skakun O. F. General comparative jurisprudence: main types (families) of legal systems of the world : textbook for university students / O. F. Skakun. – Kiev : Vidavichnyi Dym "In Yure", 2008. – 464 p.

Stetsovsky Y. I. Judicial power. Study guide / Y. I. Stetsovsky. – Moscow : Delo, 1999. – 400 p.

Tikhomirov Y. A. Course of comparative jurisprudence / Y. A. Tikhomirov. – Moscow : Norma, 1996. – 432 p.

Troshchinsky P. V. Evolution of the PRC legal system (1949–2018): historical and legal aspect (with a list of the current laws of the PRC) / P. V. Troshchinsky. – Moscow : VKN Publishing House, 2018. – 185 p.

Troshchinsky P. V. Evolution of the legal system of the People's Republic of China in recent years / P. V. Troshchinsky // Law and Politics. – 2015. – No. 5(185). – Pp. 642–650. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.5.14906.

Troshchinsky P. V. General characteristics of legal regulation in modern China / P. V. Troshchinsky // Law and State. – 2017. – № 3-4. – Pp. 157–168.

Troshchinsky P. V. Influence of tradition on the law of modern China / P. V. Troshchinsky // Journal of Russian Law. – 2014. – № 8. – Pp. 94–106.

Troshchinsky P. V. Legal responsibility under the legislation of the People's Republic of China : diss. abstract ... Cand. of Legal Sciences / P. V. Troshchinsky. – Moscow, 2002. – 32 p.

Troshchinsky P. V. On question of traditional views on law in the Chinese society / P. V. Troshchinsky // Bulletin of O. E. Kutafin University. Series: Law. – 2016. – № 3. – Pp. 136–146.

Troshchinsky P. V. The first Civil Code of New China : issues of theory and practice / P. V. Troshchinsky // Problems of the Far East. – 2021. – № 4. – Pp. 123–133.

Tumanov V. A. Constitutional foundations of judicial power // Constitutional Law of Foreign Countries : textbook / V. A. Tumanov ; ed. by M. V. Baglay, Y. I. Leibo and L. M. Entin. – 2nd ed., revision and addendum. – Moscow : Norma, 2008. – Pp. 384–414.

Yurkovsky A. V. Constitutional and legal foundations of the political system of the People's Republic of China: problems of theory and practice / A. V. Yurkovsky. – Irkutsk : IPKPR GP RF, 2004. – 196 p.

Zweigert K. Introduction to Comparative Jurisprudence in the field of private law : in 2 vol. / K. Zweigert, H. Kötz. – Moscow : International Relations, 2000. – Vol. 1, Fundamentals: translated from German. – 480 p.

Для цитирования:

Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л. Судебная власть и судебная система Китайской Народной Республики во второй половине XX – первой четверти XXI века // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3(8). С. 110–128.

Recommended citation:

Kuzmina O. V., Potseluev E. L. Judicial power and judicial system of the People's Republic of China in the second half of the XX – the first quarter of the XXI century // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 3(8). P. 110–128.

Сведения об авторах

Кузьмина Ольга Владимировна – первый проректор ИвГУ, заведующий кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета ИвГУ, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: kuzolga03@mail.ru

Поцелуев Евгений Леонидович – заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека юридического факультета ИвГУ, кандидат исторических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации

E-mail: elp777@yandex.ru

Information about authors

Kuzmina Olga Vladimirovna – First Vice-Rector of Ivanovo State University, Head of Criminal Code and Procedure Department of Law Faculty, Candidate of Legal Science, Associate Professor

E-mail: kuzolga03@mail.ru

Potseluev Evgeniy Leonidovich – Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law and Human Rights, Faculty of Law, Ivanovo State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation

E-mail: elp777@yandex.ru

УДК 342.56

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕЦЕПЦИИ ПРАВА

Д. А. Ефремов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июля 2024 г.

Аннотация: в представленной научной работе исследуются особенности рецепции норм административного права и судопроизводства зарубежных государств, устанавливается проблема формирования в России системы административных судов, исследуются подходы за и против такого формирования. Кроме того, в работе выявляются позитивные практические элементы формирования административных судов в Республике Узбекистан, а также исследуется сущность и возможность рецепции методов досудебного урегулирования публично-правовых споров на примере Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административный суд, рецепция права, конфликт, спор, медиация, досудебное урегулирование, примиритель, правовая семья, правовая система.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS THROUGH THE PRISM OF THE PRESCRIPTION OF LAW

D. A. Yefremov

Voronezh State University

Abstract: in the presented scientific work the peculiarities of prescription of norms of administrative law and legal proceedings of foreign states are investigated, the problem of formation of the system of administrative courts in Russia is established, the approaches for and against such formation are studied. In addition, the work identifies positive practical elements of the formation of administrative courts in the Republic of Uzbekistan, as well as explores the essence and possibility of prescription of methods of pre-trial settlement of public-law disputes on the example of the People's Republic of China.

© Ефремов Д. А., 2024

Key words: administrative proceedings, administrative court, prescription of law, conflict, dispute, mediation, pre-trial settlement, conciliator, legal family, legal system.

На сегодняшний день в рамках института административного судопроизводства произошли значительные изменения. Начиная с 2015 г., когда был только принят Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), на его страницах появлялись новые категории дел, такие как:

- производство по делам о признании информационных материалов экстремистскими;
- производство по делам о признании запрещенной информации, размещенной в сети Интернет;
- об ограничении доступа к информационным системам и/или программам для ЭВМ, и т.д.¹

Не случайно, что вышеописанные категории дел затрагивают именно информационный компонент. Поскольку тенденции развития современного общества всё чаще заставляют обращаться к цифровым технологиям, государственному законодателю также необходимо оперативно поспевать за движением общественных отношений.

Стоит отметить, что любая правовая работа, в том числе процедура законотворчества, требует огромных ресурсов: физических, эмоциональных, технических и т.д. При многократном повторении одного и того же действия оно закрепляется в сознании деятеля и начинает передаваться «из уст в уста». В результате вырабатывается устойчивая модель поведения, проверенная временем и подтвержденная на практике. То же относится и к процедуре принятия новых законов либо поправок к ним. По такой же устоявшейся схеме работает большинство государственных органов, органов публичной власти.

Известный ученый-административист Ю. Н. Стариков в своей работе «Консерватизм в правовой политике...» говорил, что консервативные, равно как и либеральные методы и подходы в построении административной системы вполне способны претворить в жизнь повсеместную модернизацию системы административного права. Ю. Н. Стариков придерживался мнения, что управленческая (административная) деятельность всегда должна сопровождаться оценкой как собственных сил, механизмов регулирования, так и зарубежного опыта реформирования административных систем².

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. Федерального закона № 74-ФЗ от 06.04.2024 г.) // Российская газета. 2015. № 49. 11 марта.

² См.: *Стариков Ю. Н.* Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1(52). С. 8.

Для того чтобы положить начало процессу заимствования зарубежного опыта, необходимо обратиться к теоретическим знаниям, чтобы лучше понять значение данного процесса. Согласно толковому словарю Д. И. Ушакова, под рецепцией стоит понимать деятельность по усваиванию и адаптации норм, правил поведения, механизмов функционирования чего-либо, возникших в другой общественной среде, под собственную среду³.

Как правило, рецепция подразумевает под собой заимствование позитивного опыта, который был выработан иностранным государством на почве решения той или иной проблемы, урегулирования общественных отношений. Для разрешения проблемы стороны конфликта зачастую обращаются в судебные органы, пренебрегая процедурой досудебного примирения, зачастую от незнания о существовании таковой.

К сожалению, судебная система РФ не подразумевает наличие специализированных административных судов. В начале XXI в. Верховным Судом РФ была предпринята попытка инициировать процесс создания таких судов, для чего им был подготовлен проект ФКЗ «О федеральных и административных судах в Российской Федерации».

Но, к сожалению, данная процедура не возымела успеха, и в 2013 г. законопроект был снят с рассмотрения Государственной Думой ФС РФ⁴. После принятия КАС РФ в 2015 г. вопрос о создании административных судов в РФ перестал быть предметом повестки дня государственного законодателя.

Если обратиться к зарубежному опыту по созданию административных судов, то нельзя не отметить попытку Республики Узбекистан, которая преуспела в создании такого судебного органа. Опираясь на нормативно-правовую базу данного государства, можно выделить следующие ключевые нормативно-правовые акты, регламентирующие создание административных судов.

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 21 октября 2016 г. № УП-4850 «О мерах по дальнейшему реформированию судебной системы, усилению гарантий надежной защиты прав и свобод граждан». Настоящим указом президент Республики поручил Верховному Суду, Высшему хозяйственному суду, Генеральной прокуратуре Республики проработать ряд предложений, которые бы учитывали опыт других государств по созданию административных судов, которыми бы

³ См.: Ушаков, Дмитрий Николаевич : материал из Википедии – свободной энциклопедии : версия 10529869, сохран. в 12:55 UTC 18 августа 2008 / Авторы Википедии // Википедия, свободная энциклопедия. Сан-Франциско, 2008. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10529869>

⁴ О федеральных административных судах в Российской Федерации : проект федерального конституционного закона № 7886-3 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.11.2000). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2024).

предусматривалась возможность по созданию таких судов в самой Республике Узбекистан⁵.

Данный факт является наглядным подтверждением работоспособности рецепции права как явления в правовой среде вышеупомянутого государства.

2. Указ Президента Республики Узбекистан от 21 февраля 2017 г. № УП-4966 «О мерах по коренному совершенствованию структуры и повышению эффективности деятельности судебной системы Республики Узбекистан»⁶.

Этим документом предполагалось учреждение коллегии по административным делам в структуре Верховного Суда Республики, а также наделение ее статусом высшего органа судебной власти в контексте рассмотрения административных дел. Впоследствии под эгидой данного указа был принят Кодекс Республики Узбекистан об административном судопроизводстве.

По мнению О. В. Брежнева, структура административных судов Республики Узбекистан включает в себя следующие элементы.

1. Самый низший уровень судов включает в себя городские/районные административные суды. Отличительной особенностью такого суда является наличие в его составе всего двух сотрудников: председателя суда и обычного судьи. В процессе разрешения административных дел суд руководствуется принципом единоличного рассмотрения, при котором председатель суда не вмешивается в деятельность своего коллеги, и наоборот.

2. Средний уровень представлен административными судами Республики Каракалпакстан и города Ташкента. Важнейшей особенностью данного уровня судов является их возможность истребовать материалы и дела из городских судов, чтобы приступить к их рассмотрению в качестве суда первой инстанции. Помимо этого, суды среднего уровня обладают полномочиями по рассмотрению апелляционных и кассационных жалоб заявителей, причем такое рассмотрение базируется на принципе взаимоисключения. В таком случае перед потенциальным заявителем встает выбор: обращаться сразу в кассационную инстанцию либо пытаться обжаловать судебный акт в апелляционной инстанции, что отражено в содержании ч. 1 ст. 224 КАС Республики Узбекистан⁷.

⁵ О мерах по дальнейшему реформированию судебно-правовой системы, усилению гарантий надежной защиты прав и свобод граждан : Указ Президента Республики Узбекистан от 21 октября 2016 г. № УП-4850. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2024).

⁶ О мерах по коренному совершенствованию структуры и повышению эффективности деятельности судебной системы Республики Узбекистан : Указ Президента Республики Узбекистан от 21 февраля 2017 г. № УП-4966. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2024).

⁷ Кодекс Республики Узбекистан об административном судопроизводстве от 26 января 2018 г. № 02/18/АПК/0627 (в ред. Закона РУз от 27.02.2024 г. № ЗРУ-915) // Нацио-

3. Высший уровень содержит в себе только один судебный орган – Верховный Суд Республики Узбекистан, который рассматривает административные дела в коллегиальном составе в качестве первой инстанции. Специализированная судебная коллегия по административным делам, созданная на базе Верховного Суда, рассматривает дела в качестве надзора по отношению к низшему и среднему уровням административных судов.

По аналогии с Верховным Судом РФ Верховный Суд Республики Узбекистан также включает в себя Президиум. В рамках рассмотрения административных дел Президиум уполномочен пересматривать дела в качестве надзорной инстанции, включая судебные акты Верховного Суда (как первой, так и апелляционной/кассационной инстанций)⁸.

Вместе с тем, не все отечественные ученые-административисты согласны с необходимостью внедрения административных судов. Свою точку зрения по данному вопросу выражал Е. Б. Лупарев, который полагал, что сформировавшаяся судебная система РФ испытывает существенное волнение в процессе формирования отдельной «ветви» административных судов, поскольку данное разделение будет сопровождаться резкой перестановкой кадров, распределением бюджета, постройкой новых зданий и прочими издержками⁹.

Р. А. Подопригора придерживается другой точки зрения, к которой он пришел в результате комплексного анализа проблемы формирования административных судов в Республике Казахстан. Многие условия формирования данных судов в упомянутом государстве схожи с теми, которые наблюдаются в России на данный момент времени. Позиция ученого содержит следующий ряд тезисов относительно сложности учреждения административных судов в РФ.

1. Необходимость конкретизации принципов административного судопроизводства, предназначенной облегчить понимание сущности судебного процесса с органами публичной власти / должностными лицами.

2. Необходимость усиления значимости активной роли суда в рассмотрении административных дел; фиксирования исчерпывающего перечня полномочий/действий суда в контексте активного участия в отправлении правосудия.

3. Осуществление переподготовки/повышения квалификации тех судей, которые будут распределены в сформированную систему административных судов. В краткосрочной перспективе данная проблема окажет наиболее серьезное влияние на судейский состав, поскольку его членам

нальная база данных законодательства Республики Узбекистан». 2018. № 02/18/АПК/0627. 26 января.

⁸ См.: Брежнев О. В. Становление системы административных судов в Республике Узбекистан: проблемы и перспективы // Российский судья. 2020. № 10. С. 31–35.

⁹ См.: Лупарев Е. Б. Административные суды: эволюция или революция? // Российская юстиция. 2003. № 5.

придется в спешном порядке осуществлять дополнительную подготовку/переподготовку¹⁰.

Подводя итог данной части настоящего исследования, следует сделать вывод о том, что внедрение зарубежного опыта и идей не всегда должно сопровождаться кардинальной перестройкой нормативной базы государства. Республика Узбекистан, как и Российская Федерация, принадлежит к романо-германской правовой семье, в которой источником права является нормативно-правовой акт. Пребывание в одной системе права, а также тесное сотрудничество двух государств может позволить процессу рецепции проходить наиболее комфортным для РФ способом. Создание административных судов позволит снять излишнюю нагрузку на судебную систему РФ, повысит качество отправления правосудия.

Мнение автора по вышеописанной части исследования заключается в том, что введение системы административных судов в Российской Федерации неизбежно будет сопряжено со многими трудностями как правового, так и организационно-бытового характеров. Автор полагает, что для решения указанной проблемы специалистам в области административного права надлежит объединить свои усилия, провести объемное сравнительно-правовое исследование по извлечению практического опыта работы административных судов в тех государствах, в которых они были успешно учреждены и осуществляют свою работу.

Продолжая разговор о возможности заимствования позитивного опыта для совершенствования системы административного права, необходимо выделить подход Китайской Народной Республики. Уникальность китайского подхода к правосудию заключается в преобладании примирительных процедур, к которым прибегают граждане данного государства вместо классического судебного разбирательства.

Ученый-востоковед А. В. Егоров справедливо замечал, что в отличие от большинства стран мира, китайская система права базировалась в основном на идеологических и культурных принципах, обычаях и традициях¹¹.

Преобладающим учением на всем пути исторического развития Китая является конфуцианство. Согласно его постулатам, правитель в государстве должен быть мудрым и смелым, преданным целям блага государства и общества. Как отмечала О. В. Шубаро, правитель как «совершенный муж» должен стоически относиться к потребностям личным, удовлетворяя прежде всего потребности своего народа¹².

¹⁰ См.: *Подопригора Р. А.* Административная юстиция в Казахстане: история, состояние, перспективы // *Право и государство*. 2014. № 4.

¹¹ См.: *Егоров А. В.* Китайская правовая система в оценке традиционного китайского права // *Международное право и сравнительное правоведение*. 2006. № 2. С. 171–177.

¹² См.: *Шубаро О. В.* Традиционная правовая система в Китае и современность // Третья международная научная конференция «Беларусь – Китай. Китай в современном мире». Минск : БГУ, 2011. Вып. 11 // Электронная библиотека БГУ : сайт. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11929> (дата обращения: 06.07.2024).

Что касается рецепции позитивного опыта, по мнению автора, отечественному законодателю стоит обратить внимание на такой значимый инструмент в культуре разрешения конфликтов в Китае, как институт досудебного примирения. Как отмечала Ю. В. Сорокина, правовое поле Китая на сегодняшний день пронизано нормами, свойственными романо-германской правовой семье, семье общего права, а также собственной культурно-идеологической системе, упомянутой выше. Несмотря на это, Ю. В. Сорокина подчеркивает, что, несмотря на обилие правовых норм и принципов, пришедших в КНР из-за рубежа, правовое поле государства остается верным своим исконным «стандартам и устоям»¹³.

Одним из таких стандартов является ранее упомянутый институт досудебного урегулирования конфликта. По-другому ученые-юристы называют его медиацией. По сравнению с аналогичным институтом в России, его аналог в Поднебесной занимает более значимую позицию. Согласно мнению А. В. Егорова, а также ряда других ученых-востоковедов, китайская медиация направлена на всевозможное «недостижение» судебного разбирательства сторонами конфликта. Исходя из менталитета граждан Поднебесной, судебное дело представлялось им как нечто чуждое и несправедливое. Именно поэтому граждане Китая стремятся обращаться за помощью профессиональных примирителей, дабы избежать судебных тяжб и достичь компромисса со стороной-оппонентом в образовавшемся споре.

Исследуя труд китайского юриста Лю Цюсяня «Обычное право в системе источников права современного Китая», необходимо подчеркнуть, что примирители выстраивают свою работу с доверителями на следующих началах.

1. Образовавшийся спор разрешается с оглядкой на культурный и обычный контекст, учитываются традиции и, своего рода, «примирительная практика», зависящая от места зарождения конфликта.

2. Медиаторы стараются всесторонне и основательно исследовать образовавшуюся проблему доверителя и его оппонента, что требует познаний не только в области правовых дисциплин, но и психологии человека.

3. Частично медиаторы используют методики манипуляции, призывая стороны конфликта не доводить дело до суда, поскольку судебные тяжбы могут затянуться на очень долгое время, что приведет к обильной денежной, физической и психологической нагрузкам у сторон конфликта¹⁴.

¹³ Сорокина Ю. В. Правовая система Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3(99). С. 55–66.

¹⁴ См.: Лю Цюсянь. Обычное право в системе источников права современного Китая // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2017. № 4 // Cyberleninka : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obychnoe-pravo-v-sisteme-istochnikov-prava-sovremennogokitaya> (дата обращения: 07.07.2024).

Изучив приведенные выше доводы, автор полагает, что применимо к российской модели разрешения юридических конфликтов является возможной рецепция многих норм и методик КНР по досудебному урегулированию конфликта.

В частности, автором предлагается осуществить следующий комплекс действий, направленный на заимствование позитивного опыта Китая.

1. Создать программы дополнительного образования на базе высших учебных заведений юридического профиля по всей России, целью которых станет подготовка профессиональных специалистов-примирителей. Задачей таких специалистов станет усиленное изучение дисциплин государственно-правового, публично-правового блоков.

2. Усилить роль судебного примирения в административном судопроизводстве, посредством внесения дополнений в содержание ст. 137.5 КАС РФ. Данные поправки могли бы содержать в себе положения, закрепляющие обязанность суда по разъяснению сторонам их права об окончании образовавшегося конфликта посредством процедуры медиации, усилить активную роль суда по склонению сторон к мирному урегулированию конфликта.

3. Если систему административных судов в России удастся реализовать и таковые суды будут учреждены, то необходимо закрепить за каждым таким судебным органом своего примирителя. При необходимости данный примиритель может быть привлечен к участию в деле непосредственно в ходе самого судебного разбирательства.

В дополнение к вышесказанному автор хочет отметить, что в последние годы сотрудничество России и Китая достигло своего пика. Внешняя политика России целиком и полностью развернута на восток, что привело к тесному и плодотворному сотрудничеству двух держав. Учитывая весь культурно-исторический контекст формирования китайской правовой системы, основополагающим источником права в Китае все же является закон, аналогично тому, как он является источником права в России.

Схожесть данных черт, по мнению автора, значительно упростит потенциальный процесс рецепции норм Китая, призванный облегчить течение административного судопроизводства в России.

Поскольку одной из сторон данного вида судебного разбирательства, согласно отечественному законодательству, всегда является орган государственной власти как субъект публичного права, состоящий в неравных отношениях с административным истцом, привлечение профессионального медиатора позволит облегчить течение судебного процесса. Медиатор, основываясь на умениях и навыках, полученных в ходе подготовки, описанной выше по тексту, сможет корректно сформировать позицию, удовлетворяющую стороны, приводящую их к достижению компромисса.

Подводя итог, надлежит сказать, что активное развитие права в России и Китае, являющихся партнерами в рамках международных отноше-

ний, несомненно, может сыграть на руку их сотрудничеству в сфере обмена правовыми ценностями и стандартами и их заимствования.

Сфера административных и иных публичных правоотношений на сегодняшний день разработана достаточным образом, чтобы безболезненно провести процедуру рецепции права и практического опыта государств, упомянутых в настоящем исследовании, таких как Республика Узбекистан и Китайская Народная Республика.

Автор считает, что сложности, стоящие на пути реформирования или дополнения института административного судопроизводства в России, во многом связаны с консервативными подходами и устоявшимися стандартами правового поля РФ. Предлагаемые в данном научном исследовании методы и способы по совершенствованию института административного судопроизводства рассчитаны на постепенное внедрение в область административного права, дабы исключить или существенно снизить риск отторжения элементов процедуры рецепции права.

Библиографический список

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. Федерального закона № 74-ФЗ от 06.04.2024 г.) // Российская газета. – 2015. – № 49. – 11 марта.

О федеральных административных судах в Российской Федерации : Проект федерального конституционного закона № 7886-3 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.11.2000). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2024).

Кодекс Республики Узбекистан об административном судопроизводстве от 26 января 2018 г. № 02/18/АПК/0627 (в ред. Закона РУз от 27.02.2024 г. № ЗРУ-915) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан». – 2018. – № 02/18/АПК/0627. – 26 января.

О мерах по дальнейшему реформированию судебной системы, усилению гарантий надежной защиты прав и свобод граждан : Указ Президента Республики Узбекистан от 21 октября 2016 г. № УП-4850. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2024).

О мерах по коренному совершенствованию структуры и повышению эффективности деятельности судебной системы Республики Узбекистан : Указ Президента Республики Узбекистан от 21 февраля 2017 г. № УП-4966. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2024).

Ушаков, Дмитрий Николаевич : материал из Википедии – свободной энциклопедии : версия 10529869, сохран. в 12:55 UTC 18 августа 2008 / Авторы Википедии // Википедия, свободная энциклопедия. – Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2008. – URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10529869>

Брежнев О. В. Становление системы административных судов в Республике Узбекистан: проблемы и перспективы / О. В. Брежнев // Российский судья. – 2020. – № 10. – С. 31–35.

Егоров А. В. Китайская правовая система в оценке традиционного китайского права / А. В. Егоров // Международное право и сравнительное правоведение. – 2006. – № 2. – С. 171–177.

Лунарев Е. Б. Административные суды: эволюция или революция? / Е. Б. Лунарев // Российская юстиция. – 2003. – № 5.

Лю Цюсэнь. Обычное право в системе источников права современного Китая / Лю Цюсэнь // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. – 2017. – № 4 // Cyberleninka : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obychnoe-pravo-v-sisteme-istochnikov-prava-sovremennogokitaya> (дата обращения: 07.07.2024).

Подопригора Р. А. Административная юстиция в Казахстане: история, состояние, перспективы / Р. А. Подопригора // Право и государство. – 2014. – № 4.

Сорокина Ю. В. Правовая система Китая / Ю. В. Сорокина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3(99). – С. 55–66. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-55-66.

Старилов Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений / Ю. Н. Старилов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. – 2023. – № 1(52). – С. 8.

Шубаро О. В. Традиционная правовая система в Китае и современность / О. В. Шубаро // Третья международная научная конференция «Беларусь – Китай. Китай в современном мире». – Минск : БГУ, 2011. – Вып. 11 // Электронная библиотека БГУ : сайт. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11929> (дата обращения: 06.07.2024).

References

Code of administrative legal proceedings of the Russian Federation from 08.03.2015 № 21-FZ (in ed. Federal Law № 74 FZ from 06.04.2024) // Rossiyskaya Gazeta. – 2015. – № 49. – March 11.

Code of the Republic of Uzbekistan on administrative proceedings from 26.01.2018 № 02/18/APC/0627 (in the edition of the Law of RUz from 27.02.2024 № ZRU-915) // National database of legislation of the Republic of Uzbekistan. – 2018. – No. 02/18/APK/0627. – January 26.

On federal administrative courts in the Russian Federation : Draft Federal Constitutional Law No. 7886-3 (ed., adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the first reading on 22.11.2000). – Mode of access: SPS "ConsultantPlus" (Date of access: 06.07.2024).

On measures to further reform the judicial and legal system, strengthening the guarantees of reliable protection of the rights and freedoms of citizens : Decree of the President of the Republic of Uzbekistan from 21.10.2016 № UP-4850 // Mode of access: SPS "ConsultantPlus" (Date of access: 06.07.2024).

On measures to radically improve the structure and increase the effectiveness of the judicial system of the Republic of Uzbekistan : Decree of the President of the Republic of Uzbekistan from 21.02.2017 № UP-4966. – Mode of access: JPS "ConsultantPlus" (Date of access: 06.07.2024).

Ushakov, Dmitry Nikolaevich: Material from Wikipedia, the free encyclopedia : version 10529869, retained at 12:55 UTC 18 August 2008 / Wikipedia authors // Wikipedia, the free encyclopedia. – San Francisco : Wikimedia Foundation, 2008. – URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10529869>

Brezhnev O. V. Becoming a system of administrative courts in the Republic of Uzbekistan: problems and prospects / O. V. Brezhnev // Russian judge. – 2020. – № 10. – С. 31–35.

Egorov A. V. Chinese legal system in the assessment of traditional Chinese law / A. V. Egorov // International Law and Comparative Jurisprudence. – 2006. – № 2. – P. 171–177.

Liu Qiusen. Customary law in the system of sources of law of modern China Qiusen Liu // Vestnik of Moscow University. Ser. 11, Law. – 2017. – No. 4 // Cyberleninka : website. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obychnoe-pravo-v-sisteme-istochnikov-prava-sovremennogokitaya> (Date of access: 07.07.2024).

Luparev E. B. Administrative courts: evolution or revolution? / E. B. Luparev // Russian Justice. – 2003. – № 5.

Podoprigora R. A. Administrative justice in Kazakhstan: history, status, prospects / R. A. Podoprigora // Law and State. – 2014. – № 4.

Shubarо O. V. Traditional legal system in China and modernity / O. V. Shubarо // 3rd International Scientific Conference "Belarus – China. China in the modern world". – Minsk : BSU, 2011. – Iss. 11 // BSU Electronic Library : website. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11929> (Date of access: 06.07.2024).

Sorokina Y. V. Legal system of China / Y. V. Sorokina // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3(99). – P. 55–66. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-55-66.

Starilov Y. N. Conservatism of legal policy as a guarantee of progress in the sphere of administrative and other public legal relations / Y. N. Starilov // Vestnik of Voronezh State University. Ser.: Law. – 2023. – № 1(52). – С. 8.

Для цитирования:

Ефремов Д. А. Развитие института административного судопроизводства через призму рецепции права // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3(8). С. 129–139.

Recommended citation:

Yefremov D. A. Development of the institute of administrative proceedings through the prism of the prescription of law // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 3(8). Pp. 129–139.

Сведения об авторе

Ефремов Дмитрий Андреевич – аспирант кафедры административного и административного процессуального права юридического факультета Воронежского государственного университета.

E-mail: efremov-112debax3@mail.ru

Information about author

Yefremov Dmitry Andreevich – Postgraduate Student of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law of Voronezh State University

E-mail: efremov-112debax3@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

УДК 342.9

ОБЗОР ТРЕТЬЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА – 2024» (Воронежский государственный университет, 15 марта 2024 г.)

В. А. Сиринько, Д. С. Шелестов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 июля 2024 г.

Аннотация: в обзоре представлены тезисы докладов участников Третьей международной научно-практической конференции «Юридические конфликты современного мира – 2024», состоявшейся на базе Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета 15 марта 2024 г.

Ключевые слова: юридическая антропология, юридическая конфликтология, юридический конфликт, медиация, примирительные процедуры, судебное примирение, суды аксакалов, конфликт идеологий, гражданское общество, сотворчество государства и гражданского общества, правовое сотворчество, правовой конфликт, цифровая среда, цифровизация.

© Сиринько В. А., Шелестов Д. С., 2024

THE REVIEW OF THE THIRD INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “LEGAL CONFLICTS OF THE MODERN WORLD – 2024” (Voronezh State University, March 15, 2024)

V. A. Sirinko, D. S. Shelestov

Voronezh State University

Abstract: the review presents the abstracts of the reports of the participants of the Third international scientific and practical conference "Legal Conflicts of the Modern World – 2024", held on the basis of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of the Faculty of Law of Voronezh State University (March 15, 2024).

Key words: legal anthropology, legal conflictology, legal conflict, Mediation, conciliation procedures, judicial reconciliation, courts of elders, conflict of ideologies, civil society, co-creation of the state and civil society, legal co-creation, legal conflict, digital environment, digitalization.

15 марта 2024 г. в Воронежском государственном университете прошла Третья международная научно-практическая конференция «Юридические конфликты современного мира – 2024».

С приветственным словом к участникам конференции обратилась заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ВГУ, доктор юридических наук, профессор С. Н. Махина, которая отметила, что конфликтологическая тематика является актуальнейшей в современный период, вместе с тем она не может быть рассмотрена полностью в рамках одной научной отрасли. Только совместными усилиями ученых различных направлений можно добиться создания эффективных технологий разрешения конфликтов и снижения конфликтогенности.

Малько Александр Васильевич, главный научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, выступил с темой: «Усиление сотрудничества государства и гражданского общества как одна из форм предупреждения и снижения конфликтов» (Доклад подготовлен за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>).

Автор подчеркнул необходимость усиления правового сотворчества государства и гражданского общества для предотвращения и уменьше-

ния интенсивности конфликтов, особенно в условиях международного переустройства, в современных российских реалиях, СВО.

К сожалению, процесс взаимодействия государства и гражданского общества пронизан всесторонними конфликтами, при этом важно подчеркнуть, что сотрудничество и конфликты являются парными категориями. Указанное означает, что это:

1) две формы взаимодействия в рамках государственно-правовой жизни общества;

2) прямо противоположные (взаимоисключающие) формы взаимодействия гражданского общества и государства;

3) внутренне диалектически связанные (обладающие неким единством и общей основой) формы взаимодействия;

4) взаимопроникающие, при определенных условиях переходящие друг в друга формы взаимодействия;

5) их специфическое сочетание влияет на развитие государственно-правовой жизни общества.

Автор полагает, что аспекты диалектики сотрудничества и конфликта самым прямым образом относятся к проблеме сотрудничества и конфликтов государства и гражданского общества. Более того, данные аспекты выступают для них методологическими, по сути требующими учитывать, что чем больше в системе сотрудничества, тем меньше конфликтов, и наоборот.

Упоминая преобразования 1990-х гг., Александр Васильевич разъяснял, что развитие гражданского общества привело к соответствующему ослаблению государства. Для многих представителей либеральных кругов борьба за гражданское общество стала борьбой против государства. Идеи гражданского общества использовались как своеобразное оружие против российской власти. Разумеется, власть необходимо ограничивать в целях недопущения злоупотребления ею, это нормально для правового государства, между тем, в тот период деструктивная часть гражданского общества входила в эскалацию с государством и общественными патриотическими силами.

В последние годы стали усиливаться сотрудничество между властью и институтами гражданского общества, укрепляться партнерские отношения внутри самого социума, что позволило предупредить и минимизировать ряд политико-правовых конфликтов.

Существенную роль в этом сыграла конституционная реформа. Так, 1 июля 2020 г. в Конституцию РФ внесли поправки, которые установили важнейшие приоритеты современной российской государственности. Среди них статья 75.1, которая гласит, что в Российской Федерации создаются условия, в том числе для взаимного доверия государства и общества, обеспечивается социальное партнерство, экономическая, политическая, социальная солидарность.

В статье 114 Конституции РФ появилось упоминание о задачах Правительства РФ по поддержке институтов гражданского общества, в частности о том, что оно обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики.

Эти и другие поправки, по сути, результат правового сотворчества государственных и общественных структур, так как они были одобрены масштабным общенародным голосованием.

Правовое сотворчество – это определенная разновидность социально-правового сотрудничества между органами публичной власти и институтами гражданского общества, в рамках которого они совместно участвуют в правотворческом процессе для достижения его целей.

Правовое сотворчество – формирующееся понятие, которое позволяет включать в себя и обобщать ряд иных понятий, отражающих определенные формы и механизмы вовлечения населения в современное правотворчество. Другими словами, правовое сотворчество развивает как теорию правотворчества, так и, например, народовластия.

Патриотические силы российского гражданского общества, усиливая сотрудничество с органами публичной власти в сфере противодействия деструктивным социальным структурам, предотвращают огромное количество политико-правовых конфликтов, которые могли возникнуть и привести к негативным последствиям.

Глухова Александра Викторовна, профессор кафедры социологии и политологии юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор политических наук, профессор, выступила с докладом на тему: «Институционализированное посредничество и медиация как механизм профилактики конфликтной деструкции».

Начиная свою речь, автор выразила согласие с мнением А. В. Малько, что усиление сотрудничества государства и гражданского общества действительно является одной из форм предупреждения и снижения количества конфликтов, их профилактики или редукции.

Александра Викторовна заострила внимание участников конференции на том, что для понимания специфики посреднической деятельности в широкой ее трактовке, как сети агентов, институтов, действующих в целях налаживания коммуникации между государством и различными общественными структурами, применение медиации в более локальном ее понимании надлежит рассматривать как один из структурных элементов налаживания сотрудничества государства и гражданского общества.

Наука конфликтологии считает непререкаемым постулатом тезис о том, что конфликт как неизменная черта социальной жизни, общественных отношений в целом наиболее релевантен открытому, плюралистическому обществу, отличительными чертами которого являются автоном-

ная социальная и политическая активность населения, высокая степень доверия и вытекающая из этого способность к созданию ассоциаций, конкуренция в рамках определенных, разделяемых всеми субъектами социального взаимодействия правил игры, неопределенность результатов этого соперничества при определенности процедур, рациональность и культура гражданственности.

Глухова А. В. привела определение «конфликтологическая парадигма мировосприятия». Смысл такой парадигмы заключается в следующем.

1. Признать плюрализм различных интересов людей, существующих в обществе.

2. Признать правомерность интересов другой группы или индивида, даже если они противоречат собственным интересам. Автор подчеркивает, что это не означает полное признание интересов иных лиц. Это означает, что признается их право иметь интерес, отличный от собственного.

Обращая внимание на зарубежный опыт взаимодействия государства и гражданского общества, автор отметила позитивный опыт как формального, так и неформального сотрудничества.

В частности, опыт США построен на активном использовании прикладных практик, поскольку они финансируются не только государством, но и бизнес-структурами. Если посмотреть на опыт Японии, то можно увидеть, что достигаемые в ходе посредничества договоренности не рассматриваются как постоянные, но являются источником новых возможных разногласий и конфликтов, а значит и новых компромиссов, новых договоренностей. То есть конфликтная парадигма не может трактоваться как исследование исключительно конфликтов, вне способов и методов их урегулирования.

Если рассматривать историческое развитие общественных наук, то мы увидим, что конфликтологическое знание всегда соперничало с интегративной моделью построения общества: состояние общественного согласия, интеграции всегда рассматривалось как приоритетное, тогда как конфликт интерпретировался как аномалия, патология и беспорядок.

Вместе с тем, проблема конфликта не менее комплексна, чем проблема интеграции, согласия в обществе. Это предполагает ее решение при помощи нескольких методологических подходов в рамках междисциплинарного анализа. Конфликтную и консенсусную модели общества следует рассматривать не как взаимоисключающие, но как взаимодополняющие друг друга.

Автор подчеркивает, что, безусловно, необходимо признавать право оппонента на собственную точку зрения. Это единственный путь к тому, чтобы снизить деструкцию и сделать переговорные практики постоянным и стабильным механизмом регулирования общественных отношений.

Конфликт идеологий на примере правовой глобализации и международной правовой регионализации раскрыл в своем докладе Арзамасов Юрий Геннадьевич, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗИСП при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Автор полагает, что одним из направлений изучения науки юридической конфликтологии является анализ конфликта идеологии. Он отметил, что в Российском государстве, на протяжении многих веков его существования, особую роль играла идеология, которая была основана на различных идеях: православии, монархизме, патриархальной теории государства, собирания русских земель, целостности государства и др.

Затрагивая исторический аспект, автор разъяснил, что противостояние идеологии России и Запада зародилось на основе разрыва христианства: католицизма и православия. В СССР сталинская идеология отличалась от общей марксистско-ленинской идеологии, что подкреплялось культом личности, всеобщим почитанием вождя. Россия всегда была идеологизированной страной, или даже, как говорят теоретики права, например, Жан Луи Бертель, заидеологизированным государством, входящим в романо-германскую правовую семью.

Начиная с 90-х гг. прошлого века, распространение получила теория глобализации. Вместе с тем, глобализация подошла к пределу своего существования, так как работает в большей степени на однополярный мир. Транснациональные компании сегодня представляют серьезную опасность национальным государствам, их политическим, экономическим и правовым системам. Процессы глобальной цифровизации стали серьезной угрозой в виде программ и платформ IT-компаний, которые зачастую оказывают отрицательное влияние на граждан, формирующееся мировоззрение подростков.

В настоящее время нарастает конфликт идеологий глобализации и регионализации. Автор полагает удачным определение регионализации – как процесса перехода от относительной разрозненности и отсутствия сотрудничества к расширению сотрудничества, интеграции, конвергенции, взаимодополняемости и формированию идентичности в различных областях.

В качестве примера международной правовой регионализации автор привел принятие Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ модельных законов, что являлось здоровой практикой регионализации.

Между тем, он отметил, что главной чертой регионализации должно быть партнерское сближение, а не правовая экспансия.

Карасева (Сенцова) Марина Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права юриди-

ческого факультета Воронежского государственного университета, заместитель декана по международному сотрудничеству, заслуженный работник высшей школы России, обозначила тему своего доклада как: «Современные особенности финансово-правовых конфликтов».

Исследуя выбранную проблему, автор справедливо заметила, что говорить о финансово-правовых конфликтах, да и вообще о любых отраслевых конфликтах, можно с точки зрения общетеоретического сегмента в двух аспектах. С одной стороны, с позиции конфликтов, возникающих в правоотношениях и проявляющихся в правоприменении и правотворчестве, с другой стороны, с позиции правопонимания.

По мнению автора, рассмотрение конфликтов с точки зрения правопонимания, дает возможность увидеть механизм зарождения и формирования новых концепций в исследуемой области, проанализировать, как эти концепции выходят за пределы отрасли, как формируется новая отрасль.

М. В. Карасева отметила, что в сфере финансово-правовых конфликтов существуют две подгруппы:

1) конфликты, которые проявляются в правоприменении, правотворчестве, например, в сфере бюджетного права;

2) конфликты, проявляющиеся на уровне научного понимания, которые не описываются и не каталогизируются должным образом.

В последнее время стали появляться правовые конфликты, которые дают толчок для развития отрасли финансового права в целом. Например, на сегодняшний день в производстве Конституционного Суда РФ появилась практика разрешения финансово-правовых конфликтов, которая дает ученым хорошие идеи для развития общих принципов, финансово-правовых институтов, в частности бюджетного права.

По мнению автора, современное поколение ученых и ускоренный ход времени заставляет людей более формально подходить к проблемам научных отраслей, не исследуя глубинные причины их возникновения, что, несомненно, является минусом в науке нового времени.

Турсунбаева Назира Сартбаевна, доцент кафедры международного и конституционного права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина, кандидат юридических наук, доцент, раскрыла тему: «Национальная ментальность и ее роль в разрешении юридических конфликтов (на примере судов аксакалов Кыргызской Республики)».

Начиная выступление, автор отметила, что на сегодняшний день, в правовом поле Кыргызской Народной Республики очень активно развивается институт медиации и поэтому во многих научных работах ученые стали всё чаще изучать такие явления, как юридический конфликт, правовой конфликт.

Изучение национальной ментальности всё чаще и чаще становится предметом междисциплинарного анализа философов, культурологов, историков, психологов и с недавнего времени – юристов. Термины «ментальность» и «менталитет» в западноевропейской традиции находят выражение в одном слове «mentality», в немецком «mentalität» и во французском «mentalité».

В научной литературе дается большое количество определений ментальности, сущность, характеристики, основные функции которой интерпретируются представителями различных наук. Так, например, в социальной психологии можно встретить следующее определение ментальности: «...устойчивый способ специфического мировосприятия, характерный для больших групп людей, этносов, наций, социальных слоев, что обуславливает особенность способов их реагирования на явления, окружающую действительность».

Вместе с тем, изучение ментальности в юриспруденции только начинает набирать обороты. С правовой точки зрения ее определение еще не сложилось.

Таким образом, подчеркивает автор, ментальность свойственна определенной группе людей, которые объединены общими обычаями, традициями, культурой, языком и т.д.

Говоря о национальной ментальности, следует отметить, что процессы, связанные с обострением глобальных проблем, сложность геополитических процессов и универсальность характера большинства экологических, национальных и военных проблем привели к ее изучению и наращиванию актуальности.

Автор отметила, что в Кыргызской Республике особенности национального мышления можно проследить в пословицах и поговорках, которые отражают отношение к судьям и судопроизводству. В стране существует несколько форм разрешения юридических конфликтов, включая государственные и общественные. Основным способом разрешения юридических конфликтов остаются государственные суды, в деятельности которых наблюдаются спорные элементы. Например, большая продолжительность рассмотрения дел, коррумпированность судей, затратность и т.д. В связи с этим отношение граждан к судебным органам остается в плоскости общего недоверия. В национальной ментальности в Кыргызской Республике обращение к судебным органам означает крайнюю меру необходимости.

К общественным формам разрешения юридических конфликтов относятся существующие в стране суды аксакалов. Суды аксакалов с точки зрения мировой практики являются особенными, подобные общественные суды являются большой редкостью. В Кыргызской Республике их существование закреплено в Конституции и отдельном законе, их фи-

нансирование осуществляется из местного бюджета. Они относительно свободны в использовании различных источников для разрешения конфликтов, т.е. это может быть и законодательство, но при этом суды аксакалов при принятии решения могут использовать нормы морали, обычаев и традиций, которые характерны для региона. Таким образом, это достаточно редкая комбинация для негосударственной модели правосудия. Они в большей степени используют примирительные процедуры для разрешения юридических конфликтов.

В целом, например, если обратить внимание на гражданское судопроизводство в области разрешения семейных споров, то подходы судов аксакалов продиктованы ярко выраженным патриархальным укладом жизни населения. Суд аксакалов старается примирить супругов и сохранить семью, убеждая стороны подумать, например, о том, как они будут воспитывать детей, смогут ли они дать им соответствующее образование. Если возможности для примирения нет, то суд аксакалов старается действовать исходя из интересов женщины и детей. Например, по спору о разделе имущества суд аксакалов старается оставить имущество жене и детям, отступая от правила деления имущества в равных долях.

Роль и преимущества судов аксакалов очевидны – это близость к населению, понимание культурного контекста, знание проблем жителей, бесплатное разрешение споров, возможность рассмотреть спор даже при отсутствии письменных доказательств, широта нормативных источников для разрешения конфликтов.

Подшивалов Тихон Петрович, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского судопроизводства, заместитель директора по научной работе Юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ), кандидат юридических наук, доцент, изложил участникам конференции свое представление о рисках развития цифровых технологий и правовых конфликтах в условиях цифровой среды.

В начале своего доклада автор отметил, что развитие цифровой индустрии, или иначе говоря – четвертая промышленная революция, уже происходит, ее не избежать. Вместе с тем, ученые-юристы явно не успевают за развитием IT-сектора.

Озвучивая сущность рисков в пространстве цифровизации, автор сделал ряд ключевых выводов.

Волнения научного сообщества о том, что цифровизация приведет мир к порабощению людей, ничем не обоснованы. Если обратить внимание на отношение к цифровизации во всем мире, на то, насколько это беспокоит граждан, то можно сказать, что есть страны, в которых преобладают техно-оптимисты и страны, в которых большую роль играют техно-пессимисты.

Так, к странам – техно-оптимистам автор относит страны Азии и Востока. Представители данных государств считают, что цифровизация решит множество проблем человечества, так как принятие решений машинами имеет более объективный характер.

Второй риск, связанный с развитием технологизации, автор обозначил как «форма побеждает содержание», когда мы не решаем проблему, а делаем вид, что ее решаем.

Классический пример – регистрация прав на недвижимость при помощи блокчейна. Не решив проблему, что такое государственная регистрация как правовое явление, какое она имеет значение, не представится возможным развивать сферу цифровых регистрационных действий.

Третий риск связан с недоверием к блокчейну, так как информация находится не в одном центре, а распределена по множеству носителей, децентрализована. Часто мы слышим новости о том, что информация из некоторых государственных информационных систем оказывается на черном рынке, где неконтролируемым образом может передаваться третьим лицам для неизвестной цели.

Еще один риск связан с тем, что искусственный интеллект заменит человека, будет управлять им. Однако в настоящее время уровень развития технологий еще далек от этого.

Риск раскрытия приватности также остается одним из очень высоких. Живое общение людей скоро станет привилегией.

Подводя итог, автор подчеркнул, что только снизив шанс возникновения вышеописанных рисков, нивелировав их, цифровизация может приносить пользу.

Однако количество конфликтов в результате развития цифровой среды снизится. Так, видеонаблюдение в городской среде позволило значительно уменьшить количество правонарушений. Развитие цифрового судопроизводства позволит, например, выбирать арбитра из любой точки мира. Поэтому в конфликтологии цифровизация должна снизить частоту конфликтов, перевести их в призму психологических взаимоотношений между сторонами спора, эмоций и т.д.

Панин Евгений Александрович, советник президента Адвокатской палаты Воронежской области, Председатель Союза молодых адвокатов России, раскрыл особенности конфликтных ситуаций, допускаемых стороной защиты.

Свое выступление Е. А. Панин начал с ремарки о том, что любой спор, как лежащий в гражданско-правовой плоскости, так и в уголовно-правовой сфере, является конфликтом. В гражданско-правовой сфере спорят, как правило, физические, юридические лица, а в уголовно-правовой сфере этот конфликт наблюдается исключительно в рамках взаимодействия с государством.

Автором был приведен ряд интересных случаев из личной практики по защите интересов доверителей. Конфликты могут возникать как при досмотре на входе в здание суда, так и в судебном заседании, например, при заявлении отвода составу суда.

Панин Е. А. в очередной раз напомнил участникам конференции, что прежде чем провоцировать конфликт, «нужно, как в шахматной партии, думать на несколько ходов вперед». Та или иная эскалация конфликта, в первую очередь, должна приводить к положительному результату для обеих сторон в целях его скорейшего прекращения.

Красюков Андрей Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права юридического факультета ВГУ, раскрыл тему: «Конфликт как причина возникновения налогового права».

Начиная доклад, А. В. Красюков выделил два типа основных конфликтов в сфере налоговых правоотношений.

Первый – это конфликт собственника и государства. В основе этого конфликта находятся два взаимоисключающих начала. Государство озвучивает свой интерес по изъятию части имущества граждан и юридических лиц безвозмездно для публичных нужд. Собственник же хочет сохранить свое имущество максимально полно, насколько это возможно, в условиях действующего законодательства.

Каждая сторона действует в своих интересах в заданном направлении. Если этот конфликт развивается пассивно, гражданин оплачивает сумму налога, не желая вступать в большее противодействие с государственным органом. Если же гражданин проявляет активность как налогоплательщик, то здесь происходит динамично развивающийся конфликт. Первый этап динамики этого конфликта заключается в том, что налогоплательщики очень часто ищут дефекты в налоговом законодательстве, пробелы, коллизии, которые бы позволили либо не заплатить налог, либо заплатить его в меньшем размере. Государство, видя такие порой успешные попытки налогоплательщиков, стремится эти дефекты устранить и, соответственно, постоянно вносит изменения в налоговое законодательство. Таких законов «о поправках» в Налоговый кодекс РФ наблюдается уже сотни.

Более того, некоторые статьи в Налоговом кодексе РФ можно с уверенностью назвать не иначе как памятниками данного конфликта. В частности, А. В. Красюков обратил внимание участников конференции на содержание ст. 182 Налогового кодекса РФ. Исходя из теории налогового права, у косвенного налога должно быть всего лишь два объекта налогообложения: реализация подакцизных товаров; ввоз подакцизных товаров на таможенную территорию.

Если же сторонний наблюдатель откроет ст. 182 НК РФ, то он увидит в ней 42 объекта налогообложения вместо двух. Данное количество объек-

тов налогообложения стало последствием деятельности налогоплательщиков, которые постоянно стараются придумывать такие операции, которые прикрывали бы реализацию подакцизных товаров.

Продолжая выступление, автор озвучил второй тип конфликта. Это конфликт между публичным правовым образованием.

Поскольку РФ является федеративным государством, у каждого публичного образования есть свои финансовые интересы. Зачастую складываются такие моменты, когда на один и тот же налог претендует несколько публичных правовых образований. Автор привел пример консолидированной группы налогоплательщиков, когда несколько крупных предприятий, принадлежащих одному собственнику, совместно уплачивают налог на прибыль. Однако Российская Федерация является федеративным государством, в результате такого порядка уплаты налога одни субъекты федерации оказываются в более выигрышном положении, чем другие.

В завершение автором был сформирован вывод, что в рамках налогового права конфликт имеет позитивный характер, так как юридический конфликт позволяет вычлнить те тонкие места в налоговом законодательстве, которые препятствуют эффективному его применению в условиях постоянного конфликта. Именно поэтому нормы налогового права постоянно совершенствуются, дабы компенсировать имеющиеся в законодательстве пробелы.

Доклад Михаила Михайловича Степанова (Россия, г. Москва), ведущего научного сотрудника отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИГиСП при Правительстве Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента, был посвящен теме «Цифровые технологии и эволюция права».

По мнению докладчика, влияние цифровых технологий на право можно рассматривать как определенный конфликт между сложившейся правовой системой и необходимостью ее трансформации под воздействием цифровизации.

Исследования в области, например, правосубъектности искусственного интеллекта или цифрового закона следует отнести не к юриспруденции, а к футурологии или научной фантастике.

При этом совершенно очевидно, что настоящий период развития социума действительно связан с его глубокой трансформацией, особенностью которой является то, что основной причиной ее стало технологическое развитие. И речь здесь идет не только о цифровизации, т.е. о цифровых технологиях, но обо всей совокупности технологий большой пятерки, так называемых big технологиях.

Происходящие кардинальные изменения могут описываться в координатах промышленных революций или технологических укладов, но суть происходящих событий очевидна. Это изменение существующего

общественного устройства и переход к его новому этапу. Однако хотелось бы напомнить, что подобные метаморфозы как в истории человечества в целом, так и в истории отдельных стран происходили достаточно часто. Например, не стоит забывать о том, что мы живем уже в условиях четвертой промышленной революции или шестого технологического уклада. Еще более масштабными были трансформации, связанные с переходом к новой общественно-экономической формации или изменениями государственного правового строя внутри такой формации. Россия дважды в течение только прошлого века переживала такие события. Это создание и упразднение социалистического общественного строя, который являлся переходным периодом от капитализма к коммунизму, а также сопровождавшие его советские государство и право.

За прошедшие тысячелетия применение права существенно трансформировалось. Например, ушла в прошлое его классовая сущность. В подавляющем большинстве стран мира основным содержанием права стала светская составляющая. Законодательство, как правило, оформляется демократическим путем, его оформление осуществляется в соответствии с требованиями юридической техники и на основе юридической технологии. Урегулированы процедуры правореализации и особенно правоприменения. Таким образом, право развивается. Нет ничего удивительного в том, что современное законодательство, как и общество, испытывают на себе воздействия конвергентных технологий.

На сегодняшний момент на право наибольшее влияние оказывают информационные технологии, в том числе цифровые. Поэтому эволюцию права сейчас и в обозримом будущем, т.е. на горизонте пары-тройки десятилетий, следует связывать с цифровизацией, внедрением нейросетей и технологией блокчейн.

Какие тенденции развития правовой реальности на данный момент представляются наиболее перспективными?

Первое. Применение нейросетей в правотворчестве. В настоящее время уже существуют программы, которые могут готовить проект нормативных правовых актов. Однако они настолько примитивны, что практически не используются нормотворцами. Здесь следует напомнить, что еще в 2018 г. на петербургском Международном юридическом форуме Валерий Дмитриевич Зорькин, перед этим побывавший на выставке достижений юридических технологий, вдруг заговорил о возможности «упаковать» закон в программный код с целью обеспечения стройности, определенности и однозначности содержания нормативных актов. Однако до настоящего времени прорывных достижений в этой области не наблюдается, всё продолжает осуществляться, так сказать, вручную.

Второе направление. Использование искусственного интеллекта при проведении правовой и антикоррупционной экспертизы проекта нор-

мативных правовых актов. Это чрезвычайно востребованная сфера юридической деятельности, учитывая загруженность Минюста соответствующей работой. Здесь также имеются наработки, которые, опять-таки, не достигают необходимого для их практического применения уровня.

Третье направление. Это внедрение технологий проективного правосудия, которые активно используются за рубежом и после критического анализа и глубокой переработки могут быть применены для отправления правосудия в России. Здесь речь идет и о применении юристами, адвокатами этих технологий при подготовке соответствующих документов для суда.

Четвертое направление. Использование технологии блокчейн в определенных сферах юридической деятельности. Наиболее перспективный вариант – это использование в нотариате. Опять же здесь существует достаточно богатый зарубежный опыт. Например, возьмем прибалтийские государства, где нотариат полностью цифровизирован и на основе технологии блокчейна осуществляется эта деятельность. В России эта работа активно ведется и как следствие увеличивается количество направлений деятельности нотариуса, которые в той или иной степени связаны с использованием цифровых технологий.

Пятое. Внедрение технологии машиночитаемого права, его алгоритмизация, позволяющая осуществлять правоприменительную деятельность автоматически. Данное направление, во всяком случае в нашей стране, уже получило широкое распространение в сфере регистрации нарушений ПДД и вынесения соответствующих правоприменительных актов. В перспективе соответствующие решения будут распространены на сферы регулирования налогового, таможенного, бюджетного и некоторых других отраслей права.

Шестое направление, которое докладчик считает основным, – это дальнейшее внедрение информационной технологии в правореализационную и правоприменительную деятельность. Например, различные информационные системы, электронный документооборот, онлайн-коммуникации, электронное уголовное дело, правоохранительная цифровая платформа и т.д.

Подводя итог, М. М. Степанов отметил следующее.

Первое. Право в содержательном аспекте (и именно в этом аспекте), как и социум в целом, развивается, и это совершенно очевидно.

Второе. В настоящее время на трансформацию права наибольшее влияние оказывают цифровые технологии. Посмотрим, что будет в перспективе. Может быть, и остальные технологии Большой пятерки также смогут оказать воздействие на право.

Третье. В основном, проходящие изменения затрагивают сферу правореализации и правоприменения. Правотворчество пока еще выпадает из-под воздействия цифровых технологий.

Четвертое. На сущность, признаки и форму права какого-либо значительного влияния технологическое развитие не оказывает и даже в отдаленной перспективе не окажет.

Борха Этлис Габриэль Эстуардович (Республика Эквадор, г. Куэнка) – медиатор, практикующий юрист, руководитель НКО «Мирный Эквадор», эксперт Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета, выступил с докладом на тему «Классовая и расовая составляющие конфликтов современного Эквадора».

Докладчик отметил, с одной стороны, актуальность расового и классового компонентов в современных конфликтах в Эквадоре, с другой, в последние десятилетия данная проблема не стоит так остро в Латинской Америке.

Борха Этлис Габриэль Эстуардович обратил внимание на системность причин конфликтов, исследованию которых уделялось много внимания в работах классических авторов западной конфликтологии, таких как Дж. Э. Мур, К. Томас или М. Дойч.

Одной из проблем классовых и расовых конфликтов является максимальная детерминация множества причин, что обуславливает сложность последующего разрешения конфликтов подобного типа. В Эквадоре в последние годы ожесточилось противостояние между разными группами населения в связи с индейскими восстаниями, широко поддержанными также другими группами, прежде всего трудовым населением. Причины восстаний кроются в ущемлении прав прежде всего бедной части эквадорского населения.

Анализ уровня доходов населения Латинской Америки в целом и в Эквадоре в частности позволяет говорить о детерминации бедности и расовой, этнической и классовой принадлежности групп населения. Более того, отделить, изолировать определение классизма от явлений расизма очень сложно. В Латинской Америке эти понятия очень тесно связаны из-за колониальных процессов, которые происходили на континенте. Основное неравенство в Эквадоре, по сути дела, – прежде всего этническое. Из-за этого классизм в Латинской Америке, в Эквадоре в частности, выглядит как непосредственное следствие этнической принадлежности. Это явление возникает из-за неравенства, которое выражается прежде всего в Эквадорской «идиосинкразии».

Каковы в данном случае причины классизма? Бедность, плачевные условия труда и неравенство.

Социальное неравенство воспринимается как что-то данное, само собой разумеющееся, «добровольная» проблема. Очень часто в эквадорском обществе можно услышать высказывания, что бедный беден, потому что он так хочет, и нечего говорить о бедности, нужно начинать работать, и т.д.

В этом отношении существует несколько нерешенных проблем. По статистическим данным на 2021 г. уровень бедности на национальном уровне составляет более 30 %, а в сельской местности этот процент возрастает практически до 50 %. В период с 2016 по 2021 г. уровень бедности на национальном уровне увеличился почти на 9 %. Уровень крайней бедности в сельской местности практически в три раза выше, чем в городах. Если мы посмотрим на этническую составляющую населения, то увидим, что в группах индейцев и эквадорцев африканского происхождения уровень бедности и крайней бедности практически в два раза превышает уровень бедности у метисов или у белых. Если говорить об уровне безработицы и неформальной занятости, опять-таки по этому пункту также сохраняется данная тенденция.

Высокое неравенство и низкие темпы роста экономического развития в Эквадоре также приводят к тому, что более половины (около 60 %) дохода находится в руках пятой части населения, в основном в руках белого населения.

Подобная ситуация, сохраняющаяся на протяжении многих десятилетий, привела к тому, что на рубеже XX и XXI вв. в Эквадоре были приняты конституционные законодательные меры, которые были призваны сократить эти различия и приблизиться к большему равноправию между этническими группами.

Однако данные усилия не привели к большому успеху. Согласно данным Организации Объединенных Наций за 2019 г. о ситуации в Эквадоре, в частности, отмечено присутствие дискриминации и неравенства по отношению к афро-эквадорцам. Лица африканского происхождения представляют собой не более 7–8 % населения, при этом 40 % эквадорцев, живущих в бедности, являются лицами африканского происхождения.

Рабочая группа Совета по правам человека Организации Объединенных Наций формулировала запрос эквадорскому правительству в 2019 г. с тем, чтобы были приняты срочные меры по улучшению условий жизни именно этой группы. Правительство Эквадора должно было реализовать планы по прекращению дискриминации. Было отмечено, что люди сталкиваются с трудностями доступа к правосудию, безопасности, к реализации права на земельную собственность, чистой воде, образованию, здравоохранению, жилью и экономическим возможностям. Однако все изменения остаются исключительно на бумаге.

Говоря об афро-эквадорском населении, докладчик обратил внимание на северную провинцию Эсмеральдас, где практически 70 % населения имеет африканское происхождение. Это одна из самых бедных провинций Эквадора. 85 % населения живет за чертой бедности, 23 % имеют ограниченный доступ к базовым услугам, к водопроводу, к электричеству и т.д., 15 % населения неграмотно.

Борха Этлис Габриэль Эстуардович в своем докладе обратил внимание на наиболее значимые аспекты проблем образования, трудовой занятости, профессионального травматизма, здравоохранения для индейского и афро-эквадорского населения. По статистике количество жилой недвижимости в собственности в гораздо меньших процентах находится в руках афро-эквадорского и индейского населения. Докладчик отметил, что те сложности, с которыми сталкивается индейское и афро-эквадорское население, существенно превышают те, какие можно видеть у метисов или, тем более, у белых. Мы наблюдаем доминантный дискурс, который ставит в центре культурного контекста прежде всего белое население Эквадора. Какие традиции при этом провозглашаются? В основном все, связанные с историческим наследием креолов, прямых потомков испанских конкистадоров, хотя их доля на сегодняшний день в эквадорском обществе не превышает десяти процентов.

Указанные выше конфликтогенные факторы обострились после индейских восстаний, начиная с 2019 г. В 2020–2021 гг. в среде городского населения было огромное количество расистских высказываний. Как известно, в начале 2024 г. в Эквадоре было введено военное положение. Данные события также тесно связаны с классовыми и расовыми составляющими конфликтов современного Эквадора.

Подводя итог своего выступления, докладчик констатировал, что расовые и классовые компоненты весьма взаимосвязаны в Эквадоре в частности и в целом в Латинской Америке и, как следствие, влияют практически на каждую из возможных причин конфликтных ситуаций.

Алимкина Олеся Николаевна (Россия, г. Воронеж), адвокат филиала Воронежской областной коллегии адвокатов «Адвокатская контора Алимкина Н. И.», определила тему своего доклада следующим образом: «Конфликт – препятствие или инструмент работы юриста?»

О. Н. Алимкина начала свой доклад с тезиса о том, что конфликт как таковой – это естественная среда обитания юриста. Юрист, особенно судебный юрист, вне конфликта не существует, потому что не было бы конфликтов – не было бы работы для юриста. Любое дело в суде возникает обязательно из конфликта. Пусть даже это не спор в чистом виде, а дело об установлении фактов, имеющих юридическое значение, всё равно в своей основе оно будет иметь конфликт.

С точки зрения психологии конфликт – это всегда негативное явление, поскольку оно провоцирует возникновение неприятных эмоций. Юристов, как студентов, системной конфликтологии не учат, и поэтому в ходе практической работы каждый юрист находит для себя какие-то собственные способы использовать конфликт в качестве инструмента своей деятельности.

Докладчица поделилась личным опытом применения навыков психологии конфликта в практической юриспруденции. Были отмечены отдельные конфликтогенные аспекты работы адвокатов, частнопрактикующих юристов, представителей судейского корпуса, а также соотношение двух важных элементов практической деятельности юриста, таких как «конфликт» и «доверие».

Зражевская Татьяна Дмитриевна (Россия, г. Воронеж), профессор кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, предложила к обсуждению доклад на тему «Конституционные механизмы управления социальными конфликтами».

По мнению докладчицы, конфликтность – это естественное состояние общества. Исторически очевидно, что именно конфликты выступают одной из причин создания конституций. Конституционализм – порождение конфликтологии как науки, потому что это и есть средство конституции и конституционного права, средство как раз устранения остро-конфликтных ситуаций. Одним из примеров является Конституция РФ 1993 г., которая стала способом разрешения конфликта между Президентом РФ и Парламентом.

Профессор Т. Д. Зражевская обратила внимание на особенности конфликта в конституционном праве, в частности, на уровне конституционного конфликта, его остро-публичный характер, кризисный характер конституционных конфликтов, коллективность (массовость) данных конфликтов.

В то же время отдельные конституционные нормы сами по себе имеют конфликтогенный потенциал. Например, статья 10 Конституции РФ закрепляет публичную власть в трех ветвях. В связи с этим возникает вопрос о власти президента, СМИ, общества. Что при определенных обстоятельствах может спровоцировать конфликт и кризис публичной власти и институтов гражданского общества.

Также была отмечена конфликтогенность статей 71 и 72 Конституции РФ, отдельных положений глав 1 и 2 Основного закона России.

Отдельное внимание было уделено роли Конституционного суда РФ в урегулировании конфликтов между нормами отраслевого законодательства и конституционными положениями. Были отмечены отдельные проблемы в организации работы КС РФ.

В докладе обоснована важность стратегического планирования конфликтных ситуаций в контексте федерального закона от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в РФ». В связи с этим, по мнению докладчицы, одним из приоритетов стратегического планирования конфликтных ситуаций должна стать проблема избирательных споров.

Поцелуев Евгений Леонидович (Россия, г. Иваново), и. о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека юридического факультета ИвГУ, кандидат исторических наук, доцент, выступил с докладом, подготовленным в соавторстве с Ольгой Владимировной Кузьминой (Россия, г. Иваново), первым проректором ИвГУ, заведующим кафедрой уголовного права и процесса ИвГУ, кандидатом юридических наук, доцентом, на тему «Уголовное судопроизводство как одна из форм разрешения юридических конфликтов».

Докладчиком были озвучены взгляды относительно «юридических конфликтов» и «социальных конфликтов» ряда представителей юридической и социологической наук, в частности, профессора, доктора юридических наук Александра Валентиновича Аверина, доктора социологических наук, профессора Владислава Аркадьевича Бачинина, доктора юридических наук, профессора Романа Анатольевича Ромашова, доктора юридических наук, профессора Татьяны Викторовны Худойкиной.

Докладчик согласен с тезисом о том, что конфликт – это постоянный спутник социума. Так же, как правонарушения были, есть и будут, так и, соответственно, конфликты были в истории, есть в настоящее время и будут в дальнейшем.

Выступающий отметил важность судебных процедур по разрешению юридических конфликтов, обратил внимание на отдельные проблемы по разрешению юридических конфликтов в уголовном судебном процессе. В частности, на разницу квалификации одних и тех же обстоятельств разными судебными инстанциями. Уделил внимание роли международного уголовного судопроизводства как одной из форм разрешения юридических конфликтов.

Матыцин Александр Дмитриевич (Россия, г. Воронеж), старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, в своем докладе предложил авторский взгляд на проблему разрешения конфликтов путем медиативных процедур.

Основная идея его доклада выражалась в том, что медиация как средство разрешения юридических конфликтов возможна не только в отраслях частного права, но и в отраслях публичного права, в том числе в такой сугубо публичной отрасли, как уголовное судопроизводство. Мы не найдем в Уголовно-процессуальном кодексе РФ такого участника уголовного судопроизводства, как медиатор. Но по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести такие процедуры, как прекращение дела в связи с примирением сторон, прекращение дела в связи с деятельным раскаянием, прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, применение меры уголов-

но-правового характера – судебного штрафа, очень близки к медиативным. Так или иначе, функции медиатора в уголовном процессе с успехом выполняют либо защитник, либо представитель потерпевшего. По тяжким и особо тяжким преступлениям медиация неприменима. В целом, по мнению докладчика, медиативные процедуры должны быть предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством и имеют большую перспективу в отраслях публичного права.

В завершение конференции заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ВГУ, доктор юридических наук, профессор Светлана Николаевна Махина поблагодарила организаторов, а также всех участников научной сессии, отметив высокий научно-исследовательский уровень докладов.

Для цитирования:

Сиринько В. А., Шелестов Д. С. Обзор Третьей международной научно-практической конференции «Юридические конфликты современного мира – 2024» (Воронежский государственный университет. 15 марта 2024 г.) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3(8). С. 141–159.

Recommended citation:

Sirinko V. A., Shelestov D. S. The review of the Third International Scientific and Practical Conference "Legal Conflicts of the Modern World – 2024" (Voronezh State University. March 15, 2024) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 3(8). Pp. 141–159.

Сведения об авторах

Сиринько Валерия Александровна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: vallsi@mail.ru

Шелестов Дмитрий Станиславович – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Information about authors

Sirinko Valeriya Alexandrovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: vallsi@mail.ru

Shelestov Dmitry Stanislavovich – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

PERSONA:
70-ЛЕТИЕ ПРОФЕССОРА А. В. ПОЛЯКОВА

УДК 340.1

**ОТ КОММУНИКАТИВНОГО
К НАТУРАЛИСТИЧЕСКОМУ «ПОВОРОТУ»
В ТЕОРИИ ПРАВА:
К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА А. В. ПОЛЯКОВА**

С. Н. Махина, Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 августа 2024 г.

Аннотация: статья посвящена 70-летию юбилею известного российского ученого, доктора юридических наук, профессора кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета Андрея Васильевича Полякова. Авторы анализируют вклад профессора А. В. Полякова в развитие отечественной теоретико-правовой науки. Подчеркивается, что коммуникативный подход к правопониманию, ведущим представителем которого в российской юриспруденции является А. В. Поляков, привел к пересмотру классических постулатов научной рациональности. В статье также рассматриваются идеи правового натурализма, озвученные А. В. Поляковым в контексте развития современных нейронаук. Анализируется их взаимосвязь с коммуникативным и антропологическим подходом к праву с позиций влияния на теоретическую юриспруденцию.

Ключевые слова: коммуникативная теория права, постклассическая теория права, А. В. Поляков, постклассический правовой натурализм, нейронауки, когнитивные исследования, субъект права, юридическая антропология.

© Махина С. Н., Малиновская Н. В., 2024

FROM THE COMMUNICATIVE TO THE NATURALISTIC “TURN” IN LEGAL THEORY: TO THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR A. V. POLYAKOV

S. N. Makhina, N. V. Malinovskaya

Voronezh State University

Abstract: the article is dedicated to the 70th anniversary of the famous Russian scientist, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg State University Andrey Vasilyevich Polyakov. The authors analyze the contribution of Professor A. V. Polyakov to the development of domestic theoretical and legal science. It is emphasized that the communicative approach to legal understanding, the leading representative of which in Russian jurisprudence is A. V. Polyakov, led to a revision of the classical postulates of scientific rationality. The article also considers the ideas of legal naturalism voiced by A. V. Polyakov in the context of the development of modern neurosciences. Their relationship with the communicative and anthropological approach to law is analyzed from the standpoint of influence on theoretical jurisprudence.

Key words: communicative theory of law, postclassical theory of law, A. V. Polyakov, postclassical legal naturalism, neuroscience, cognitive research, subject of law, legal anthropology.

Имя профессора Андрея Васильевича Полякова широко известно российской юридической науке и непосредственно связано с развитием в ней коммуникативного подхода к пониманию права, основоположником и главным идейным вдохновителем которого Андрей Васильевич остается с начала 2000-х гг. вплоть до настоящего времени.

За прошедшие годы коммуникативная теория права стала неотъемлемой частью современной российской теоретико-правовой науки. Не будет преувеличением утверждать, что среди различных постклассических подходов к правопониманию именно коммуникативный стал одним из наиболее распространенных и научно аргументированных. Безусловно, основополагающая заслуга в этом принадлежит профессору А. В. Полякову. В настоящее время невозможно представить себе преподавание дисциплин «История и методология юридической науки», «Проблемы теории государства и права», «Философия права», а равно и курса общей теории права без рассмотрения в различных ракурсах коммуникативного подхода к правопониманию. Между тем, изданный А. В. Поляковым в 2001 г. труд «Общая теория права»¹ имел поистине ошеломляющий эф-

1 См.: Поляков А. В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001.

фект на юридическое научное сообщество, а практика его включения в образовательный процесс задала тон апеллированию к постклассическим идеям как тренду современной российской юриспруденции. Впоследствии курс лекций был расширен и неоднократно переиздавался, а поднятые в нем классические теоретико-правовые проблемы получали неклассическое измерение и рассматривались с непривычных отечественному правоведению ракурсов: в их числе не только вопросы правопонимания и онтологического статуса права, но и проблема правогенеза, иерархии правовых ценностей, правосознания и правовой культуры, правоотношений и правовой интерпретации.

Ключевым понятием коммуникативного подхода к правопониманию становится «правовая коммуникация», определяемая как правовое взаимодействие субъектов, возникающее на основе социальной интерпретации правовых текстов, предоставляющих им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении². Присущая правовой коммуникации текстуальность порождает широкие возможности толкования и формирования субъектами смыслов воспринимаемых знаковых форм. В рамках коммуникативного подхода понятия «правовой текст» и «правовая норма» оказываются различными не только в контексте широты смысловых аспектов правовой текстуальности, но и в контексте опосредования правовой нормы социокультурной действительностью, где норма права представляет собой «идеально-материальный феномен»³. Такие суждения позволяют усмотреть в коммуникативном подходе идеи социологической юриспруденции. Собственно, коммуникативная теория правопонимания изначально постулируется как «интегральная», в рамках которой становится возможным «диалог» различных правовых концепций, позволяющий сформировать «целостную концепцию права, свободную от недостатков правовых воззрений советской эпохи»⁴.

Изучение права в коммуникативном контексте позволяет открыть в нем целый ряд аспектов: текстуальный (семиотический), социокультурный (ценностный), психологический (рациональный и иррациональный), праксиологический (деятельностный). Все они тесно взаимосвязаны. Так, само действие права раскрывается через возникновение социально-правовой коммуникации, когда правовые тексты воздействуют на субъектов, порождая их интерпретацию с учетом ценностного (социокультурного) контекста и вызывая в реальной действительности опреде-

² См.: Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 11–12.

³ См.: Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. СПб., 2002. С. 4.

⁴ Архипов С. И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 4. С. 20.

ленное социально-значимое поведение, являющееся проекцией уясненного смысла принадлежащих субъектам правовых возможностей и обязанностей⁵. А. В. Поляков, указывая на природу правовых норм как на результат «информационно-ценностного и функционального воздействия первичных и вторичных правовых текстов на субъектов», подчеркивает, что они являются постоянно действующими в рамках социальной системы. А потому «само выражение “действующее право” есть плеоназм, так как “недействующего права”, в строгом смысле слова, быть не может»⁶. Выводом из функционального подхода к смыслу права является его понимание как «постоянно становящейся плюралистической коммуникативной системы, все элементы которой рационально не охватываемы»⁷.

Глубина коммуникативного подхода к праву позволяет затронуть самые различные стороны правовой действительности, в том числе и ее конфликтологический ракурс. Так, действие права может порождать правовые конфликты между различными элементами системы правовой коммуникации. По мнению А. В. Полякова, такие конфликты могут возникать на «межсубъектном и текстуально-правовом уровнях»: в результате различной интерпретации правовых текстов, использования в конкретной правовой ситуации правовых текстов различных правовых систем (например, государственного и социального права). Коммуникативный подход усматривает конфликтогенность, в том числе, на уровне различных текстов одной правовой подсистемы – правового текста бытия и государственно-правового текста⁸.

Понятие «правовой коммуникации», будучи взятым за отправную точку юридических исследований, становится призмой, способной преобразить казавшиеся однозначными явления и категории правовой действительности. Она подчеркивает «принципиальную intersубъективность природы права», его особый характер как явления, основанного на взаимодействии и взаимном согласии относительно общих смыслов⁹. А. В. Поляков рассматривает право как «сферу человеческого взаимодействия и взаимопонимания, согласия и компромисса, свободы и ответственности, равенства и справедливости». Причем достижение полного согласия и абсолютной справедливости не предполагается, но уже их минимум является «необходимой предпосылкой права»¹⁰.

⁵ См.: Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб., 2003. С. 597.

⁶ Там же. С. 598.

⁷ Там же. С. 599–600.

⁸ См.: Там же. С. 602.

⁹ См.: Павлов В. И. Идея правовой коммуникации и современная антропология права // Правоведение. 2014. № 5. С. 131.

¹⁰ См.: Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27.

Коммуникативная методологическая программа названа одной из ведущих в современной юриспруденции. Подчеркивается, что она является принципиально субъект-ориентированной. Для нее ответ на вопрос «Что есть право?» невозможен без ответа на вопрос «Что есть человек?»¹¹. Вся социальная реальность с позиций коммуникативного подхода является «интерсубъективной» и «непрерывно создается индивидами в процессе коммуникативных взаимодействий»¹². В этом смысле коммуникативное правопонимание близко антропологическому подходу к исследованию правовой реальности, согласно которому право представляет собой релятивный феномен, сконструированный активностью человека и воспроизводимый в его (человека) практиках¹³.

Антропологические составляющие коммуникативного подхода проявляют себя в первоначальных методологических установках, где коммуникация рассматривается как естественный и необходимый процесс «становления человека»¹⁴.

Сами правовые нормы, проходя через сознание и волю человека, оказываются конституированными «всей совокупностью текстов данной культуры (интертекстом)»¹⁵. Равным образом, сами юридические понятия и категории оказываются антропологизированными – многомерными, вписанными в контекст правовой культуры, конкретизированными в различных коммуникативных практиках¹⁶.

Поиск коммуникативных обоснований поведенческих практик субъектов, концепции прав человека и правовых универсалий в настоящее время осуществляется профессором А. В. Поляковым в контексте «натуралистического поворота» в постклассической теории права. Результаты современных когнитивных исследований и данных нейронаук подтверждают высказанные первоначально идеи о наличии как иррациональных, так и рациональных начал в поведении субъектов, формировании моделей правового регулирования, а также обосновании правовых универсалий¹⁷.

¹¹ См.: *Честнов И. Л.* История и методология юридической науки : учебник. М., 2018. С. 163.

¹² *Разуваев Н. В.* Три парадигмы правового познания: к юбилею профессора А. В. Полякова // *Управленческое консультирование*. 2015. № 3. С. 64.

¹³ *Честнов И. Л.* Антропология как методология постсовременной юриспруденции // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии*. 2022. № 1. С. 25.

¹⁴ *Поляков А. В.* Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование). С. 9.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ См.: *Честнов И. Л.* Антропологизация правовых понятий как способ преодоления догматизации юриспруденции // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии*. 2023. № 4(5). С. 15–17; *Поляков А. В.* Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // *Материалы межвузовской научно-теоретической конференции / под общ. ред. Д. И. Луковской*. СПб., 2004. С. 4.

¹⁷ См.: *Поляков А. В.* Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // *Постклассические исследования права: пер-*

В частности, современные нейроисследования изменяют подход гуманитарных наук к человеческому мозгу, который «предстает очагом виртуальной активности, выстраивающим имманентный себе образ церебральной реальности и обладающим когнитивным измерением, в котором производятся концепты»¹⁸.

В настоящее время решение вечной проблемы выявления и обоснования ценностных универсалий права может быть достигнуто на основе выводов естественных наук. А. В. Поляков акцентирует внимание на том, что исследования современных нейронаук в совокупности с идеями Л. И. Петражицкого подтверждают суждения Ч. Дарвина о возникновении, совершенствовании и развитии умственных и нравственных способностей человека под влиянием естественного отбора. «Нравственность и право при данном подходе являются необходимым средством для выживания и развития человека, для развития по пути прогресса»¹⁹. В этом контексте «общественные» нравственные чувства могут быть сравнимы с инстинктами.

Таким образом, профессор А. В. Поляков предлагает очередное дискуссионное направление исследований в современной теории права – натуралистическое, с необходимостью заставляющее анализировать данные нейронаук для целостного понимания человеческого поведения и понимания права как такового.

Основные плоскости комбинаторики естественно-научных и гуманитарных исследований в ближайшее время еще предстоит определить юридической науке. Однако роль основополагающего вектора правовых дискуссий в данном ракурсе по-прежнему принадлежит коммуникативному подходу, фундаментальная разработка основ которого, несмотря на формирование отдельных отправных начал в трудах Л. И. Петражицкого, Ю. Хабермаса, Н. Лумана²⁰, в отечественной правовой науке была осуществлена именно профессором А. В. Поляковым.

Вышеизложенное подтверждает, что последовательное развитие идей коммуникативного подхода позволяет открывать все новые грани диалога между представителями различных школ понимания права и перманентно оставляет место новым дискуссиям, которые в настоящее время

спективы научно-практической программы : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2023. С. 106.

¹⁸ Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста). С. 110.

¹⁹ Поляков А. В. Перспективы развития российской философии права в контексте когнитивных исследований и нейронаучных данных // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 38.

²⁰ См.: Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6. С. 95; Антонов М. В. О коммуникативной теории права Андрея Васильевича Полякова // Российский юридический журнал. 2015. № 6.

активно развиваются в плоскостях антропологического и натуралистического «поворотов» в осмыслении правовой реальности.

Библиографический список

Антонов М. В. Коммуникативный подход и российская теория права / М. В. Антонов, А. В. Поляков, И. Л. Честнов // Правоведение. – 2013. – № 6. – С. 78–95.

Антонов М. В. О коммуникативной теории права Андрея Васильевича Полякова / М. В. Антонов // Российский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 22–33.

Архипов С. И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова / С. И. Архипов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – № 4. – С. 20–27.

Павлов В. И. Идея правовой коммуникации и современная антропология права / В. И. Павлов // Правоведение. – 2014. – № 5. – С. 127–135.

Поляков А. В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека / А. В. Поляков // Материалы межвузовской научно-теоретической конференции / под общ. ред. Д. И. Луковской. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2004. – С. 3–28.

Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада / А. В. Поляков. – СПб., 2002. – 94 с.

Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации / А. В. Поляков // Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 27–45.

Поляков А. В. Общая теория права. Курс лекций / А. В. Поляков. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 642 с.

Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций / А. В. Поляков. – 2-е изд., доп. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 845 с.

Поляков А. В. Перспективы развития российской философии права в контексте когнитивных исследований и нейронаучных данных / А. В. Поляков // Российская юстиция. – 2022. – № 12. – С. 30–42.

Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) / А. В. Поляков // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб. : Алетей, 2023. – 500 с.

Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права / А. В. Поляков // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1. – СПб. : Юридическая книга, 2009. – С. 9–42.

Разуваев Н. В. Три парадигмы правового познания: к юбилею профессора А. В. Полякова / Н. В. Разуваев // Управленческое консультирование. – 2015. – № 3. – С. 60–67.

Честнов И. Л. Антропологизация правовых понятий как способ преодоления догматизации юриспруденции / И. Л. Честнов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 4(5). – С. 11–18.

Честнов И. Л. Антропология как методология постсовременной юриспруденции / И. Л. Честнов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2022. – № 1. – С. 21–26.

Честнов И. Л. История и методология юридической науки : учебник / И. Л. Честнов. – М. : Инфра-М, 2018. – 283 с.

References

Antonov M. V. Communicative approach and Russian theory of law / M. V. Antonov, A. V. Polyakov, I. L. Chestnov // Jurisprudence. – 2013. – No. 6. – Pp. 78–95.

Antonov M. V. On the communicative theory of law of Andrey Vasilyevich Polyakov / M. V. Antonov // Russian Law Journal. – 2015. – No. 6. – Pp. 22–33.

Arkhipov S. I. Communicative theory of law of A. V. Polyakova / S. I. Arkhipov // Electronic supplement to the Russian Law Journal. – 2016. – No. 4. – Pp. 20–27.

Chestnov I. L. Anthropology as a methodology of post-modern jurisprudence / I. L. Chestnov // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2022. – No. 1. – Pp. 21–26.

Chestnov I. L. Anthropologizing legal concepts as a way to overcome the dogmatization of jurisprudence / I. L. Chestnov // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2023. – No. 4 (5). – Pp. 11–18.

Chestnov I. L. History and methodology of legal science: textbook / I. L. Chestnov. – Moscow : Infra-M, 2018. – 283 p.

Pavlov V. I. The idea of legal communication and modern anthropology of law / V. I. Pavlov // Jurisprudence. – 2014. – No. 5. – Pp. 127–135.

Polyakov A. V. Anthropological and communicative substantiation of human rights / A. V. Polyakov // Proceedings of the interuniversity scientific and theoretical conference / under the general editorship of D. I. Lukovskaya. – St. Petersburg : Publishing house of St. Petersburg State University, 2004. – Pp. 3–28.

Polyakov A. V. Communicative concept of law (genesis and theoretical and legal substantiation) : dis. ... Dr. of Law in the form of a scientific report / A. V. Polyakov. – St. Petersburg, 2002. – 94 p.

Polyakov A. V. General theory of law. Lecture course / A. V. Polyakov. – St. Petersburg : Legal Center Press Publishing House, 2001. – 642 p.

Polyakov A. V. General Theory of Law: Phenomenological and Communicative Approach. Lecture course / A. V. Polyakov. – 2nd ed., suppl. – St. Petersburg : Legal Center Press Publishing House, 2003. – 845 p.

Polyakov A. V. Farewell to the classics, or how a communicative theory of law is possible / A. V. Polyakov // Russian yearbook of legal theory. – 2008. – No. 1. – St. Petersburg : Yuridicheskaya kniga, 2009. – Pp. 9–42.

Polyakov A. V. Normativity of legal communication / A. V. Polyakov // Jurisprudence. – 2011. – No. 5. – Pp. 27–45.

Polyakov A. V. Postclassical jurisprudence, evolutionary theory and neuroscience (confession of a communicativist) / A. V. Polyakov // Postclassical legal studies: prospects for a scientific and practical program : collective monograph / ed. by E. N. Tonkov, I. L. Chestnov. – St. Petersburg : Aleteya, 2023. – 500 p.

Polyakov A. V. Prospects for the Development of Russian Philosophy of Law in the Context of Cognitive Research and Neuroscientific Data / A. V. Polyakov // Russian Justice. – 2022. – No. 12. – Pp. 30–42.

Razuvaev N. V. Three paradigms of legal knowledge: on the anniversary of Professor A. V. Polyakov / N. V. Razuvaev // Management consulting. – 2015. – No. 3. – Pp. 60–67.

Для цитирования:

Махина С. Н., Малиновская Н. В. От коммуникативного к натуралистическому «повороту» в теории права: к юбилею профессора А. В. Полякова // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3(8). С. 160–168.

Recommended citation:

Makhina S. N., Malinovskaya N. V. From the communicative to the naturalistic “turn” in legal theory: on the anniversary of professor A. V. Polyakov // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 3(8). Pp. 160–168.

Сведения об авторах

Махина Светлана Николаевна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета

E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

Малиновская Наталья Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ilbas@mail.ru

Information about authors

Makhina Svetlana Nikolayevna – Head of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of Law Faculty of Voronezh State University

E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

Malinovskaya Natalia Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: ilbas@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегия по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегия по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегия Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);

- текст статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо при-слать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сек-тора, подразделения организации) о рекомендации присланного мате-риала к опубликованию в журнале или подписанный научным руково-дителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редак-тированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной кол-легией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или око-ло 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) че-рез 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфа-витном порядке. Библиографический список подлежит переводу на ан-глийский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому по-зитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отно-шения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Haber-
mas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – М. : Infotropik Media, 2011. – 192 p. (In Rus)

Radbrukh G. Legal philosophy / G. Radbrukh. – М. : International relationships, 2004. – 238 p. (In Rus)

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

